

ПОГАННОЕ ПОЛЕ

АЛЕКСАНДР ЦЗИ

Олесь Панов — обычный айтишник, оставшийся без работы. Поверив другу, он соглашается поучаствовать в якобы безопасном научном эксперименте за деньги и внезапно оказывается в Вечной Сибири — странном месте, где живут люди, которые считают, что окружены бесконечным аномальным Поганым полем. Жители Вечной Сибири поголовно чипированы и живут ради “рейтинга”, который определяет их судьбу. Олесь вынужден сделать выбор: принять условия игры и жить, как все, или же попытаться прорваться через Поганое поле, наполненное ожившими кошмарами, и вернуться домой.

Глава 1. Визитки на выбор

Я открыл глаза и не понял, где нахожусь. Прямо перед носом маячило мутное стекло, заляпанное сальными пальцами и засиженное мухами. Сам я лежал в узкой камере, вроде гроба или саркофага, в маслянистой жидкости, освещенный тусклой синеватой подсветкой и облепленный проводами, похожими на побеги вьюна. Стоило шевельнуться, как проводасорняки отцепились от кожи, втянувшись в стенки камеры.

Секундная оторопь сменилась нарастающей паникой. Я забился в бултыхающейся жиже, застучал руками по крышке саркофага. Сразу же пискнуло, крышка с протяжным скрипом откинулась, и я рывком сел, разбрызгивая мутную маслянистую жидкость. Перевел дыхание, пуча глаза и озираясь.

Саркофаг оказался чем-то вроде металлической капсулы метра два с лишним длиной. Поверхность капсулы покрывала мерзкая зеленая краска, облупившаяся кое-где по углам. Саркофаг стоял у стены на цементном полу в небольшой комнате рядом с двумя точно такими же гробами. Кроме этих трех устройств, в комнате были старый шкаф и стол со стулом, на спинке стула висели полотенце и какие-то шмотки.

Я уперся ладонями в силиконовые края капсулы, поднялся. И тут только обнаружил, что совершенно голый.

— Что за херня?

В некоторой панике осмотрел себя. Руки-ноги целые, никаких рубцов и швов нет, в том числе от проводов. Почки и другие важные органы вроде бы на месте...

В комнате было прохладно — я это сразу ощутил, как только выбрался из теплой жидкости. Переступив через край капсулы, я очутился на ледяной железной решетке в цементном полу. Маслянистая жидкость стекала с меня неспешными потоками в эту решетку, откуда пахло канализацией. Когда влага более-менее стекла, я прошлепал к стулу и схватил полотенце.

Пока вытирался, лихорадочно вспоминал, что произошло и как я сюда попал.

Сразу и без проблем вспомнилось, как меня зовут — Олесь Панов. Мне двадцать два. Я живу в крохотной съемной квартирке. Месяц назад потерял работу и с тех пор озабочен только одним: поисками денег, чтобы платить аренду и временами что-то жевать.

А еще у меня есть тетя...

Кое-как стерев с себя неведомую жидкость, которая, к счастью, хорошо оттиралась и не оставляла следов, я огляделся повнимательнее.

Помещение очень старое и неухоженное. Ремонтировали его, судя по всему, лет сто назад. Окна такие, что и в сарае поставить стыдно: разошедшаяся деревянная рама, кое-где треснувшие стекла, трещины замазаны пыльной серой массой вроде пластилина. Замазкой? Стены оклеены уродскими обоями с выцветшими изображениями мячиков и теннисных ракеток.

Напротив окна дверь, деревянная и тоже старая. Вторая дверь сбоку от окна, узкая, скособоченная и не влезающая полностью в проем.

От капсул, которые выглядели невероятно футуристично на фоне интерьера, тянулись толстые кабели. Они присосались к стальной панели на стене, невысоко от пола. На панели мигали три разноцветные лампочки. Еще от панели отходил провод покороче и потоньше и

подключался к громоздкому старинному ноутбуку, стоявшему на табуретке у стены.

Что это за халупа?

И что это за капсулы?

Никакой серьезной амнезии, кажется, нет, но тем не менее в голове туман, никак не понять, как меня сюда занесло.

Я прислушался — все тихо. Взгляд остановился на двух других камерах. Там тоже кто-то лежит? Дрожа от холода, я подкрался сначала к одной камере, потом к другой. Заглянул в оконце-иллюминатор на крышке. Никого.

Посмотрел на темный монитор ноута — прибор в спящем режиме.

Вернувшись к столу, осторожно взял одежду — это были поношенные штаны и рубаша с толстовкой неопределенного цвета. На локтях толстовки неаккуратно пришиты заплатки. Тряпки моего размера. Еще были семейные труселя... Поколебавшись, я нацепил шмотье, кроме труселей — ими я побрезговал. В углу стояли берцы с небрежно засунутыми внутрь тряпками.

А это что, портянки?

Как надевать портянки, я в принципе знал — тренировался с приятелем в девятом классе от нечего делать, насмотревшись военных фильмов. Но пользоваться чьими-то чужими портянками — это чересчур. Я поднял одну портянку двумя пальцами, принялся. Ничем не пахнут, чистые и сухие. Снова заколебался. До меня еще не дошел весь сюр ситуации, но я чувствовал, что скоро дойдет. И очень не хочется расхаживать в этом неизвестном месте ни голым, ни босым.

А тут будто кто-то специально приготовил для меня эту одежду и обувь...

Я быстро обмотал ступни портянками, натянул берцы, оказавшиеся впору, зашнуровал. И постарался вспомнить то, что случилось непосредственно перед тем, как я очухался в капсуле.

Итак, сегодня утром (или не сегодня?) я проснулся довольно поздно. Вчера до полуночи шарился в интернете в поисках работы, но решительным образом нигде в нашем маленьком городке не требовался системный администратор с полугодовым стажем работы — точнее, эникейщик в моем лице. Сисадмины, конечно, требовались, но с опытом посOLIDнее. Очень часто сисадмины совмещали работу, трудились сразу в нескольких организациях, занимая драгоценные рабочие места.

В фирме, где я работал раньше, меня уволили из-за сокращения, но позже выяснилось, что шефу просто понадобилось куда-то устроить племяша, который, к несчастью для меня, тоже был айтишником. Правда, вовсе без опыта работы, но кого это, кроме меня, в данном случае волновало?

Аренду платить только через полмесяца и жрать дома есть, поэтому этим утром я сильно не переживал по поводу своего безработного и никому не нужного состояния. Как-нибудь выкручусь...

Позавтракал, поколотил самодельную макивару (в школе и институте ходил в кружок сначала дзюдо, потом бокса и форму старался не терять) и снова принялся шерстить интернет. Ближе к обеду позвонил Димон, старый приятель по институту. Близко мы не общались, но иногда пересекались. Не знаю, с чего ему взбренило звонить, никакого дела у него ко мне не было, просто болтал ни о чем, спрашивал, как дела, вот я ему и выложил всю ситуацию.

Димон помолчал. Потом спросил:

— Ты где сейчас?

— Дома.

— Это где? В каком районе?

Я объяснил.

— О, кул! — сказал Димон. — Я тут неподалеку. У вас там кафешка есть, “Страдивари” называется...

— Знаю.

— Давай там почилиим... Через полчаса, окей?

Я слегка возбудился. Чего это Димон задумал? Есть ли у него предложение, от которого я не откажусь? Настроение поднялось, я еще немного поиздевался над макиварой, сбегал в душ, оделся и пошел пешком к “Страдивари”.

На дворе стоял июнь, было жарко и почти душно. Воздух провонял автомобильными выхлопами, люди расхаживали в максимально легкой одежде, шортах, майках, панамках. У “Страдивари” имелась летняя площадка с уличными кондиционерами, распыляющими охлажденный туман над столиками. Я занял столик в углу, у какого-то декоративного деревца, и вскоре нарисовался Димон.

Выглядел он как преуспевающий, далеко не страдающий от безденежья человек. В белоснежной батистовой сорочке и льняных штанах, в летней кокетливой шляпе трилби. На левом запястье — золотые часы, на шее короткие стильные мужские бусы хрен пойми из какого материала. Но точно не из пластмассы. Через плечо наискось висит кожаная сумка.

Некоторое время мы пили компот, который стоил, по моему мнению, ужасно дорого, вспоминали былое, делились новостями. Затем Димон без особого перехода перешел прямо к делу.

— Короче, Олесь, могу тебе помочь с трудоустройством. В компьютерных делах я не секу, сразу тебе скажу, все-таки на гуманитарном факультете учился, но есть вот такие варианты.

Он покопался в портмоне и извлек несколько разноцветных визиток. Я зачарованно уставился на них. Что это, знак судьбы? Фортуна повернулась ко мне передом?

— Неплохая работа для человека, который не прочь попутешествовать, — говорил Димон, выкладывая перед собой визитку с изображением лайнера на фоне голубого моря и острова с пальмами. Текст с контактами, видимо, был на другой стороне. — Могу устроить официантом на лайнер. Совершает турне вокруг Европы и возле берегов Африки. Заходит в уйму портов. Правда, на берег ты вряд ли выберешься, это позволено только туристам. Ты же будешь вкалывать. Морская болезнь есть?

— Хэээ, — отозвался я. — Сроду на море не был.

— За один рейс можно заработать около пары-тройки штук. Если понравится, еще раз смотаешься. Чего тебе терять? Семьи нет, езжай хоть на край света.

— Пару-тройку штук... баксов? — тупо спросил я.

— Евро, — внушительно поправил Димон. — Условия считаешь вот на этом сайте. Видишь на визитке?

Я потянулся к визитке, но Димон накрыл ее ладонью.

— Погоди. Вот еще варианты.

Он положил рядом с визиткой с лайнером другую визитку — с изображением перекрещенных лопаты и мотыги.

— На стройку не хочешь смотаться? В Западную Европу? Если постараться, к осени сможешь заработать вдвое больше, чем на лайнере. Я тебе подыщу такое местечко, о которых наши гастарбайтеры только мечтают...

Я растерялся.

— Так я в строительстве мало чего понимаю...

Димон отмахнулся.

— Ничего, научат. Принеси, подай, иди нахер, не мешай. Нужна физическая сила, да и то по мелочи. У них автоматизация производства на высоком уровне, сам знаешь. Платят хорошо, медстраховка будет...

— Хм...

Я не знал, что и сказать. Не этого ожидал от Димона. Думал, он предложит поработать в какой-нибудь фирме эникейщиком, предложит первую зарплату отслюнявить нужному человеку — и всё. А тут на тебе! Лайнеры! Стройка в Западной Европе!

— Ладно, — хитро сверкнул глазами Димон. — Вот еще кое-что.

Третья визитка легла на стол. На ней был изображен человек в камуфляже, виртуальных очках и с длинной винтовкой в руках. Человек стоял на одном колене, целясь куда-то.

Такое впечатление, будто Димон передо мной пасьянс выкладывает из картишек, а не визитки выставляет, подумалось мне.

— Интерактивная гемивиртуальная игра, — сообщил Димон.

— Чего? Какая еще гемивиртуальная?

— “Геми” — это “полу”. Игра частично проходит в виртуальном пространстве, частично в реальном. Игроки бегают по специальному лабиринту за городом в очках виртуальной реальности и выполняют разные квесты. А ты будешь от них убегать вместе с магическим артефактом. Работа не опасна, стрелять в тебя будут специальными пулями, которые не ранят, но показывают урон. Если урон достигает определенного уровня, ты выбываешь из игры. Все условия на сайте. Обыгрываешь Игроков — получаешь приз. Проигрываешь — все равно получаешь бабки. Поменьше, но, уверен, не обидишься. Бабки неплохие. Правда, побегать придется от души. Но ты, кажется, человек спортивный?

Я нервно хихикнул.

— Слушай, Димон, откуда у тебя все эти... вакансии? Ты кем вообще работаешь?

Димон надулся от гордости. До выкладывания пасьянса я от него ничего внятного по поводу его собственной работы не услышал. Только туманные намеки, что устроился он преотлично.

— Я работаю в отделе кадров одного очень крутого предприятия. Есть доступ, так сказать, к разным вакансиям.

Я поджал губы. Понятно. То ли скрытничает, то ли выделяется, хочет, чтоб я поугваривал, погорал от любопытства. Не люблю, надо признаться, когда люди так поступают. В таких случаях намеренно не задаю больше никаких вопросов. Не ответил собеседник на прямой вопрос один раз — всё, больше не побеспокою. Мы тоже гордые.

— Димыч, — задушевно произнес я. — Мне нужна работа — самая обычная оплачиваемая работа. И чтобы желательно далеко не мотаться. Ни в порты северной Африки, ни в Западную Европу гастарбайтером. Что-нибудь поближе, понимаешь?

Мой приятель нахмурился, надул щеки, выдохнул. Задумался.

— Тебе ведь не работа сама по себе нужна, верно, Олесь? Тебе ведь бабки нужны? И чтобы много и быстро, верно?

— И легально, — внушительно подчеркнул я. — Мне проблемы не нужны.

— Ясен перец, — рассмеялся Димон. — Я тебе ничего незаконного и не предлагаю. Есть еще один способ быстрого легального заработка. У нас в одной научной организации нужны добровольцы. Молодые люди типа тебя с определенными психофизическими кондициями...

— Какими-такими кондициями?

— Без понятия. Этот НИИ занимается проблемами мозга. Лечат всяких эпилептиков думаю. Они сварганили какой-то апгрейд для мозгов и испытывают на добровольцах. Эксперимент вполне себе безопасный для здоровья, просто придется некоторое время быть под наблюдением, мочу и кал каждый день на анализы сдавать, бухать нельзя и кофеин не злоупотреблять. Платят очень хорошо. А работать особо не нужно. Сам эксперимент длится полгода. Все это время будешь сыт, обут, одет. И будешь искать уже постоянную работенку — спокойно, не торопясь. Но сначала мне нужно кое-что с тобой сделать...

Он вытянул из кармашка в портмоне четвертую визитку. Там их было с десятков, не меньше. Собственно, я уже сомневался, что это визитки. Просто яркие цветные карточки с фотографиями. Не исключено, что Димон напечатал их сам и морочит мне голову. Хотя зачем ему это?

На этой визитке (визитке ли?), абсолютно черной, изображался какой-то пестрящий в глазах лабиринт из тонюсеньких белых линий — своего рода психоделический узор. Димон протянул мне картинку.

— Посмотри внимательно, Олесь. Что видишь?

Я взял твердый прямоугольник, сделанный не из картона, а из тонкого гибкого пластика. Перевернул — на другой стороне шли ряды непонятных символов из точек. Вроде шрифт Брайля, а вроде бы и нет. Нет, это явно не визитка.

Радость из-за того, что фортуна повернулась ко мне передом, слегка поугасла. Я что-то перестал понимать происходящее. Чего это Димон удумал? Что за тупые приколы? Я подавил, тем не менее, поднимающуюся злость и уставился на лабиринт.

Спустя пару мгновений мельтешение в глазах прекратилось, поверх лабиринта проявилось еще одно изображение — идеальный круг и полумесяц рядом. Вроде как две луны — полная светлая и ущербная темная рядышком, соединенные жирной полосой.

— Кружок вижу, — пробурчал я, возвращая пластинку, — и полумесяц. Что за детские тесты?

У Димона вдруг вытянулось лицо. Он схватил картинку с лабиринтом.

— Серьезно, видишь? Рили? Как это ты...

Он принялся вертеть картинку, щурится, смотреть на нее под разными углами.

— А ты не видишь, что ли? — удивился я.

— Не-а, не вижу... И все остальные люди, которым я показывал...

Он спохватился, посуровел, вернул визитку на место. Я смотрел на его тонкие длинные нервные пальцы, прячущие чудную картинку в портмоне, на золотую печатку на мизинце. Пытался вспомнить, рассказывал ли когда-нибудь Димон о влиятельных предках. Нет, вроде не рассказывал. Неужели он занимается чем-то криминальным?

Димон сунул портмоне в сумку, перехватил мой задумчивый взгляд, улыбнулся — казалось бы, совершенно искренне. Догадался, о чем я размышляю.

— Ты не думай, Олеська, что я занимаюсь чем-то, прости господи, незаконным. Просто не могу назвать точно, кем тружусь. Но намекнуть могу. Есть типа коммерческое

предприятие, но выполняет оно госзаказы.

— Военные?

— Не только. Но, как правило, касающиеся госбезопасности. Повезло мне... Попал вот в такую организацию...

— Через знакомых?

— У нас в стране иначе нельзя, — ухмыльнулся Димон. — Да и не только у нас... И знаешь что, Олесь? Я не жалею. Работать интересно, связей хороших много...

Меня осенило:

— А на том лайнере тоже ваши сотрудники трудятся? Ради госбезопасности? И если б я гастарбайтером согласился, вы бы мне задание дали?

Димон закатил глаза.

— Да мы ведь не ФСБ! Мы — больше научная организация. По большей части вне политики. Просто иногда выполняем госзаказ. Например, касательно кибербезопасности...

Он еще мне что-то плел, но у меня уже всякое настроение пропало с ним связываться. Я-то думал, Димон в криминал подался, а он еще хуже, с госбезопасностью связался! Нет уж, дудки. Лучше устроюсь где-нибудь дворником или нямку буду на велике развозить.

Мы еще поболтали о всякой ерунде и разошлись. Я пообещал подумать и перезвонить, как надумаю. Ни одну из тех визиток не взял, а Димон не настаивал. Сказал, что будет ждать моего звонка.

Остаток дня и изрядную часть ночи я раскидывал мозгами. Идея “поработать” лабораторной крыской полгода, ничего не делая, казалась мне все более привлекательной, а мысль развозить еду или махать метлой все менее. В конце концов чего бояться? Сказал ведь Димон, что работает в коммерческой организации, а не в ФСБ каком-нибудь. Если бы могущественные люди из разных секретных государственных организаций захотели меня обидеть, обидели бы, моего мнения не спросили. Но на фига я им сдался? Невелика птица. А вот подзаработать можно.

И разгуливать потом по городу в батистовой сорочке и с печатками на пальцах...

Утром я созрел окончательно. Позвонил Димону, хотя было еще рановато. Тот сразу взял трубку, будто всю ночь ждал звонка.

— Добровольцем, — бухнул я с ходу, забыв поздороваться. — Только хочу сначала узнать подробности.

— Экселлент! — обрадовался Димон. — Ты молодец, что решился! Если б сегодня не позвонил, я бы сам тебе набрал. Ты разглядел ту картинку — значит, подходишь. Такие, как ты, не каждый день на улице встречаются.

Я рассчитывал, что он мне скинет ссылку на сайт, где расписаны все условия, или отдельным файлом отправит, и я, наконец, узнаю, что такого в этой картинке, но Димон заявил, что сейчас подъедет. И, действительно, подкатил на своей тачке через четверть часа, я еле успел зубы почистить и одеться. Даже не позавтракал. Снова посетило неприятное ощущение чего-то неправильного... Чего это Димон так старается? Надо было помолчать пару дней, посмотреть, как он себя проявит! Ну уже поздно.

— Вообще, мегаотлично, что ты выбрал работу с НИИ! — разглагольствовал Димон пока мы ехали по городским улицам. — Подставы тут никакой нет, зачем мне тебе врать? Я же просто помогаю сокурснику, вот и все... Подобные эксперименты постоянно проводятся на добровольцах, и никто не пострадал. Зато желающих знаешь сколько? Не все знают об

этих научных программах, а то отбою не было бы...

— А что за эксперименты-то? — тоскливо спросил я, не особо надеясь на ответ.

— Что-то связанное с деятельностью мозга. Положат тебя на кушетку, нацепят электроды, будешь лежать и визуализировать. А комп запишет активность коры больших полушарий. Или лимбической системы. Не знаю. Что-то типа того. Час в день полежишь, остальное время делай, что хочешь.

— Им нужна деятельность мозга только тех людей, кто видит картинку?

— Да. А то я сам бы...

Димон помрачнел, и я расслабился. Поверил ему полностью. До этого что-то в глубине бессознательного все-таки ворчало подозрительно, рисовало ужасы. Что запрут меня в лаборатории, впрыснут какое-нибудь экспериментальное лекарство, от которого волосы выпадут, зато рога вырастут...

Нет, ничего подобного. Просто здесь халява, о которой знают лишь избранные. Так уж устроен мир. О том, как словить реальную халяву, знают немногие. Остальные пашут и вообще в халяву не верят. Мне чертовски повезло, что я попал в число этих немногих знающих счастливицков.

Мы подъехали к пятиэтажному, сравнительно новому зданию. Вокруг здания зеленел аккуратный садик с аллеями, от тротуара его отгораживал чугунный кованый забор с матовыми шарами фонарей. Вывеска у ворот гласила: “Научно-исследовательский институт нейрофизиологии имени И. П. Павлова”.

Я хмыкнул. Встречайте, привезли еще одну собачку для экспериментов. Опыт простой: добровольцу показывают денежку, и у того выделяются гормоны счастья. Попутно бьют током. Через несколько дней денежку показывать перестанут, просто током побьют, зато гормоны счастья продолжают исправно выделяться...

Димон уверенно прошел по аллее к входной двери, небрежно показал охраннику какой-то документ, и тот безмолвно нас пропустил. Как только мы прошли турникет и рамку, он взялся за трубку служебного телефона.

В вестибюле народу было немного. Туда-сюда шныряли барышни в офисном прикиде, у которых на лбу написано, что они трудятся в бухгалтерии. Видимо, на первом этаже располагалась администрация с ее вечной суетливой беготней и пустопорожним переключиванием бумажек.

Димон и я следом сначала двинулись к двум лифтам между лимонных деревьев в больших горшках, потом свернули куда-то налево, к незаметной с первого взгляда дверке.

Это тоже оказался лифт. Димон мазнул карточкой по сенсорной панели, и створки двери разъехались. Я заморгал. На панели кнопок не было! Стало быть, лифт только для владельцев VIP-карточек? Круто Димон поднялся...

В кабине лифта мой приятель тыкнул пальцем на кнопку с обозначением “-2”. Я снова захлопал глазами. Кнопок здесь было всего три. “-1, -2, -3”. Три минусовых этажа?

Лифт мягко тронулся, и я не распознал, куда мы едем — вверх или вниз. Понял, когда кабина остановилась и слегка дернулась. Верно, мы ехали вниз.

Возникло чувство, словно я добровольно иду в ловушку. Впрочем, немедля с раздражением отогнал параноидальные мысли. У многих зданий есть несколько подземных этажей, а я вовсе не герой фильма ужасов, чтобы угождать в зловещие ловушки.

Створки раздвинулись, и перед нами открылся короткий белый коридор, освещенный лампами дневного света. По обе стороны шли двери — все заперты. В воздухе висел запах от

кварцевых ламп и какой-то химии.

В пяти метрах от лифта в коридоре стоял высокий и плечистый мужик в белом халате и медицинском колпаке. Явно ждал нас. Наверное, именно ему-то охранник и доложил по телефону.

Халат мужика не был испачкан брызгами крови, и в руках доктор не держал вырванный человеческий глаз. Но на ученого он как-то был не похож... Хотя много ли я знаю ученых? Этому мужику, как по мне, больше подошел бы военный китель. Или черный костюм с наушником на пружинистом проводе в ухе...

Клятая паранойя!

Или это трусость? У страха, как известно, воображение богатое!

— Здравствуйте, Тарас Игнатьич, — сказал Димон.

— Доброе утро, Дмитрий, — отозвался доктор. Смерил меня взглядом — не нагло, но цепко, наметанным глазом. — Это он?

Значит, Димон успел поведать этому типу обо мне?

— Да, познакомьтесь, это мой сокурсник, Олесь Панов. Мы учились в одном институте, но на разных факультетах.

Доктор кивнул и улыбнулся. Но руку не протянул.

— Тарас Игнатьич Пономарев, старший научный сотрудник. Прошу ко мне в кабинет.

Мы прошли в одну из дверей, но за ней оказался не совсем кабинет, а длиннющее белое помещение, забитое неведомым оборудованием с многочисленными экранами, индикаторами, кнопками и регуляторами. Вдоль одной из стен тянулся ряд медицинских коек с ширмочками, на каждой койке лежали пучки разноцветных проводов. Видимо, и мне здесь придется полежать... За двумя терминалами сгорбились еще два типа в халатах и шапочках, таращились в мониторы компов, щелкали клавиатурой. На наше появление почти не отвлеклись, только метнули быстрые взгляды и снова уткнулись в экраны.

В уголке, за ширмой, обнаружился “кабинет” доктора Пономарева: стол с ноутбуком и грудой каких-то бумаг, эргономическое кресло из экокожи и низкий диванчик напротив. За креслом притулился трубчатый бэг с клюшками для гольфа. Тарас Игнатьич указал на диван, и мы с Димоном уселись. Сам доктор стал расхаживать перед нами, как препод в институте, и рассказывать о сути эксперимента. Излагал ясно и четко, без слов-паразитов, по существу, будто заучил лекцию.

— Ситуация такова. Наш НИИ, точнее, моя лаборатория, занимается разработкой субклеточного когнитивного нейромодулятора, который в теории способен купировать и нивелировать патологические процессы от болезней Паркинсона, Альцгеймера, старческого маразма, усилить способности к запоминанию, когнитивные и прочие ментальные функции. Если все пройдет как надо, мы рассчитываем получить еще более впечатляющие результаты... Речь идет о развитии у человека сил и способностей психофизического характера, которые вообще не свойственны современному хомо сапиенсу...

— Это какие силы? — спросил я. — Телепатия и телекинез?

Димон поджал губы, а Тарас Игнатьич хохотнул.

— До такого вряд ли дойдет. А вот добиться феноменальной памяти очень даже просто. Человек с СКН — субклеточным когнитивным нейромодулятором — сможет за считанные дни выучить любой язык и усвоить образовательную программу университета. Такому человеку не понадобятся записные книжки. Он никогда не забудет о дне рождения близкого или родного... Но это все в перспективе. Сейчас проходит этап клинических испытаний на

добровольцах.

— И сколько добровольцев?

— Недостаточно. Проблема в том, что на данной стадии разработки СКН подойдет не всем людям без разбора. Нужны добровольцы с определенными особенностями психики.

— Такие, кто видит картинки?

— Верно. Но это еще не все. Нам нужно провести дополнительный небольшой тест. Он безопасен для здоровья. Вы не против? Если вы полностью подходите для наших испытаний, мы подпишем договор на полгода. В течение этого периода вы будете получать денежное пособие и медицинскую помощь, если таковая понадобится... Зубы подлечите за счет государственного гранта.

Мне захотелось узнать размер денежного пособия, но я воздержался, чтобы не выглядеть мелочным крохобором. Хотя всем ясно, что я сюда приперся не из любви к нейрофизиологии и страстного желания помочь всем страдающим от Альцгеймера и Паркинсона. Я согласился пройти еще один тест, полагая, что мне снова предложат опознать какую-нибудь картинку, но на сей раз вышло иначе. Меня уложили на койку, двое ассистентов прицепили к голове и груди липкие электроды и попросили смотреть на маленький экранчик, нависающий над койкой.

Было неудобно. Будто в больницу попал и мне сейчас сделают болючий укол. Или клизму. Пахло химией и озоном, приборы жужжали, прикосновение электродов было неприятным. Ассистенты, кстати, не поздоровались, молча работали, смотрели на меня без интереса, как на скучный объект научных исследований. По всей видимости, через них прошло немало добровольцев, и им все надоело.

Экранчик показывал что-то похожее на снимок земли со спутника. Так мне, во всяком случае, почудилось. Снимок медленно менялся, перетекал в иные формы, но в целом как не было ни хрена не понятно, так и осталось. Из невидимого динамика негромко играла музыка — странная, тягучая, но с ритмом, от которого тянуло в сон.

Пока я смотрел на “карту” и слушал дебильные рулады, доктор с ассистентами химичили у приборов. Снимали показания, наверное. Димон остался в “кабинете”.

Тест длился и длился, и меня реально потянуло в сон. Да так сильно, точно я неделю до этого не спал. Я пытался бороться с сонливостью, и некоторое время это удавалось.

А потом, вероятно, я все-таки заснул, и начал сниться сон.

Будто бы я не лежу, а стою возле койки. Нет, не стою, а вишу прямо в пространстве, в полуметре над кафельным полом, и наблюдаю за работающими научными сотрудниками. Димон трется тут же, ждет результатов. И меня никто не видит, как если б я был невидимым.

— Это он, — громким и гулким голосом, совершенно без выражения говорит Тарас Игнатьич. — Мы его нашли.

— Это хорошо, — отзывается Димон. У него тоже громкий и гулкий голос. И тоже без выражения. — Это супер-экселлент.

— Мы теперь сможем его использовать.

— Да, мы сможем его использовать. Во славу нашей расы.

Они начинают смеяться, то ли не замечая меня, то ли игнорируя. Смех странный, ненормальный, отрывистый. “Ха-ха-ха-ха...” Они точно копируют человеческий смех, но сам он чужд им...

Внезапно Тарас Игнатьич обрывает свой ненатуральный смех и приказывает

ассистентам:

— Сделайте ему укол. Усыпите его, чтоб не убежал.

И как вы мне, сволочи, сделаете укол, если я тут, в воздухе, незримый и бесплотный? — думаю я. И в ту же секунду обнаруживаю, что уже не парю над полом, а лежу на прежнем месте, на койке, опутанный проводами. А ассистенты подходят с двух сторон, музыка — если это вообще была музыка — больше не звучит, и экран над койкой потемнел. В руках одного из ассистентов похожее на пистолет устройство, которым он намерен сделать укол.

Я попытался шевельнуться, но не смог. Так бывает в ночных кошмарах. Тело налилось свинцовой тяжестью и не подчинялось истерическим приказам мозга. Я вращал глазами — и это единственное, что я мог делать.

Ассистент приложил “дуло” прибора к моей шее, и я ощутил холод металла. Быстро и небогато кольнуло кожу, и ассистент сразу убрал “пистолет”. Но сам не отошел, ждал чего-то.

И тогда способность двигаться вернулась. Плохо соображая, сплю я до сих пор или бодрствую, я оттолкнул ассистента с “пистолетом”. Тот, судя по всему, не ожидал нападения, повалился на ширму, увлекая ее за собой в падении. Зато второй с ловкостью мангуста прыгнул на меня, прижимая мои кисти к койке.

Недолго думая, я взял его башку в захват ногами — приемом “треугольник”. При этом удерживал одно его запястье своими руками. Ассистент задергался, и я повалился с койки на него. Если б мы изначально были на полу, я бы его придушил до потери сознания... Но я упал с койки, и захват распался. Впрочем, я успел подняться раньше и врезать ему по шее ребром ладони, после чего мой противник затих.

Второй ассистент, который повалил ширму, бросился в атаку, но я шустро поставил между нами койку. Ассистент ударился о нее и выронил “пистолет”. Я схватил прибор, ударил рукоятью по темечку, и ассистент номер два улегся поперек койки...

Во мне звенела злоба — холодная и неудержимая, я даже боли от падения не ощущал. Есть у меня с детства такой грешок — сходить с ума от бешенства. Такое безумие находит на меня редко, но метко. Как говорится, меня достать надо, чтобы я дошел до жизни такой.

Сейчас я не вполне понимал, отчего злюсь, я не врубался, сон это или явь... Укол, тем не менее, подействовал: перед глазами плыл туман, в ушах заложило.

На негнущихся ногах я шагнул к Тарасу Игнатьичу, который наблюдал за потасовкой без всякого выражения на холеном лице. Угрожающе поднял “пистолет”.

И тут на мой затылок обрушился оглушительный удар. Мгновенно тело стало ватным, помещение со всем оборудованием поплыло куда-то вниз, мелькнули лампы дневного света... И вот я лежу на полу, а надо мной нависает Димон с клюшкой для гольфа в руке...

— Димон... — прохрипел я. — Сука...

И наступила темнота.

А потом я очнулся в этой неведомой барокамере.

Попытка снова напрячь память провалилась. Я хорошо помнил наш приезд в НИИ имени Павлова, спуск на минус второй этаж, беседу с доктором (доктором ли?), начало теста на койке...

Затем память начинала подводить. Дальше происходило черт-те что. То ли глюки, то ли сон пополам с реальностью. Дрался ли я с ассистентами на самом деле? Или просто начал буяннить, пока меня не вырубили? Разговаривали ли на самом деле гулками неестественными

голосами Димон и доктор? Муть в памяти не желала рассеиваться.

Зачем меня надо было привозить в этот сарай? Что это вообще за место такое?

И где люди? Где доктор и его ассистенты?

Я постоял, потер лицо. Тумана в голове нет, я на сто процентов уверен, что не сплю. Более того, чувствую себя неплохо, точно выспался от души. Скорее всего, так оно и было, в камере-то...

Если здесь нет охраны, стоит потихоньку выбираться.

Я осторожно приоткрыл узкую дверь, заглянул. Душевая кабинка, очень старая, как и все здесь, душевая лейка позеленела от времени, кафель разбит, на крючке висит нечто, похожее на бороду лишайника. Мочалка? Занавески нет, хотя раньше была, судя по следам на стене. Рядом с душем унитаз с желтыми потеками. Воняет дешевым мылом пополам с застарелой мочой.

Я вернулся в комнату и заметил на столе пухлый журнал, заполненный наполовину. Прощурованный и пронумерованный от руки. Я открыл последнюю запись.

“14.06.82. Олесь Панов, мусорщик, квест к буржуям, 12 часов, выбор доп. опций по соб. жел.”

— Что за?.. — забормотал я. — Какой еще мусорщик? Какой квест? И почему восемьдесят второй год?

На несколько мгновений закружилась голова. Я присел на стул, держась за столешницу. Задыхал ртом глубоко и ровно, и дурнота потихоньку сошла на нет.

Я абсолютно ничего не мог понять, уму было не за что уцепиться, потому что не находилось никаких подсказок. Но кое-что я все-таки уловил.

То, что влип гораздо мощнее и глубже, чем представлялось каких-то две минуты назад.

Некоторое время я сидел на скрипучем деревянном стуле в одежде бомжа, в портянках и берцах, и не мог набраться смелости встать и выйти из комнаты. Не был готов увидеть правду.

Потом все же решился. Поднялся и подошел к окну. Выглянул.

Сразу за окном росли низкие кусты, за ними вздымался пологий зеленый склон, по которому змеилось несколько вымощенных камнями тропинок. Наверху склона пролегал трехметровый забор из ржавой решетки, со спиралью колючей проволоки наверху. На заборе висел кусок фанеры, на котором темнела надпись, сделанная от руки.

Расстояние до этой вывески было немалое, и сама надпись выцвела на солнце, но я ухитрился разобрать небрежно начертанные буквы.

“ПОГАННОЕ ПОЛЕ”.

Глава 2. Знакомства, приятные и не очень

Я отошел от окна и схватился за голову. Потом забегал по свободному пространству между столом и капсулами, стуча жесткими подошвами берцев по цементному полу.

Это куда ж меня закинули?

Допустим, меня усыпили и отвезли в какую-то глушь, где проводятся извращенные опыты над людьми, — возможно даже, в некий лагерь-поселение для пожизненных заключенных. Над ними можно, в принципе, какие хочешь эксперименты ставить, не выйдут, не расскажут — у нас страна бесконечных возможностей, замутить можно любую дичь при желании, и даже опытные “сидельцы” (а они известные “писари”, как известно) не пикнут.

Но тогда что это за журнал, где указано, что у меня состоялся какой-то квест к буржуйам на двенадцать часов с выбором опций по собственному желанию? Как-то не вписываются эти камеры и квесты в гипотезу о глуши и лагере-поселении!

И почему 82-й год?

Эй, а если я сейчас сплю под наркозом, и это все тупо мерещится? Я пощипал себя за руку, огляделся, присмотрелся, прислушался, принял — ни в каком сне не бывает такой отчетливости и реалистичности... Снаружи слышно пение птиц и какой-то отдаленный грохот, будто работает экскаватор, я отчетливо различаю шорох своей одежды, стук подошв, свое тело ощущаю распрекрасно. Так бывает во сне? Знакомые с опытом употребления веществ болтали, что реальность в трипах не отличить от реальности нашей, натуральной, поэтому многие из таких “опытных” и считают нашу Вселенную симуляцией. Я попытался сосчитать до десяти, протер глаза, пощупал холодный металл капсул. Да неужели в наркоманских и наркотических видениях бывает вот такая реалистичность?

Нет, как-то не верится в наркотическую матрицу.

А если я попал (совершенно фантастическое предположение) в прошлое?

Но тогда почему в прошлом присутствуют высокие технологии в виде этих камер и ноута? Почему помещение выглядит так убого? И когда успели изобрести машину времени? Нет, глупости.

С раскаленными извилинами я двинулся к большой двери напротив окна, — наверняка она вела куда-то наружу. Открыл дверь и нос к носу столкнулся с человеком, который собирался войти.

— А ты чего, выбрался, что ль? — удивился мужичок лет пятидесяти, невысокий, коренастый, с седой щетиной, в черной тубетейке, как у старых советских академиков. Хотя в целом сей субъект на академика никак не тянул, на тракториста-колхозника разве что. Одет он был в рубаху вроде моей, с жилеткой поверх, и просторные почти что шаровары, заправленные в затоптанные, явно самодельные кожаные ботинки. Штаны эти держались на широком армейском ремне, который тоже выглядел так, словно его носили, не снимая, лет тридцать. — А я-то думаю, кто там топает? Из квеста выкинуло?

Я уставился на него.

В мире есть плохо совместимые вещи. Например, молоко и немывтые огурцы. Или колхозный тип наподобие того, что стоял передо мной, и слово “квест”.

От неожиданности я пробормотал:

— Ага, выкинуло...

Мужичок улыбнулся, продемонстрировав штук десять стальных зубов и столько же желтых, прокуренных и кариозных. Больше зубов во рту не обнаруживалось.

— Ну, ничего, не переживай, Олеська, шесть часов за тобой остались, проиграешь их в следующий свой выходной. Детьнец, как говорится, гарантирует.

“Какой детьнец?” — чуть не брякнул я и увидел на жилетке мужичка прямоугольный кусок светлой ткани, на котором было вышито темными нитками “Григорий Павлов, квестзал”.

— Пойдем, — сказал Григорий Павлов, — я тебя запишу в журнал досрочников, чтоб ты в следующий раз без проблем отыграл свое. На следующей неделе Селиван дежурит, а он знаешь ведь, какой! Стерва в мужском обличье! Не докажешь ему ничего без бумажки!

Он хихикнул и подмигнул. Я выдавил улыбку — пока старался ничем не выдать, что вообще не в курсе, где я и что здесь забыл. Григорий вел себя так, словно давно меня знает и относится хорошо, не стоит с ним портить отношения. К тому же я был не в таком состоянии, чтобы что-то внятно изрекать. Надеялся лишь, что Григорий сам проговорится и хоть как-то намекнет на то, что вообще происходит.

По всему выходило, что я пребывал здесь некоторое — возможно, немалое — время и со многими перезнакомился. Во всяком случае, с Григорием Павловым и стервой в мужском обличье по имени Селиван. А потом забыл. То есть меня настигла амнезия. А я-то обрадовался, что все помню! Похоже, что далеко не все.

Или это розыгрыш?

Григорий повернулся и вышел в длинный коридор с двумя рядами дверей, плохо освещенный редкими лампами. Я поперся следом и увидел за одной из открытых дверей точно такое же помещение, из которого только что выбрался, с тремя камерами, столом и стулом. Оказывается, здесь этих квест-камер полно! Григорий дотопал до своего места дежурного — за невысокой деревянной стойкой скрывался массивный стол и продавленное кресло. Дежурный с кряхтением уселся и раскрыл еще один журнал, потолще того, что в комнате с камерами. Взял толстую перьевую ручку, открутил крышку на заляпанном флаконе с чернилами, обмакнул перо, начал со скрипом выводить строчки. И стол, и стойка, и весь коридор в целом нуждались даже не в срочном капитальном ремонте, а сносе. Все здание надо тупо разбирать по кирпичам, пока оно не обрушилось само по себе...

Я оперся о стойку — ноги ослабли и дрожали, сердце стучало в горле. Казалось, еще пара минут в затхлом коридоре и тишине, которую нарушает лишь скрип допотопного чернильного пера, — и я заору так, что это обветшалое здание к чертям обвалится.

— Как Вера? — не отрываясь от писанины, осведомился Григорий.

Я промолчал, не зная, что ответить. Какая Вера? Я не знаю никаких Вер.

Григорий поднял на меня глаза, приподнял брови.

— Чего молчишь?

И я, вопреки первоначальному замыслу притворяться “своим” как можно дольше, выпалил:

— Я не помню, как сюда попал! Я и вас не помню, и Селивана! До того, как проснуться в этой... этой квест-камере я был в совсем другом месте...

Бородатое лицо Григория на миг окаменело. Затем расслабилось, он улыбнулся, продемонстрировав все свои немногочисленные зубы.

— Глюк подхватил? Не переживай, это со всеми время от времени бывает. Оттого тебя,

видать, и выкинуло из квеста. Аппаратура глюканула — и все дела. А может, ты с “Тишь-да-гладью” перемудрил, перед квестом-то.

Эта его искренняя волосато-кариозно-стальная улыбка показалась мне самой расчудесной на свете, этот человек был добр ко мне, и я ухватился за эту доброту, как за спасательный круг, слезно протянул:

— Вы скажите, пожалуйста, что это за место? Я ничего не помню!

— Это, Олесь, Западный 37-й Посад, — спокойно сказал мужик.

— Сколько я здесь времени? — задал я новый вопрос, хотя не понял ответ на первый.

— Всю жизнь ты здесь, мил человек. Всю жизнь тебя знаю.

— Да не может этого быть! — крикнул я.

Слабость и сломленность как рукой сняло, накатила злость — моя старая подруга. Как это — знает меня всю жизнь? Издевается надо мной, что ли? Разыгрывает? Если б он сказал, что знает меня пару дней... да хоть пару месяцев, я бы еще поверил. Амнезия, мать ее. Но всю жизнь?!

Григорий поморщился, попросил тихо:

— Не кричи, будь добр. Отпустит тебя скоро, вот тогда и поймешь, чего может быть, а чего не может. Однако ж ты “Тишь-да-гладью” побаловался, да? А говорил, что не употребляешь!

— Это наркотик какой-то? Не помню я никакого наркотика! Вы чего, прикалываетесь?

Григорий отчеканил:

— Клянусь Вечной Сибирией, говорю тебе истинную правду!

Он поднял правую руку, и я подумал, что он собирается перекреститься. Но дежурный сложил ладонь лодочкой и указал наверх, на стену под самым потолком, где в тени, незамеченная мной поначалу, висела прямоугольная доска примерно формата А2, выкрашенная серой краской, с красными геометрическими фигурами — кругом и полумесяцем. Из середины круга в сторону полумесяца тянулась горизонтальная полоса. Ту же ладонь Григорий положил себе на лоб и закрыл на мгновение глаза.

Эти знаки я разглядел на необычной визитке Димона.

Я обмер. Пробормотал:

— Это... это знаки Вечной Сибири?

Григорий степенно кивнул, дую на страницу журнала.

— А что такое... Вечная Сибирия?

Мужичок поперхнулся воздухом и захлопнул журнал так неожиданно и громко, что я отпрянул от стойки.

— Ну это уж слишком! — возмутился дежурный. — Что это за глюк такой, чтобы святое забывать? Да у нас придурки из Восточного 15-го один раз “Тишь-да-гладью” так ужрались, что забыли, где живут, жен с матерями своих забыли... но чтобы Вечную Сибирию!.. Даже у них до такого не доходило!

Он встал, вышел из-за стойки, выкатил грудь, сунув заскорузлые большие пальцы рук в кармашки на жилете.

— Лекарю тебе надо показаться, Панов, — сделал он вывод. — Но лекарь будет в наших краях только послезавтра, и то, если его на заводе не задержат. Пойдем, я тебя домой отведу. Или попрошу кого-нибудь, негоже мне свое рабочее место покидать...

Он направился вдоль по коридору, и я поспешил за ним. Мы свернули в сторону, прошли несколько дверей и вышли из здания — оно оказалось двухэтажным, длинным,

обшарпанным, обшитым деревянной вагонкой, которая отвалилась во многих местах. Барак во всей красе. Над входной дверью висела вывеска в виде куска фанеры с буквами, нарисованными через трафарет: “Квест-зал”.

Перед квест-залом протянулась безлюдная улица — асфальт на дороге был чинен-перечинен, но в целом на фоне всего остального выглядел относительно презентабельно. По такой дороге можно прокатиться без риска свернуть себе шею. На другой стороне улицы на значительном расстоянии друг от друга находились двух- и трехэтажные здания. На многих из них красовался символ полной и ущербной лун. Некоторые постройки были определенно заброшенные. Между постройками виднелся сплошной лес — по виду, хвойный.

Вечерело, по небу плыли кучевые облака, солнце опускалось над лесом. В воздухе висела чуть заметная дымка, и пахло одновременно свежестью хвои и чем-то горелым.

Вечная Сибиря, говорите?

— Это Сибирь? — спросил я у Григория.

— Сибирь — это был такой природный регион в старом мире, — пробурчал тот, — а мы живем в Вечной Сибири, великом государстве. Есть разница, учти это.

Я сказал:

— Для великого государства все у вас какое-то старое и грязное...

Григорий хрюкнул от возмущения.

— Эк тебя глюкануло-то! Ты смотри, при Модераторах такого не ляпни, не то в карцер посадят! И рейтинг снизят.

Я хотел спросить, о каком рейтинге идет речь и кто такие Модераторы, но в эту минуту из-за угла вышла женщина в мешковатой рубаше навыпуск и шароварах, с собранными в шишечку на голове светлыми волосами. На босых ногах шлепки. Подумалось, какого хрена я разгуливаю в берцах?

— Аня! — позвал ее дежурный.

Она приблизилась, и я понял, что это не женщина, а девушка не старше меня. Не красавица, но и не уродина, без малейших признаков косметики, веснушчатая, с обгоревшими на солнце лбом и щеками.

— Здравьете, — сказала она Павлову. Кивнула мне: — Привет!

И она меня, конечно же, знает. Ничего удивительного, я тут всю жизнь живу, если верить Григорию. Как такое возможно, ума не приложу.

Разве что эти колхозники сговорились и морочат мне голову.

— Олесь наш глюканул, — пояснил дежурный. — Отведи его домой, будь добра.

— Чё, серьезно? — распахнула бледно-голубые глаза Аня. — Ну, идем, раз так!

Я пошел за ней, оглянулся — Григорий уходил в здание, покачивая головой. Мы с Аней неспешно двинулись по улице.

— Прямо ниче не помнишь, да? — спросила Аня, поглядывая на меня искоса, с неуверенной улыбкой, будто ожидая, что я сейчас крикну: “Сюрприз! Я все помню!”

— Ниче, — подтвердил я. — В смысле, помню, как меня зовут. А больше ничего.

Решил сильно не распространяться о себе до того, как выясню, где нахожусь. В сущности, у меня сформировалось кое-какое объяснение. В рамках какого-то омерзительного незаконного эксперимента меня усыпили и транспортировали в это секретное место в лесной глуши. Здесь в ужасных условиях живут люди с промытыми, по всей видимости, мозгами. Они думают, что живут в некоей Вечной Сибири и, кажется, своим положением вполне довольны. Здесьние зомбированные ребята почему-то считают,

что знают меня всю жизнь, а на дворе 82-й год...

Не исключено, что Вечная Сибиря — что-то наподобие игры с рейтингами и Модераторами. Эту игру местные воспринимают, как нечто само собой разумеющееся, хотя остается шанс, что они притворяются и играют свои роли. Если же это ролевая игра, то я только что познакомился с двумя кандидатами на “Оскар”.

Что это за эксперимент? Зачем меня отправили сюда? Какое значение имеют эти лунные символы? Все это мне предстоит выяснить и как можно быстрее, чтобы свалить отсюда домой.

Чтобы победить в игре, нужно четко заучить ее правила, а потом нарушить.

— Так-таки ничего?

В голову вдруг пришла отличная идея выяснить как можно больше у этой простушки. Аня, если все же она не актриса, надеюсь, выложит все на блюдечке.

— Очень сильный глюк подхватил, — пожаловался я. — Надеюсь, скоро пройдет. Но хотелось бы заранее узнать, что к чему, чтобы впросак не попадать. Можешь мне помочь? А я тебе буду благодарен.

— А как ты мне будешь благодарен? — залиvisto засмеялась Аня. — Ты ж не помнишь ничего! Может, раньше мы с тобой мужем и женою были, и я лучше тебя знаю, что у тебя за душой?

Я обомлел, что вызвало еще один приступ смеха у моей собеседницы.

— Да шучу я, Олесь, вот ты наивный! Пойдем на холм, где беседка, и я тебе расскажу все, что знаю.

Впереди асфальт дороги заканчивался, переходя в утрамбованную гравийку, которая огибала невысокий холм с деревянной беседкой на вершине и уходила куда-то в лес. Тут и там разбросаны длинные деревянные бараки, пристройки, навесы, гаражи. Ограды нигде нет, кроме загонов для скота. За бараками начинались пашни, где тархтели трактора. Кое-где шевелились человеческие фигурки. Подумав об ограде, я оглянулся, чтобы рассмотреть решетчатый забор с колючкой, который заметил из окна. Вдоль асфальтированной улицы, за чередой домов, в числе которых был и квест-зал, тянулась холмистая гряда, сплошь поросшая высокой травой и кустарником. Забор шел сверху по этой гряде на протяжении, наверное, километра, прежде чем исчезнуть за очередным склоном.

— Скажи, что это за Поганое поле такое?

Аня открыла было рот, когда позади меня окликнули по имени. Мы обернулись. Нас догонял Григорий, размахивая какой-то тряпкой.

— Ты трусы забыл, — сообщил он, остановившись и задыхаясь. — Мне чужого не надо! Изволь забрать. Квест-зал чужие вещи хранить не уполномочен.

Аня откинула голову назад и громогласно заржала, как лошадь. С горящим лицом я забрал трусы и, смяв, наугад сунул в карман штанов. Минуты три спустя, когда Аня отсмеялась, а Григорий вернулся на рабочее место, я проворчал:

— У тебя, небось, тоже глюки бывали?

— Бывали, а как же! Но трусов ни разу не забывала!

— Все у тебя впереди, — буркнул я. — Может, и забудешь. Вот тогда и я посмеюсь...

Она посерьезнела, вытерла слезы ладонью, сказала проникновенно:

— Ты не обижайся, Олеська, я ж не со зла. Когда у меня глюк был, я забыла, куда дела ключи от комбайна. Но потом вспомнила — глюк недолго длился. У всех по-разному

бывает, конечно. Надеюсь, твой глюк вскорости пройдет. А вообще тьфу на тебя, чтоб не сглазил...

Помолчали, продолжая неспешно вышагивать по выложенной камнями тропинке вверх по склону холма. Я вертел головой, озирая окрестности.

— Ты на комбайне работаешь?

— Ага. Сегодня выходной, и вот — гуляю. У тебя тоже, кстати. Ты, поди, на квест сразу с работы пришел, даже не переобулся...

— А где я работаю?

— На мусоровозе.

Оппа, приехали!

— Ну что же... — пробормотал я. — Это лучше, чем быть безработным.

— Как можно быть безработным? — удивилась Аня. — В Вечной Сибири безработных нет.

Настала моя очередь удивляться.

— Нет безработных? И бездомных?

— И бездомных, конечно. Разве что Уроды бездомные, но это ведь не люди...

— Кто это — Уроды?

— Ну, они в Поганом поле живут...

К этому времени мы поднялись до беседки на вершине холма — удивительно аккуратной и не создающей впечатления чего-то старого, крошащегося и обтрепанного. Беседка была деревянная, восьмиугольная, покрытая черепицей, выкрашенная в любимый в здешних краях зеленый цвет; внутри круглый стол окружали скамейки. Судя по всему, возвели беседку недавно. Мы сели на скамейку с восточной стороны, чтобы спрятаться от пологих лучей заходящего светила.

Отсюда открывался неплохой вид на лесистые холмы, речку вдаль, прямоугольные пашни, живописно разбросанные постройки. С большого расстояния не углядишь, в каком скверном состоянии искусственные сооружения...

На севере, почти на горизонте, дымил завод — от него-то, видимо, и попахивало гарью. На юге, за решетчатой оградой и чередой невысоких холмов распростерся почти сплошной лес.

Тайга.

— Что такое Поганое поле?

— Ты и этого не помнишь? Надо же!.. Поганое поле вона там, — Аня показала пальцем на лес за холмами. — Оно сто лет назад невесть отчего появилось. Всякая погань водится в тех краях, оттого и прозвали поганым. Края эти не все сплошь поле — и лес есть, и болота, и степи с пустынями. Но когда-то прозвали полем, да так оно и осталось.

— Какая погань там водится?

— Ну, Уроды, чудища всякие... — Аня сморщила веснушчатый лоб, почесала щеку. — Лешие и ведьмы... Всякая нечисть.

— Всякая нечисть, — повторил я.

Понятно, что интеллектом Аня не блещет, хоть и старается честно и развернуто отвечать на вопросы. Ей скучно, и она решила немного развлечься, общаясь с “глюканутым”. Если это занятие ей надоест, она найдет способ слиться. И тогда мне придется искать другой источник информации. Так что сильно давить или смеяться не стоит.

— Ну да, нечисть, погань — это ж одно и то же! Раньше границы Поля были

километров на пятьдесят дальше отсюда, а потом Поле внезапно разрослось, досюдова добралось. Несколько Посадов поглотило, пашни лесом и бурьяном поросли, даже дикие звери сбежали... Но ничего, до нашего священного Князьграда с Детинцем не дойдет. Чистая Дружина не позволит.

Я на секунду задумался. И так, туземцы уверены, что живут в окружении Поганого Поля — своего рода зоны аномалий, где обитает “всякая погань” и “нечисть”. Что ж, тут есть логика. Те, кто зомбировал этих людей, — назовем их Рептилоидами, — внушили бедным подопытным, что они окружены сверхъестественными силами. Чтобы не сбежали, надо полагать.

Когда-то я смотрел похожий фильм, где небольшое селение людей находилось в середине глухого леса, и жители этого поселка были уверены, что лес кишит чудовищами. Поэтому никто из жителей, включая любопытных детишек и подростков, носа в лес лишней раз не совал. Таким образом селение сохраняло свою тайну и от внешнего мира, и от большинства собственных обитателей.

Задумавшись, я задрал голову, стал рассматривать потолок беседки. И вдруг заметил блестящий объектив камеры, выглядывающий в круглое отверстие в доске.

— А почему у вас камеры наблюдения? — спросил я шепотом, хотя понимал, что если беседка оснащена приборами слежения, они запишут самый тихий шепот. Собственно, засекреченная зона для незаконных экспериментов должна быть напичкана камерами и микрофонами, иначе как Рептилоидам наблюдать за испытуемыми? Интересно, как отреагирует Аня на мой вопрос?

— Ради безопасности, — не задумываясь, ответила комбайнерша. Заговорила как по бумажке. — Великая Сибиря находится в кольце врагов, жаждущих уничтожить последний оплот человечества. Эти камеры везде есть. Для нашего блага.

Я кивнул. Ага, мы такое слышали. Самый лучший способ заставить людей сплотиться и лишней раз не вякать — это постоянно твердить про кольцо врагов. С помощью этого кольца врагов разные штуки проворачивают — не хуже, чем с кольцом всевластья из известной эпопеи. Такая манипуляция очень эффективная, и если она засела глубоко в мозгах простых людей вроде Ани, ее оттуда не выбить никакими силами.

Забурчало в желудке. Я почувствовал, что проголодался.

— Какой сейчас год? — перевел я тему.

— Восемьдесят второй.

— Тысяча девятьсот восемьдесят второй?

Аня приподняла выцветшие брови.

— Не-е. Просто восемьдесят второй. От основания Вечной Сибири.

Любопытно. Кое-что проясняется...

В глаз что-то попало, я заморгал, но мутное пятно, появившееся снизу на периферии поля зрения, долго не пропадало. Я потер глаза, и пятно наконец исчезло. На долю секунды показалось, что пятно похоже на какую-то букву или цифру...

— Значит, Вечная Сибиря, — сказал я, — это последний оплот человечества? И больше людей нигде нету?

— Нету. Ну, может, где-то в Поганом Поле и живут люди. Да только они не совсем люди-то.

— А кто?

— Полууроды. Мутанты.

— Понятно. А насколько велика Великая Сибиря?

— Велика, — оживилась Аня. — Западные Посады есть, Восточные, Северные. Много Были еще и Южные, но их Поле поглотило. Я уж говорила тебе. А в центре Князьград с Детинцем — наша столица.

— Что, целый город?

— Огромный! Там столько тыщ народу живет, не сосчитать!

Я заинтересовался. Одно дело — устроить в тайге небольшое тайное поселение и совсем другое — отстроить целый город.

Хотя комбайнерше Ане и зачуханный провинциальный городишко покажется суперсовременной ультрастолицей.

Спрашивать, как выбраться из этого благодатного края, полного обшарпанных бараков, смысла нет. По мнению Ани бежать некуда, весь мир превратился в Поганое Поле, а Вечная Сибиря — единственный островок, где обретаются нормальные люди. И все остальные люди, которых я встречу, будут думать аналогично.

К тому же планировать бегство под прицелом камер видеонаблюдения — так себе идея.

— Скажи, Аня, — задушевно заговорил я, — что это за квесты такие, о которых столько разговоров?

— Квесты-то? Погружения в виртуальную реальность, что ж еще? — хмыкнула Аня, и у меня снова случился когнитивный диссонанс: комбайнерша Аня и виртуальная реальность — что-то плохо совместимое. — Можно в прошлое вернуться, можно в будущее улететь. Или вовсе в выдуманные миры, кому как нравится. Вот ты, видать, в прошлое отправился, к буржуйам, верно?

— Как ты...

— Да это популярный квест. Я, правда, его не люблю. Люблю в сказочные миры, к феям, эльфам и гномикам... В прошлом мир был под властью буржуев — хапуг и эксплуататоров. Ничего хорошего от них миру не перепало. Но некоторым нравится в такой квест отправиться и жить как обычный житель того времени. Или необычный. Строить свой... как его... капитал. Глупости, конечно, но занятно.

Я глубокомысленно покивал. Знаю похожие экономические симуляторы и игры-стратегии — строишь дом или целое государство, интригуешь, торгуешь с другими игроками, наращиваешь капитал.

Снова заворчал желудок.

— Раз еда бесплатна, поедим?

— Отчего же не поесть, — улыбнулась Аня. — Слышу, что у тебя кишки бунтуют. Пошли в столовку. Время позднее, столовку закрыли наверняка, но сегодня Дашка дежурит, я ее уговорю открыть для нас.

Конец фразы — слова “для нас” — Аня произнесла понизив голос и бросив на меня многозначительный взор. Когда я непонимающе посмотрел в ответ, она расхохоталась.

— Ой, умора, смешной ты! До глюка совсем другой был!

— Это какой же?

Аня подумала:

— Нелюдимый. Хмурый, сам по себе вечно гулял, как кот. На танцы по четвергам не ходил, с девками не знакомился... С тех пор, как подруга твоя в Князьград переехала... Ой!

Аня картинно, но при этом без малейшей фальши — что само по себе выглядело необычно — прикрыла рот и вытаращила глаза. Проговорилась.

— У меня и подруга была? — тоскливо сказал я. — И она меня бросила...

— Кто же откажется в Князьград переехать, коли предлагают и рейтинг позволяет? — удивилась Аня. — Никто ее не винил, Катьку-то. Даже ты.

— Какой же я добрый и понимающий, — саркастически протянул я.

— Не-а, ты не добрый. Ты бешеный, с тобой даже заводские не связываются. Только на баб рук никогда не поднимаешь и “Тишь-да-гладью” не злоупотребляешь, как некоторые, поэтому и помогаю тебе сегодня, чем могу.

— Спасибо, — сказал я почти искренне. — Ну что, пошли в столовку?

Столовая была стандартным для этих мест строением барачного типа, расположенным на единственной асфальтированной улице Посада. Солнце совсем низко нависало над лесом, от домов протянулись длинные тени, а косые лучи зазолотились. На меня почему-то от этого зрелища приближающегося заката накатила тоска. Дурной сон не кончался.

Иногда попадались местные. Я их не разглядывал, погруженный в свои невеселые мысли. Кто-то здоровался, кто-то игнорил. Я кивал в ответ или отвечал на приветствия коротким “Привет!” Руку никто не протягивал — вероятно, не заведено.

Аня постучала кулаком в запертую деревянную дверь, привычно старую и рассохшуюся. Спустя минуту изнутри женский голос крикнул:

— Закрыто! Че, совсем сдурели?

— Ты не ругайся, Дашка, это я.

Дверь открылась, и на нас воззрилась пресловутая Дашка — дама лет тридцати, полная, с объемистой грудью, мощными бедрами. Одета в серый рабочий халат и фартук. В руках швабра, вид воинственный. Услышав про мой глюк и амнезию, женщина моментально смягчилась, выпуклые глаза загорелись от любопытства и предвкушения интересного разговора. Спустя три минуты мы сидели за длинным столом в просторной столовой, освещенной парой слабых лампочек, отчего в помещении царил полумрак.

Даша убежала за стойку, оттуда донеслись грохот кастрюль и лязг поварешек, затем повариха появилась с подносом, на котором стояли чашки, миски и стаканы с чаем. Я с энтузиазмом принялся за еду, а две дамы уселись напротив и смотрели на меня с восторгом и умилением, словно я их родной брат, вернувшийся как минимум с войны. Угощали меня мясным супом, на второе были обычные тефтели с гречкой в качестве гарнира, а на третье какой-то пряник — на вид страшноватый, но мягкий и вкусный. Хотя, возможно, это у меня аппетит разыгрался, отчего обычная хавка казалась невероятно вкусной.

Пока я жрал так, что за ушами трещало, Аня поведала поварихе о моем глюке в мельчайших подробностях. Даша качала головой, вскрикивала, то и дело протягивала сложенную лодочкой ладонь к изображению двух лун на стене, затем эту же ладонь возлагала себе на лоб.

— Ходила я в квест к буржуям, — сообщила Даша, когда Аня завершила красочный рассказ. — Города у них пыльные, шумные и вонючие. Развлечений много, конечно, но все какие-то гнусные. За все деньги плати, а без денег ты никто.

— Скажите честно, — спросил я, дожевывая пряник. — Вы меня знаете всю жизнь? Прямо с детства?

Мои собеседницы подтвердили — да, с детства.

— Точно меня? Может, это был кто-то другой? Кто-то похожий на меня?

Аня закисла от смеха.

— Сейчас-то вижу, что ты другой! Разговариваешь чудно, не так, как раньше... И вообще не так, как все нормальные люди.

— Кто же это другой вместо тебя мог быть? — озадачилась Даша.

Я пожал плечами.

— Клон.

— Кто?

— Да неважно. Очень вкусная еда у вас, Дарья.

Повариха заулыбалась.

— А принеси-ка нам, Дашка, “Тишь-да-глади” стаканчик, — весело сказала Аня. — Видишь, человек не в себе немножко. Подлечиться надо.

— Панов у нас не употребляет, — сказала Даша таким тоном, словно мы с ней жили бок о бок все мои двадцать два года.

Аня хихикнула:

— Мы немножко... В качестве исключения.

Обе выжидательно посмотрели на меня.

Похоже, подумал я, здесь все знают о моих привычках — точнее, привычках того человека, за которого меня принимают. Маленькая деревня, полная сплетников и досужих любопытных обитателей, — вот что такое этот Посад.

Я почесал подбородок, заросший щетиной, задумался. Попробовать, что ли, здешнюю дурь? В историю я влип такую, что мой стресс хоть голыми руками щупай.

— А давайте!

— Вот это наш человек! — обрадовалась Аня, и Даша поспешила за стойку на кухню.

Наш человек, повторил я про себя. Бухаешь — наш человек, следуешь здоровому образу жизни — не наш. Кто не пьет — тот шпион. Сколько есть хороших, добрых пословиц, от которых вначале хорошо, а потом ой как плохо?

Даша принесла на другом подносе три мельхиоровые рюмки, бутылку с молочно-белой жидкостью и картонную коробочку наподобие спичечной, только больше раза в три. Аня схватила эту коробку, ловко открыла, зачерпнула чайной ложечкой тонкий коричневый порошок. Насыпала в одну рюмку. Зачерпнула еще два раза и добавила в оставшиеся рюмки.

Женщины поднесли рюмки к носу, вдохнули, передернулись то ли от отвращения, то ли удовольствия.

Я с опаской взял свою рюмку и принял. Пахло остро, чуточку горьковато и одновременно кисло. А еще был запах алкоголя, конечно. Букет забористый, но чем-то неуловимо приятный.

Аня и Даша опрокинули свои рюмки, некоторое время сидели с зажмуренными глазами. Потом шумно выдохнули, снова дернулись всем телом. Открыли глаза — повлажневшие, с расширенными зрачками. Забористое, видимо, дерьмо...

На долю секунды я усомнился, пить ли. По алкогольным делам я не силен, а тут к самогону добавили какую-то местную дурь. Возможно, опиат...

А затем взял и опрокинул рюмку, проглотив горьковато-пахучую жидкость.

“Тишь-да-гладь” сразу ударила по желудку, в котором растеклось тепло, и по мозгам, которые заволокло туманом пофигизма и приятного ощущения легкости бытия. Окружающее, наоборот, как-то прояснилось: краски в плохо освещенной столовой стали ярче, насыщенней, даже кислотней, а звуки громче и сочнее.

— Ну че? — смеясь, спросила Аня. По ней наркотик тоже ударил, это было заметно.

— Мощно, — оценил я. — Круто вдарило.

Аня с улыбкой закивала, а Даша заявила:

— Вдарило-то вдарило, но не как твой глюк-то! Впервые слышу, чтобы память начисто отшибло!

— А это он, поди, притворяется! — предположила зарумянившаяся, похорошевшая Аня. — Чтобы мы за ним поухаживали! Вишь — накормили его, теперь “Тишь-да-гладью” потчует! Этак и в постелю уложить придется!

— А ведь верно!

Бабы заготовали.

Я ничуть не обиделся на их подколки. Сейчас эти две хохотушки мне нравились так, что и не описать. Как мне повезло, что неведомые Рептилоиды перенесли меня в это пусть и неприглядное место, но населенное такими добрыми и отзывчивыми людьми!

— Вы реально считаете, что я притворяюсь? — спросил я.

— Да не, — махнула рукой Аня и чуть не перевернула поднос. — Тот Олесь, которого я знала, ни в жизнь этак не притворится. Ты вообще после своего глюка другой человек. Изменился жутко! Раньше был вечно мрачный, сердитый, нелюдимый, как сыч. А сейчас веселый, и поговорить с тобой можно по душам... Ты мне теперешний нравишься куда больше прежнего! Я хочу, чтобы твой глюк не кончался никогда!

А он и не кончится, ответил я ей про себя. Потому что это вовсе не глюк...

Мы поболтали о том, о сем. Преимущественно все разом, перекрикивая друг друга, но при этом отлично друг друга понимая.

Я спросил:

— Почему эта фигня называется “Тишь-да-гладь”?

Повариха Даша ответила:

— Потому что когда у тебя в жизни лихо, как сейчас, выпей это, и все будет тихо! Будет тишь да гладь!

— Логично, — согласился я, икнув.

Поразительно, как сильно подействовала маленькая рюмка. Это какая же экономия на выпивку! Не надо бежать в магазин за второй бутылкой... хотя какие тут магазины? Здесь же все бесплатно!

Какова себестоимость этого коричневого порошка? Вряд ли он дорогой, в этом мирке все делается из дерьма и палок, так что и наркотик тоже производят из чего-нибудь доступного... К примеру, из дерьма лабораторной мыши. Я засмеялся при этой мысли, Аня и Даша подхватили, хотя не представляли, отчего веселье.

Настроение не просто поднялось, накатила уверенность, что я выберусь из этого таежного угла и разберусь с Рептилоидами, кем бы они ни были. И с Димоном серьезно поговорю.

Хлопнула дверь, вошел высокий тощий мужчина лет тридцати в бордовой робе с блестящими нашивками на рукавах и штанинах выше колена в виде буквы “М”. Его лицо мне с ходу не понравилось — остроносое, с усиками, крохотным подбородком, бегающими черными глазками в окружении густых ресниц, которые выглядели неуместно на крысиной мордочке.

Крысообразный персонаж оглядел помещение, остановил взгляд на нас. Ухмыльнулся и зашагал к нам.

— Твою мать, — сквозь зубы процедила Даша. — Модератор!

Аня грустно потупилась, втянула голову в шею.

Я воззрился на этого человека, про которого слышал несколько раз.

На груди у него висела бляха с намозолившими глаза знаками полной и ущербной луны на фоне зубчатой стены и башни, а на ремне — прямоугольный кожаный чехол с прибором, похожим на рацию.

— Так-так-так! — проговорил Модератор. — Веселимся в ненадлежащее время?

Повариха Даша, которая сидела спиной к нему, вздохнула и нацепила на себя улыбку. Повернулась к незваному гостю и сказала:

— Законом же не запрещено! Рабочий день закончился, сидим вот, отдыхаем!

— А мы сейчас разберемся, кто чем занимается, — сладко улыбнулся Модератор. Сел с нами за стол, поставил на столешницу острые локти. — Ты, Широнина, не суетись, тут я решаю, что законом запрещено, а что разрешено. Вот ты, Васильева, сегодня отдыхаешь, а про рейтинг забыла? Про отработки за то, что комбайн у тебя сломался?

— Я отработаю!.. — плаксиво протянула Аня.

Модератор вынул из чехла прямоугольный прибор с кнопками и маленьким экранчиком. Направил его на Аню — та зажмурилась. Я напрягся было, но прибор лишь пискнул, и Модератор посмотрел на экран.

— Ай-ай-ай! Месяц прошел, а ты ни разу не пожелала поработать в выходной. Любим отдыхать, да?

Аня не ответила, но Модератор и не ждал ответа. Он поковырял пальцем коробочку с коричневым порошком и посмотрел на меня.

— А у тебя, Панов, выходной, что ли?

Я не сразу ответил. Сильно захотелось дать ему в лоб. Все же сдержался и сказал:

— Выходной.

Модератору, судя по всему, пауза перед ответом не понравилась. Он приблизил ко мне свою крысиную рожу, долго смотрел в глаза, не мигая. Усмехнулся.

— Хорошо. Молодец, мусорщик. Только не увлекайся “Тишь-да-гладью”. Эта вещь хоть законом не запрещена, а все ж не поощряется, сам знаешь. Раньше я как-то за тобой не замечал, чтобы ты вечерами в столовых заседал. Ну а ты, Широнина, с тобой что не так?

— Со мной все прекрасно, уважаемый! — радостно откликнулась повариха. — Вы ж знаете, у меня всегда все ровно!

— Да, это знаю, — благосклонно согласился Модератор. — А хочешь, чтобы и дальше все было ровно?

— Хочу-хочу, — сказала Даша, продолжая улыбаться, но глаза были тревожные. Повариха и Модератор говорили на каком-то своем языке и прекрасно его понимали. А я вот не совсем улавливал суть.

Повариха пододвинула коробку с наркотиком к Модератору. Тот как бы удивился и нехотя взял коробку. Рассеянно повертел в пальцах и сунул в карман.

— Ну что ж, отдыхайте, граждане, и дальше, — заулыбался он, вставая. — Долго не засиживайтесь, завтра рабочий день, надо трудиться во имя Вечной Сибири!

Он протянул руку к символам и положил ладонь на лоб. Женщины повторили жест.

Модератор направился к выходу, но перед самой дверью остановился и бросил через плечо:

— Панов, ты если что, зови, если не справишься с этими двумя прошмандовками...

Понял, да? Я вмиг примчусь, подсоблю. Ну, бывайте!

Он снова ухмыльнулся, подмигнул и взялся за ручку двери, но в эту секунду кто-то громко отчеканил:

— А ну повтори, что сказал, сука!

Даша и Аня вздрогнули и уставились на меня, а я с запозданием допер, что сам только что и высказался.

В весьма агрессивной форме.

К Модератору, видимо, никогда в жизни так не обращались.

— А? — глупо переспросил он, захлопав густыми ресничками.

Я встал, меня понесло. Гнев, усталость, растерянность и, естественно, “Тишь-да-гладь” объединенными усилиями свернули мне мозги, и я себя не контролировал. В голове шумело, руки сжимались в кулаки. Я быстро подошел к Модератору, тот слегка отшатнулся.

Кажется, он не совсем понимал, что происходит.

— Извинись перед дамами! — гаркнул я и сам удивился собственному джентльменству. Если быть совсем искренним перед собой, то честь женщин в эту минуту меня заботила не слишком сильно. Просто дико бесил этот крысеныш, упоенный властью и вымогающий наркотик у поварихи, несмотря на то, что у той с рейтингом все “ровно”.

— Извиниться? — повторил Модератор, приходя в себя. — Ты рехнулся, Панов, совсем? Башкой о свой мусоровоз ударился, что ли?

— Он в квесте сегодня глюк поймал! — донесся сзади голос Ани. — Вы его простите!

— Я сказал: извинись, — повторил я, не сводя взгляда с Модератора.

Тот помолчал, потом улыбнулся. Сладко заговорил:

— Ты хоть понимаешь, что творишь, дебил? Тебе дорога в Князьград за оскорбление Модератора до конца жизни будет закрыта! Тебе, придурку, до смерти с мусором возиться! Без выходных, танцев по четвергам и пенсии! Без услуг лекаря! — Голос Модератора становился все более громким и тонким. — Под открытым небом жить будешь, как собака! Говно жрать! Вместе со свиньями!!!

Я ему врезал левым хуком в подбородок. Много лет тренировал этот удар (в числе прочих) под присмотром известного в нашем городе тренера Виталия Михайловича Фольца, из-под крыла которого вышло немало чемпионов. Если бы не мое раздолбайство, я бы тоже в этом направлении чего-нибудь добился. Суть удара была в том, что его не видел противник — даже если бы внимательно следил за моими руками. Удар наносился без замаха, с вложением веса всего тела, практически из любой позиции, по кратчайшей траектории. Для уличных ситуаций Виталий Михайлович рекомендовал пробивать первый удар левой, потому что левшей в мире меньше правшей, и редко кто из уличных задир ждет атаки именно левой рукой.

Модератор вообще не ждал никакой атаки и не смотрел на мои руки. Он вообще в тот миг смотрел на Дашу и Аню, захлебываясь от бешенства, как бы спрашивая их взглядом: ваш приятель, мусорщик Панов, совсем сдурел?

Крики фальцетом оборвались, голова Модератора дернулась, глаза закатились, и крысеныш медленно, словно бы задумчиво начал падать вперед, на меня. Я отступил на шаг, чтобы не препятствовать этому падению, и Модератор с глухим стуком шмякнулся на деревянный пол.

После этого зловещего звука повисла мертвая тишина. Аня и Даша смотрели то на меня, то на распростертого Модератора вытаращенными глазами, с отвисшей челюстью.

А я, дурак дураком, сжимал кулак, и удивлялся, с какой легкостью уронил страшного и ужасного Модератора. Почему-то представлялось, что победить его будет непросто, как босса в компьютерной игре.

— Батюшки-матушки, — прошептала Аня, держась за щеки. — Ты ж Модератора вырубил! Это обнуление рейтинга и карцер на год, если не дольше! А после каторга до самой смерти...

Глава 3. Один день из жизни мусорщика

Я стоял над распростертым на полу Модератором. Признаков жизни он не подавал, но, несомненно, был жив, просто пребывал в глубочайшем нокауте. Аня за столом бормотала что-то высоким напряженным голосом — до меня отчетливо доносилось: “Каторга! Каторга!”

Неужели это происходит наяву? Сюр какой-то! Из башки никак не выветрится “Тишь-да-гладь”, а ведь и без дури мои мозги от всех сегодняшних приключений неплохо этак потекли. Я так и в полной мере не осознал, что натворил, но причитания Ани недвусмысленно указывали на то, что влип я нехило.

Ко мне решительным шагом приблизилась Даша. На лице — ни малейших признаков улыбки.

— Ты за нас, что ль, заступился? Зачем?

— Затем, что это правильно, — ляпнул я первое, что пришло на ум.

— Ох, вот ведь незадача! Я бы с ним порешала проблемы... но после такого ума не приложу, как поступить...

Она замолкла и задумалась, пристально глядя на затылок лежащего ничком крысеныша. А я огляделся — в окнах темно, но чудится, что кто-то невидимый подглядывает за нами. Вспомнилось про камеры. Где, кстати, они?

— Вот что, — сказала Даша, по всей видимости, придя к какому-то решению. — Вы с Анькой топайте отсюда поскорее. Беру все на себя. Скажу, что он сам ни с того, ни с сего хлопнулся в обморок. Переработал, бедняга, перетрутился, вот сознание и потерял, мордой об пол шмякнулся, челюсть повредил... Он же, небось, и не понял, что это ты ему вломил!

— Про меня он все равно вспомнит, — сказал я.

— А как же, вспомнит! Вспомнит, что ты с ним после “Тишь-да-гладь” пререкался! Но в рожу-то не бил! Есть разница? Ну все, идите скорей, не маячьте. Или в карцер хотите? Пошли вон!

Подскочила Аня, схватила меня за локоть, бормоча:

— Как был бешеный, так и остался!.. Пошли, заступник, Дашка выкрутится, не переживай. Она в столовке десять лет работает — с таким опытом ничего не страшно...

Я заколебался на несколько секунд. Подумал, что бросать Дашу нельзя, а надо бы дождаться других Модераторов — или кто тут у них вместо полиции? — и высказать все в лицо. А лучше — набить еще пару мерзких морд. Это место нуждается в революции и свержении власти! Здесь все фальшивое и нелепое — это просто экспериментальная зона в тайге, а никакая не великая Вечная Сибيريا...

— Камеры, — сказал я наконец, — они все засняли.

По словам Ани камеры повсюду, а значит, и в столовке тоже. Меня почти радовал этот факт. Отступить некуда, единственный выход — схлестнуться с врагом лоб в лоб. Меня не пугали карцер и пожизненная каторга, в глубине души таилась уверенность, что все это ненастоящее и скоро развеется, как морок.

Короче говоря, дурь подействовала на меня конкретно и основательно.

Хотя я никогда не мог похвастать избытком здравого смысла и часто сначала делал, а потом думал...

Даша отозвалась:

— Три штуки всего. Одна на кухне, другая вон ту половину столовой снимает, третья не работает после последней грозы. Проводка сгорела.

— А микрофоны?

— Я на один микрофон горячее масло пролила, — ухмыльнулась Даша. — Нечаянно, ясен пень, — откуда ж мне, глупой поварихе, знать, где у них микрофоны запрятаны? Неделю тому это было. Все ремонтировать не идут.

У нее действительно все схвачено, понял я. Такая баба реально из любой проблемы выкрутится и другим подсобит.

Повариха вдруг нахмурилась и гаркнула:

— Валите отсюда!

Я и Аня, так и не отцепившаяся от моего локтя, вышли из столовой. Снаружи было темно, прохладно, и тянуло легким ветерком, напоенным ароматом хвои. Ближайший фонарь тускло светил метрах в ста от нас, под ним тусовались и гоготали трое парней — видать, с поля только что вернулись. Мы направились в противоположную от них сторону, в темноту, где разбегались в разные стороны грунтовые дороги.

Светили звезды — необычайно яркие и низкие. Они почти не мигали. Луны не было видно. Далеко в лесу ухала сова... или филин — черт их разберет. Щебень под ногами хрустел вызывающе и громко, так что казалось, что наши шаги разносятся на многие километры вокруг.

Аня молча шла вперед, отлично ориентируясь в темноте, и я доверился ей. Одна моя рука по-прежнему находилась в полном ее распоряжении, другой я тер глаз — в нем снова мелькали светящиеся пятнышки, похожие на причудливые знаки.

Во тьме кое-где светились одинокие окна в бараках, и это был единственный свет вокруг нас, если не считать звездного небосклона.

В молчании мы приблизились к одному из одноэтажных деревянных домов, в котором светилось от силы пара окон. В их свете виднелись огороженная штакетником клумба, бельевые веревки с сушившимися тряпками, ведра, жестяное корыто и деревянная стиральная доска. Кто-то днем хорошенько постирался и оставил весь постирочный инвентарь прямо во дворе, не опасаясь краж. Вероятно, краж здесь не бывает, как и безработных и бездомных. Все трудоустроены и снабжены квартирами. Наверняка неведомый Детинец гарантирует и эти нюансы наряду с правом отправляться в квесты.

Аня остановилась, отпустив наконец локоть, и шепнула:

— Заходи внутрь. Потом прямо и налево, третья дверь твоя. Тетя Вера тебя не ждет, поди, раз ты в квест ушел.

— Тетя Вера? — повторил я. Дежурный по квест-залу меня спрашивал про тетю Веру.

— Тетка твоя — не помнишь?

Я крякнул.

— У меня есть родственники?

Аня хихикнула, сказала:

— Ладно. Пока!

И вдруг чмокнула меня в щеку. Поскольку после этого действия она неподвижно застыла, невидимая в полумраке, я поддался порыву, взял ее за талию, которая оказалась упругой и стройной, и поцеловал комбайнершу как следует. Аня не проявила по этому поводу неудовольствия — скорее, наоборот. Некоторое время мы увлеченно сосались, ее руки

скользили по моей спине, а мои — по ее ягодицам, лопаткам, шее, затылку...

На затылке под волосами пальцы нащупали то ли швы, то ли рубцы.

Я отстранился.

— Что это?

— Что? А, шрамы от чипа.

Я оторопел:

— Какого чипа?

— От обыкновенного, какого же еще? Он у всех есть, и у тебя тоже.

Я в панике ощупал свой затылок — и тоже нашел швы, судя по всему, давно зажившие.

Меня тоже чипировали?

Ну, разумеется, ядовито ответил внутренний голос. А ты как хотел?

Получается, все жители Вечной Сибири, этой огромной лаборатории, чипированы?

Гулко застучало сердце, а ладони вспотели. Итак, что мы имеем на данный момент? Чипы, Модераторы, камеры и микрофоны везде, где только можно. Полный и тотальный контроль. Сбежать будет сложновато... А если чип читает мои мысли, то дело табак, как говорят мореходы.

Я поковырял шов ногтями. Никакого ощущения чужеродного тела в голове под кожей... Или так всегда бывает с имплантами? Наверное, всегда. Люди с кардиостимулятором в сердце его вроде бы не чувствуют. Или чувствуют?

Модератор считывал рейтинг Ани с помощью прибора — значит, прибор настроен на частоту, генерируемую чипом. Я мог бы догадаться об импланте уже тогда, в столовой, ведь иначе приходится допускать, что прибор читает мысли.

— Я пошла, — бессильно прошептала Аня, словно прося разрешения. — До встречи!

Она растворилась во мраке, а я задался вопросом, откуда ей известна моя “квартира”. Была в гостях?

Неважно. Здешние все про всех знают, пора привыкать.

Я осторожно прошел через распахнутую входную дверь в коридор, стараясь ни обо что не споткнуться. Длинный коридор слабо освещала одна-единственная лампа вдали. Деревянный, поддающийся под тяжестью тела пол, облепленные древними обоями стены, местами протекшие потолки. Дверей много, и все выглядят одинаково — разохшиеся, обитые ветхим черным дерматином. В коридоре, как водится, валялся кое-какой скарб: сломанная детская коляска, садовая тележка и несколько метел.

Я нашел “свою” дверь — на ней были прибиты пластмассовые цифры 1 и 0. Моя квартира, стало быть, под номером десять. Я поднял руку, чтобы постучать, но тихий звук сбоку отвлек внимание. Черная кошка со светящимися с полумраке глазами шарахнулась прочь, проскользнула в приоткрытую дверь по соседству, выглянула оттуда. В щель выше нее на меня смотрела еще пара глаз — мальчишка лет четырнадцати с растрепанными каштановыми волосами, худенький и востроносый.

Из той же “квартиры” донесся оклик — это была женщина, и оба — пацан и кошка — пропали из виду. Дверь прикрыли, но из-за нее все равно слышались голоса женщины и мужчины, они энергично, хоть и негромко, переругивались.

Негоже стучать в дверь собственного дома, решил я и повернул ручку. Дверь отворилась.

Я перешагнул порог и оказался в темной комнатке с закопченными стенами, столом под потрепанной скатертью, тремя стульями, шкафом с посудой, печью-буржуйкой в углу, возле

которой на железной пластине на полу лежали кочерга, стальной совок и пустое почерневшее от угольной пыли ведро. На столе красиво вышитая кружевная салфетка накрывала что-то. Занавески на окне у стола своей новизной контрастировали со всем остальным интерьером (кроме салфетки). Судя по всему, их вышили вручную. На стенах висели изображения двух лун и минималистические портреты людей в окружении геометрических фигур. Судя по позам этих нарисованных людей и гало вокруг голов, это не столько портреты, сколько иконы.

Слева из другой комнаты через открытую дверь лился свет. Справа дверь поменьше вела, наверное, в туалет.

В целом мой новый дом производил приятное впечатление. Я ожидал худшего. Бедно, но чисто.

— Кто пришел? — спросил немолодой женский голос из освещенной комнаты.

Я заколебался. Как прикажете себя назвать?

— Я.

— Олесь? Ты? Закончился квест?

— Кончился, тетя Вера, — вздохнув, проговорил я.

Она появилась в дверях и щелкнула выключателем — на кухне вспыхнул свет. Тетя оказалась сухопарой и довольной высокой женщиной лет шестидесяти или старше, с короткими седыми волосами, в очках на длинном носу и разваливающейся книгой в руках. Одета она была в длинное серое платье и толстые вязаные носки. Вокруг поясицы наверхчена шаль.

— Кушать будешь? — Тетя шустро подошла к столу и сдернула салфетку. Под ней оказались блюдечки и чашечки. Каша с кусочками сухофруктов, печенье, тушеная фасоль, салат из натертой свеклы.

— Я поел, — неосторожно сообщил я.

Тетя изумилась.

— Где успел?

— В столовой.

— Так поздно?

Не будем врать, подумал я. Скажем правду.

— Меня Даша угощала.

— Даша... — пробормотала тетя, усаживаясь возле стола. Похоже, ноги плохо ее держали. — Впервые слышу, чтобы эта лиса кого-то в неурочный час кормила...

Я все еще был пьян после единственной рюмочки местной дури. А потому весьма разговорчив.

— Ее Аня попросила...

— Какая Аня? Баба Аня, что ли?

— Васильева. Комбайнерша.

Тетя Вера прищурилась и посмотрела на меня с улыбкой. Я стоял на пороге перед ней навтыяжку, как опоздавший ученик перед учительницей. Откуда мне знать, как поступает Олесь, когда является домой?

Теткина улыбка долго на длинноносом лице не задержалась, она закашлялась. Кашель был сухой и рвущий легкие.

— Ты молодец, что начал с другими девчатами общаться, — наконец произнесла она, когда приступ прошел. — Ну, коли есть ты не будешь, я еду в подпол отнесу. А ты сходи

помойся, сегодня вода хорошая, теплая, на солнце нагрелась. Кой-чего осталось после стирки Смольяниновых.

Она поднялась, упираясь одной рукой о столешницу, другой о собственную коленку, взяла тарелки и вышла из квартиры в коридор, где был, вероятно, спуск в подпол.

Я пропустил ее и разулся. Портянки свалились с ног, я запихал их в берцы, поставил берцы в угол, чтоб не мешались. Заглянул в правую дверь — так и есть, туалет и железная эмалированная раковина с капающим краном. Под раковиной корыто вроде того, что Смольяниновы бросили на улице, и два ведра с водой — теплой, нагретой солнцем. В корыте можно, в сущности, помыться целиком, если сидеть на корточках и следить за тем, чтобы сильно не расплескивать воду. На полках лежат грубое мыло с острым запахом, чистые мочалки, полотенца.

Недолго думая, я разделся и начал мыться. На коже остались следы той слизистой субстанции из камеры, сейчас она превратилась в мягкие стекляннистые комочки по всему телу. Помывшись в скоростном режиме, я надел трусы, которые все это время лежали свернутые в кармане. Они все-таки в определенном смысле мои...

Одевшись полностью, я побрел в спальню. Тетя Вера лежала на кровати за тонкой занавеской, читала книгу. В другом углу комнаты меня ждала вторая кровать, тоже за занавеской.

Значит, спальня у меня с моей новой тетушкой одна на двоих...

Тетя снова закашлялась.

— Ты болеешь? — спросил я, усаживаясь на кровать.

Вера невесело рассмеялась.

— Месяц уже... Пневмония. Не проходит никак, окаянная.

— Лекарь послезавтра будет, — вспомнил я. — Если его заводские не задержат.

— Толку-то от него, лекаря... Мне надо на стационарное лечение.

Я откинул одеяло и лег. Посмотрел на нее.

— А что мешает?

— Рейтинг мешает, рейтинг... Ты чего, Олесь, чудные вопросы задаешь, будто сам не свой?

Я в который за сегодня раз объяснил про “глюк”. Вера перепугалась, протянула руку лодочкой к иконе, тронула свой лоб кончиками пальцев.

— Ой, беда-то... И ничего не помнишь? Никого? И... меня тоже?

Вероятно, ей важно это знать.

Честно будет сказать, что нет, я и тебя не помню. Но кому будет от этой правды хорошо?

— Тебя помню, — соврал я. — Но многие детали своей жизни не помню. Ты не обижайся, если я чего-то забуду.

Вера замахала на меня руками.

— Да какие обиды? Главное, чтоб глюк поскорей прошел. Ну, спокойной ночи, свет гашу.

— Спокойной ночи.

Она выключила свет. Я лежал в темноте за пологом, прикрывшись одеялом и не раздевшись толком. Слушал, как в ночной дали лает собака. Обдумывал разное.

Вот соврал я и сделал человеку приятное. Никому не навредила моя ложь и не навредит. Нет силы в правде, сила в доброте. И не важно, врешь ты или рубишь правду. Любой

поступок хорош, если делать его обдуманно и ради блага другого человека.

Сначала чудилось, что я моментально усну после всех треволнений, но потом выяснилось, что сон куда-то запропастился.

В голове крутилось слишком много мыслей, и эти мысли свернули в сторону моей гипотезы — того, как я здесь очутился. Кажется, она начинала подтверждаться.

Согласно этой гипотезе, я попал на территорию, где проводятся масштабные эксперименты над людьми, своего рода лабораторию, населенную двуногими “белыми мышами” — чипированными людьми. Через чип-нейроимплант им легко внушить все, что угодно, — и то, что живут они посреди Поганого поля в Вечной Сибири, на которую надо молиться, и то, что я, Олесь Панов, жил здесь всю жизнь.

Кто-то жил здесь вместо меня, это точно. Под моим именем или каким-то другим, но сейчас жители Западного 37-го Посада считают, что моего предшественника звали как меня. Не забыть бы завтра попросить тетю, которая мне никакая не тетья, дать поглядеть на мои старые фото...

Мной заменили выбывшего по каким-то причинам человека — хмурого нелюдимого парня с дурным характером. Если его найти и расспросить, многое прояснится.

Как бы то ни было, валить отсюда надо однозначно, здесь мне делать нечего, даже с учетом восхищенных веселых комбайнерш...

И еще надо избавляться от чипа — субклеточного когнитивного нейромодулятора, согласно терминологии доктора Тараса Игнатъича Пономарева. Мне это дополнение к организму нужно как собаке пятая нога.

В памяти всплыло, как Димон-подлюка предлагал гемивиртуальные игры, где я изображал бы жертву, убегающую от охотников с артефактом. Теперь я представляю, каких масштабов достигают эти игры... У Рептилоидов дело поставлено на широкую ногу.

Зачем им это? Чтобы узнать, как лучше управлять людьми? Хрен их поймет.

Видимо, действие “Тишь-да-глади” еще не завершилось, поскольку мне было на редкость хорошо и вольготно, море по колено, как говорится. Ничего по-настоящему не тревожит, стресса — ноль. Я был почти на сто процентов уверен, что завтра, на свежую голову, придумаю, как вырваться из ловушки. Чипирование в моем случае не сработало — я по-прежнему не верю, что Поганое поле населяют чудища, и это не напугает меня, когда придет время прогуляться за кордон. Завтра я перелезу через забор и убегу в тайгу. Прогулка по лесу будет не из легких, но как выживают в таких случаях, я смотрел по Ютубу, так что ничего страшного. Сидеть и ждать с моря погоды я не намерен.

Эти мечты умиротворяли, и я начал потихоньку засыпать, несмотря на покашливание тети и лай неутомной собаки. Перед тем, как окончательно провалиться в сон, я подумал, что хорошо бы завтра проснуться в своей арендованной квартире... ищущим работы молодым эникейщиком без денег.

Но проснулся я в барачных апартаментах трудоустроенным мусорщиком. Ничего не изменилось, сон продолжался — если это сон. Некоторое время я валялся в постели и вспоминал вчерашнее.

Несмотря на некоторые опасения, употребление дури не оставило особых последствий, кроме жажды. Ее я утолил в туалете, напившись прямо из-под протекающего крана. Вода оказалась вкусной и чистой, несмотря на плачевное состояние труб.

Вчерашний пофигизм улетучился, и я с неприятным сосущим чувством в груди осознал,

что Модератор рано или поздно до меня доберется, и надо с этим что-то делать. Не стоит попадать в карцер до того, как свалю в лес.

Сегодня осмотрюсь и сбегу. Засиживаться себе дороже. Правда, нестись сломя голову резона нет — схватят и запрут в карцере. Поэтому самый оптимальный вариант — разнюхать обстановку, а после делать ноги.

Тетя уже встала и хозяйничала на кухне, аппетитно пахло. Через тонкие стены слышалась ругань соседей — они словно бы и не переставали ругаться со вчерашнего дня.

— Смольяниновы никак не угомонятся, — сказала тетя, жестом приглашая меня садиться за стол. — Как кошка с собакой... Бедный Витька — слушает это каждый день...

Витька, насколько я понял, — это вчерашний пацан.

Тетя выложила передо мной разнообразную снедь: пирог с творогом, печенье, чашку с вареньем, яичницу с луком.

— А разве мы не в столовой питаемся? — спросил я.

— В столовой, — подтвердила тетя Вера. — но я люблю домашнее. И ты тоже. Я от работы швеей по болезни освобождена, чем еще дома заниматься?

Некоторое время мы молча ели. То есть в основном ел я, тетя же потягивала чай.

— Не вспомнил? — наконец спросила она, хотя и так было понятно, что нет.

— Не вспомнил, — виновато ответил я.

Она закашлялась, и я подумал, что ей нужны антибиотики и полноценное квалифицированное лечение. Если бы не Рептилоиды со своими играми и экспериментами...

Кое-что вспомнилось.

— Тетя Вера, у тебя есть мои фото?

Она вздернула тонкие брови.

— Откуда же? Только Модераторы фотографируют людей. Да в Князьграде, говорят, фото делают.

Вот так незадача! Не выйдет у меня выяснить свой “предыдущий облик”. Почему-то я загодя предполагал, что это не будет простой задачей.

После завтрака, когда тетя вышла из барака по какой-то хозяйственной надобности, я пошарился в шкафу в спальне, посмотрел “свою” одежду. Все впору. Что ж, мой предшественник определенно был моего телосложения и роста.

И трусы все же были его, а не мои.

Тетя показала, где мой мусоровоз — в гараже в сотне метров от барака. Дала ключ, который висел на гвоздике в квартире (буду называть нашу барачную халупу квартирой). Это была металлическая перфокарта размером раза в полтора больше обычной банковской карты, вся изрешеченная дырками разной формы. Судя по поверхности, ключ-перфокарта одновременно была микросхемой — в Вечной Сибири самые большие микросхемы в мире... Перфорированная поверхность вкупе с микросхемой не позволит просто так запилить дубликат.

Я пошел к гаражам, зажимая в ладони необычный ключ и поглядывая по сторонам. Людей маловато, вдали на поле работают люди, возле нашего барака движения вовсе нет. Вероятно, наш барак заселен не весь, но жильцы все равно теснятся в крохотных “номерах” — зимой теплее.

Мне предстояло собирать мусор в нескольких Посадах, причем начинать нужно с

асфальтированных улиц.

Пока шел к гаражам, обратил внимание, что бараки раскиданы, на первый взгляд, без всякого порядка, на значительном удалении друг от друга. Но если присмотришься, то увидишь во многих местах проросшие травой и бурьяном каменные кладки фундаментов разрушенных или сгоревших зданий. Раньше здесь было, по всей видимости, куда больше построек и, соответственно, населения. Из земли тут и там торчали арматурины и мотки ржавой проволоки, огромные рифленые покрышки грузовых автомобилей и полусгнившие бревна.

От оставшихся бараков, включая наш, тянулись провода, их поддерживали столбы.

День с самого утра выдался теплым, почти жарким. Я не шарю в климате Сибири, но почему-то подумалось, что это не совсем нормально. Пусть даже на дворе июнь.

Возле гаражей отирался давешний пацан — Витька Смольянинов. Возле его ног сидела крупная рыжая дворняга с длинной мордочкой и торчащими ушами, чем-то похожая на колли.

— Привет! — поздоровался Витька.

— Привет. Ты — Виктор?

Пацан перестал лучезарно улыбаться.

— Ты чего, Олесь, прикалываешься? Не узнал?

Пришлось объяснять про глюк. Хорошо, что здесь все в курсе глюков и не задают лишних вопросов. Это как если б я был алкашом и объяснял приятелям-выпивохам, что вчера малость перебрал и поэтому бросался с ножом на бронзовую статую в центре города, приняв ее за живого человека. Или был бы наркоманом и оправдывал потерю памяти передозом. Полагаю, в обоих случаях меня понимали бы с полуслова.

Стукнула идея, что в Вечной Сибири все, по сути, и есть наркоманы, но по части квестов и немножко “Тишь-да-глади”. Наверное, оба этих наркотика помогают отвлечься от беспросветной жизни.

— Чего гуляем? — спросил я мальчишку. — Дома неохота сидеть?

— Неохота, — помрачнел тот. — Предки лаются с утра. Они всю жизнь лаются.

Грустил он недолго — секунды две. Повеселев, снова заулыбался и предложил:

— Давай, я тебе помогать буду, раз ты ничего не помнишь? Мы ведь с тобой друзья! Часто катаемся вместе на твоём мусоровозе.

— Да ну? — протянул я, а сам подумал, что помощник не повредит. На всякий случай полюбопытствовал: — А тебе в школу не надо?

...Если в этой заднице мире вообще есть школа, договорил я про себя.

— Сейчас каникулы, ты че? — сказал Витька. — И это забыл?

— Ах да. Июнь на дворе. Ладно, поехали. Но пса оставь.

Все это время, пока мы общались, пес спокойно сидел и смотрел на меня круглыми умными глазами, высунув язык. Витька потрепал его по макушке и извиняющимся тоном произнес:

— Кими, тебе придется остаться...

Пес будто понял человеческую речь, поднялся и затрусил прочь, размахивая хвостом.

Ворота гаража не запирались на замок, просто закрывались на щеколду, чтобы случайно не распахнул ветер. “Мой” мусоровоз — единственное транспортное средство в гаражах, где хватает места на пять большегрузных авто.

Я залюбовался мусоровозом — прежде мне никогда не попадались машины с таким

необычным дизайном. Он был больше похож на инопланетный вездеход, чем на мусоровоз. Приплюснутый, многогранный, на четырех крупных и широких колесах. Впереди кабина на двоих, позади закрытый кузов с задней загрузкой (вручную) и боковой (с помощью гидравлического манипулятора, который хватает контейнеры).

Желтая краска на манипуляторе облезла, но в целом манипулятор смотрелся внушительно и современно. На кузове сбоку от манипулятора находилась панель управления с испачканными в масле рычажками и клавишами.

В помещении была яма, вдоль одной стены — полки с инструментами, вдоль другой — длинный щит с шестью прямоугольными гнездами. В трех торчали металлические коробки с прорезиненными красными рукоятками, три оставались пустыми. В глубине пустых гнезд поблескивали три медные клеммы.

— Неплохой манипулятор, — одобрил я. — Смотрится новее всей остальной машины.

Витька отчего-то хихикнул:

— Еще бы!

Я не вкурил, отчего он веселится, но выяснять не стал. Позже.

Я сунул карту-ключ к щель подходящего размера в двери кабины, потянул за ручку, и дверь, лязгнув, открылась. Автоматически разблокировалась вторая дверь, со стороны пассажира. Мы забрались в кабину, уселись на обшитые мешковиной кресла. Руль самый обыкновенный, а вот рычаг переключения скоростей вызывает недоумение: двигается в проеме не так, как обычно, а только вперед и назад, застревая в пазах напротив обозначений “0, 1, 2, 3, 4”. Сейчас рычаг был в положении “0”.

Справа от руля краснела круглая кнопка, под ней виднелась щель, как на двери. Я втиснул туда ключ и нажал на кнопку. Кабина еле ощутимо завибрировала — включился на редкость тихий двигатель.

Однако какая продвинутость!

Все же чудной этот контраст между бараками и технологиями...

Я внимательно изучил панель управления.

— А где датчик уровня топлива? Бензина... или солярки?

Едва я задал этот вопрос, как углядел светящиеся изображения трех батарей. Одна полностью полна, две другие наполовину.

Витька удивился:

— Ты и этого не помнишь? Мотор электрический. В гараже батареи берем из гнезд, где они заряжаются, и меняем по мере надобности.

— Ни фиги себе! Мусоровоз на электрической тяге? Заряда на сегодня хватит?

— Хватит. Мусор загрузим, прокатимся к карьере, вывалим мусор, назад вернемся, и еще заряд останется.

Потрясающе, поразился я. Если на трех из шести батарей можно так покататься, то на полном наборе я уеду далеко...

Хотя нет. Рассекать по тайге на мусоровозе — глупость. Нужно стырить тачку полегче и пошустрее, с запасом заряженных батарей. Проеду столько, на сколько хватит заряда аккумуляторов, потом пойду пешком.

Я выехал из гаража и притормозил. Витька выскочил из кабины, захлопнул двери гаража и вернулся. Мы поехали на асфальтированную улицу — на ту ее часть, где я еще не был. Дальше, как выяснилось, дорога пересекала небольшую речушку, чьи берега сплошь заросли кустарником и камышом (или рогозом — я их не различаю), и на другом берегу

асфальт кончался. Недалеко от ближайшего берега, на отдалении от основных построек главной улицы, находилась квадратная яма метра два на два и глубиной в человеческий рост, с бетонными стенами. Яму наполняли груды драных тряпок, золы, гнилых палок и досок, битого шифера и кирпича. Пищевых отходов не было, к счастью, а то запах стоял бы нешуточный. В Посаде много свинарников, коровников и прочих загонов для прожорливой скотины, поэтому очистки и огрызки востребованы и долго не залеживаются.

В яму вела узкая бетонная лестница под наклоном в 45 градусов. Я встал у верхней ступени и упер кулаки в бока. Теперь стало ясно, отчего веселился Витька, когда я заговорил о манипуляторе — его тупо не использовали за неимением контейнеров. Надо, оказывается, рученьками работать.

Я вздохнул, достал из кузова лопату, мотыгу и два здоровенных грязных ведра, неспешно вернулся к яме, поглядывая по сторонам и запоминая местность. Судя по солнцу, асфальтированная улица тянется с севера на юг. Северный конец пересекает реку по мосту и упирается в густой лес. Южный переходит в грунтовку, которая вьется между холмами (один из них венчала беседка), а по обеим сторонам от дороги раскиданы бараки, гаражи, поля и загоны для скота. Еще южнее — Поганое поле, где человеческих поселений нет. За северным лесом, вероятно, есть еще бараки, только неясно, принадлежат ли они нашему Посаду или нет.

По всему выходит, что мне следует направиться на юг.

— Слушай, Витька, а в каком направлении Князьград?

Витька, взявший в руку мотыгу и одно из ведер, сразу показал пальцем на север. Что ж, понятно.

Мы принялись за работу — нагружали ведра мусором, потом тащили эти ведра к машине и высыпали в кузов. Какой идиот придумал вырыть эти ямы вместо обычных мусорных площадок? Нам приходилось бегать вверх-вниз по узкой лесенке, я начал потеть. Витька же работал старательно, мотыгой управлялся виртуозно, ухитряясь загребать ею больше, чем я лопатой, и аккуратно ссыпать в ведро.

Когда яма почти опустела, я зачерпнул лопатой кусок кафеля с барельефом из двух лун. Собирался швырнуть в ведро, но Витька увидел, схватил плитку и протер рукавом.

— Это священное! — пояснил он. — Его нельзя на мусорку.

Я фыркнул:

— Кто-то же выбросил!

— Пьяный был, наверное. Не заметил.

— Что означает этот знак? — спросил я, наблюдая, как Витька кладет плитку на ступеньку.

— Это символы дня и ночи во взаимосвязи, солнца и луны, времени, когда светло и когда темно, — заученно ответил тот. — Вечная Сибيريا действительно вечна — в любое время и всегда.

— И правда глубокий смысл, — хмыкнул я.

Витька покосился на меня.

— Над этим смеяться нельзя. Как над матерью и отцом. Или как нельзя хлеб топтать.

— Ясно. А что такое Детинец?

— Крепость в Князьграде. В Детинце высокое собрание заседает во главе с председателем.

— Председатель — он самый главный в Вечной Сибири?

— Ага.

— И этот Дитинец гарантирует нам квесты?

Витька отрапортовал как по бумажке:

— Каждый гражданин Вечной Сибири имеет право на прохождение квестов.

Двенадцать часов в неделю независимо от рейтинга.

— О как? — удивился я. — Откуда такая доброта?

Вопрос был риторический. Витька пожал плечами и снова взялся за мотыгу.

Я подумал, что, кажется, имею представление, где искать рептилоидов или их прямых подручных. В сущности, и Модераторы их подручные, но больно мелкие, вряд ли они что-то знают важное об этой гигантской лаборатории.

— Что производят на заводе?

— Разную технику. Комбайны, машины, виртуальные камеры.

Я почесал подбородок. Как можно так загадить обычную жизнь, но при этом на заводе производить высокие технологии? Что за извращенный опыт Рептилоидов? Почему бы не построить нормальные дома для людей?

Закончив с первой ямой, мы объехали еще несколько. Мусора в них было меньше, но некоторые частично заполняла грязная вода, оставшаяся после дождей. Вот зачем мне берцы!

Если бы не работающий и умелый Витька, я бы корячился в этих ямах несколько часов. Особенно ловко он орудовал своей мотыгой, которая, к моему изумлению, трансформировалась в лопату при желании.

Когда я похвалил мальчишку, тот с умным видом воздел палец:

— Умение рыть ямы — один из самых полезных навыков! Так мой деда покойный говорил. Удобным инструментом легко и мусор убрать, и подвал сделать, и печь, и землянку.

Пока мы вкалывали, мимо проходили люди. Кто-то гнал коров на пастбища, кто-то самолично тянул телегу с разным грузом, кто-то шел налегке. Я автоматически со всеми здоровался, мне вежливо отвечали.

Один раз проехала легковая машина, латаная-перелатаная, с приваренными крыльями от другой тачки, мудреным самодельным бампером, которым впору таранить зомби.

Второй раз проехала машина вроде джипа на шести колесах. Это чудо со всей определенностью сварганили из чего попало местные умельцы. В авто сидели два Модератора, судя по красным робам и блестящим буквам “М”. На нас, горбятящихся в помойной яме мусорщиков, не обратили внимания. И ладно. Я проводил взглядом необычную машину, мне она понравилась — на такой ехать по тайге в самый раз.

По пашням катался комбайн — я таких тоже никогда не видывал. Гибрид трактора и собственно комбайна. Возможно, управляла им Аня, с такого расстояния не разглядишь.

Мы подъехали к яме возле полуразрушенного каменного здания с символом двух лун... точнее, солнца и луны на потрепанном фасаде.

— Это последняя, — обрадовал Витька. — Кузов полный, больше не влезет. Потом едем в карьер, опростаемся. В другой Посад завтра поедем.

— В смысле, мы весь этот хлам выбросим в карьер?

— Ага, — Витька подмигнул, и я не понял, к чему это. Он что, подозревает, что я намерен рвать когти?

Я намеревался уточнить, но нас окликнули знакомым голосом. Обернулся — к нам шла пышнотелая и улыбающаяся повариха Даша. В простом платье, платке, с тряпичной сумкой в

руке.

Мы поздоровались.

— Ну что, Олесь, не вспомнил свою жизнь? — осведомилась она. — Нет? Ладно. Я прс
вчерашнее хотела сказать...

Она глянула на Витьку, но тот пошел укладывать инвентарь в кузов.

— Во-первых, — понизила голос Даша, — этот дурачок поверил, что хлопнулся в
обморок, представь? А во-вторых, он стыдится, что потерял сознание при свидетелях.
Настоящий Модератор должен быть сильным и здоровым, у них, Модераторов, это строго.
Если слабак, то тебе не место среди Модераторов. А бывших Модераторов не бывает — сам
посуди, как ему обычным трактористом или пастухом работать, после всего, что
наконтролировал? Поэтому он готов забыть, что вчера ты ему наговорил. Но предупреждаю
тебя, Олесь, это дело ненадолго. Рано или поздно он тебе отомстит. Да и не только тебе,
всем нам. Скорее рано, чем поздно.

Когда он возьмется за месть, подумалось мне, меня и след простынет. Расхлебывать
останутся Даша с Аней, но что поделаешь? Я не всесилен, всем помочь не в силах.

— Спасибо, Даша, — с чувством произнес я.

Даша кивнула, повернулась к фасаду полуразрушенного здания, протянула ладонь к
Знаку, приложила ладонь ко лбу. И пошла дальше, виляя массивными бедрами.

Пока я смотрел ей вслед, переваривал сказанное, позади подошел Витька.

— А ты, Витька, почему так рукой не делаешь? — обратился я к нему.

Тот насупился и, вытерев пот со лба, пробучал:

— Смысла не вижу.

Далеко пацан пойдет, подумал я. Не суеверный даже в окружении людей с начисто
промытыми мозгами. Точнее, почти не суеверный: кафельную плитку со Знаком все же не
позволил выбросить. Кое-что внушить ему взрослые успели. Как сложится его судьба в этом
тухлом месте?

— Ты глюки ловил когда-нибудь? — спросил я неожиданно для самого себя.

— Не-а. Мне в квесты еще рано. Мне четырнадцать, а в квесты ходят с пятнадцати.

Забавно, отметил я про себя. В квесты не ходит и сравнительно не суеверен. Станет ли
суеверным, когда начнет погружаться в виртуальный мир? Связаны ли квесты и общая
зомбированность населения?

— Показывай дорогу к карьеру! — велел я, и Витька мгновенно оживился. Карьер его
чем-то воодушевлял.

Мы ехали по грунтовке на юг, к холму с беседкой, затем между разбросанными как
попало постройками — жилыми и нежилыми, — по полю, среди рощ и кустарников.
Грунтовка закончилась, и широкие колеса мусоровоза сейчас катили по утрамбованному
грунту. Я отметил, что у мусоровоза неплохая амортизация, нас почти не трясло, невзирая на
качество дороги — точнее, отсутствие нормальной дороги. Я разогнался, но Витька
предупредил, что при высокой скорости заряд аккумуляторов расходуется быстрее, и я сбавил
скорость.

Километров через пять или шесть впереди выросла трехметровая решетчатая ограда, в
ней были ворота о двух створках под металлической аркой.

Наступила моя очередь воодушевляться — вот он, выход из этой треклятой Вечной
Сибири!

Когда мы затормозили непосредственно у ворот, я разглядел на арке целых три камеры наружного видеонаблюдения. И массивный висячий замок.

— И как его открыть? — озадаченно спросил я. Представилось, как я тараню забор.

— Что б ты без меня делал? — насмешливо закатил глаза Витька. — У тебя ж есть ключ.

Я выдернул из щели на панели управления перфокарту-ключ. Мотор сразу заглох.

— И что? Так просто? Ни охраны, ни сложных запоров?

— С этой стороны никто в своем уме в Поганое поле не побежит, — объяснил Витька. — А с той или не хотят, или вообще не понимают, что такое замок. Тупые Уроды!

Я покосился на него. Похоже, он не ругался, а констатировал факт. В Поганом поле живут Уроды и они тупые. Все кристально ясно.

— А забор эти ваши Уроды не сломают?

— Кто их знает? Если захотят и соберутся большой кучей, сломают, наверное. Но они ходят только по опоганенным землям далеко отсюда.

— Что значит — опоганенным?

— Ну, по тем, где теперь Поганое поле.

Я промычал что-то невразумительное. Ничего более внятного я от пацана, видимо, не добыюсь.

Вылез из кабины, подошел к замку, который вблизи оказался огромным, нашел щель и сунул туда карту. Замку было наплевать. Тогда я поискал, нашел пластину на поверхности замка и надавил. Замок с лязгом открылся.

— Слушай, — сказал я, распахнув ворота и вернувшись к кабине. — А Уроды на нас не накинутся, когда мы по их земле поедим?

— Они только ночью набрасываются. И вообще редко до карьера доходят. Это Детинец решил границу досюдова отодвинуть на всякий случай.

— А на кой вообще нужна эта ограда? Под нее подкопаться можно, или решетку распилить, или сверху перелезть, разрезав колючку.

Витька хмыкнул:

— Если кто полезет, по ней электричество пойдет. Зажарятся! И сигнал в Князьград будет отправлен, а оттуда Чистая Дружина тотчас выедет.

Чистая Дружина — это местные элитные войска, специально предназначенные для борьбы с Уродами, догадался я.

— Ты их видел, Уродов?

— Не, слышал только.

— Что слышал?

— Как они воют ночью. Жуть!

Я сел за руль и включил двигатель, размышляя. Несерьезный забор и полное отсутствие пограничников заставляли задуматься. Допустим, из Вечной Сибири наружу выбраться никто не желает. Но камеры для чего? И если Уроды столь омерзительны и опасны, как их описывают, почему не выстроили более серьезную ограду?

Хотя, оборвал я сам себя, этот решетчатый забор — штука серьезная. Что мне известно о местных технологиях? Ничего. Мусоровоз катается на электрической тяге, функционируют виртуальные камеры, есть чипы и детекторы личного рейтинга. Возможно, эту ограду стадо бешеных слонов не одолеет и танки не разрушат.

После того, как Витька признался, что никогда не видел Уродов, я укрепился в мысли,

что никаких Уродов в природе не существует. Не исключено, что кто-то из тех, кто в курсе — взять хотя бы Модераторов, — переодевается в монстров и изредка пугает местных, чтобы не совались в Поганое поле. Разносит слухи, воет в ночи, нагнетает атмосферу.

Я проехал через ворота, остановился, запер ворота на замок и вернулся в машину. Камеры — тоже три штуки — обозревали и территорию со стороны Поганого поля.

Несмотря на уверенность, что нет никаких Уродов, накатил на меня все же некоторый мандраж. В кабину я запрыгнул быстрее обычного.

Ехали мы по той же практически лесистой местности, только без пашен. Дорога заросла травой, но две колеи были отчетливо видны. Иногда сбоку среди деревьев мелькали деревянные развалюхи, столбы с оборванными проводами, части каменных стен, проржавевшие насквозь остовы машин.

Минут через десять я затормозил и выключил двигатель. Витька с удивлением воззрился на меня.

— Птиц не слышно, — пояснил я.

— Ага. Жуть берет.

Не было слышно ни птиц, ни насекомых. Светило солнце, лучи просачивались сквозь густую листву и делали полумрак под деревьями зеленоватым, воздух был абсолютно неподвижен. Стояла неестественная тишина.

Снова тронулись и вскоре выехали из лесочка на обширное пустое пространство. Земля была глинистая и каменистая, на такой почти ничего не растет. Тут было много разных строительных вагончиков, навесов, контейнеров и прочих временных построек, которые стали постоянными на веки вечные. Колея вилась среди груд щебня, песка, строительного мусора и холмов какой-то синеватой пыли — отвалов.

Я замедлился до предела, по-черепашьи пробираясь между всем этим хламом. Проехали мы метров двести и остановились на краю огромного карьера, внутри которого утрамбованная дорога спиралью уходила вниз, к озеру на дне. Из мутной воды торчали покосившиеся решетчатые башни непонятного огромного механизма.

Если все это — экспериментальная зона, то функционирует она давно... И кое-какие объекты в ней по неясным причинам забросили.

Мы вылезли из кабины. Витька показал на бетонную смотровую площадку, нависающую над карьером. Мы прошли на нее. Раньше по краю этой площадки тянулись поручни, но сейчас от них остались лишь гнезда в цементной поверхности и штыри.

Я осторожно заглянул вниз и ощутил легкое головокружение — карьер был исполинским. Исполинский котлован. Что здесь добывали? Я быстро отступил — возникло чувство, что площадка качается, и мы сейчас полетим в бездну.

Я вернулся в машину и начал сдавать задом на эту площадку, а Витька махал руками, показывая, сколько мне еще надо проехать, чтобы не сверзиться. Остановившись, я повернул рычаг, и кузов начал подниматься, вываливая мусор в карьер. Когда грохот вываливающихся кусков кафеля и кирпичей затих, я поспешил отъехать от края подальше и только потом повернул рычаг на место, чтобы кузов опустился.

Вылез из машины, подошел к краю и посмотрел вниз. Мусор не долетел до озера, упал на груды всякого хлама на спиральной дороге под нами.

Собственно, мусор не обязательно вываливать именно в карьер, но и делать кучи посреди леса как-то неправильно.

Витька тоже задумчиво смотрел в карьер, словно видел его впервые.

— Пойдем в нашу мастерскую? — предложил он.

— Какую еще мастерскую?

— Ты и ее не помнишь?

— Да сколько можно спрашивать?!

Витька виновато заулыбался.

— Ладно-ладно... Пошли, покажу.

Он весь маслился от радостного предвкушения, как на день рождения, и я смекнул, что ради этой мастерской он и напросился в поездку и пахал в мусорных ямах до седьмого пота. И что раньше мы сюда приезжали часто и занимались чем-то поинтересней возни с мусором и созерцания карьера. Получается, прежний Олесь — тот тип, за которого меня принимают, — был не таким уж нелюдимым, как говорят. Друг у него был малолетний... Предки Витьки вечно цапаются, и он рад свалить из дома.

Мы направились прочь от карьера, прошли между вагонами по узкой тропинке, заросшей высокой травой, и остановились у строения из гофрированного листового железа. Вокруг вырос бурьян выше головы и молодые деревья. Место тут было пониже, чем там, где тянулась дорога к карьере, в дождливую погоду вода протачивала в глинисто-каменистой почве глубокие русла, и растительность чувствовала себя в этом месте куда вольготней.

Я окинул взглядом постройку. Что это, склад? На крыше поблескивал краешек солнечной батареи.

Витька уверенно поднялся по металлической лесенке к входной двери и завозился с кодовым замком. Я сроду не видел такого замка — на нем надо одновременно нажимать кнопки с цифрами и другой рукой двигать короткий рычажок по небольшому лабиринту. Витька справился быстро, что вызвало у меня вопросы, но я решил приберечь их на будущее.

Дверь с протяжным низким звуком раскрылась, и мы вошли в душную и жаркую темноту, которую разрезали пыльные полосы солнечного света из щелей между стенами и потолком. Помещение было пустым. Витька остановился у дальней стены и поднял крышку люка.

Мои глаза приноровились к полумраку, и я разглядел стальные ступени, ведущие в подземелье внутри железобетонной трубы. Витька ухмыльнулся и полез вниз. Я пожал плечами и последовал за ним. Стало любопытно.

Спустились мы метра на три, и подошвы моих берцев уткнулись в твердый пол. Витька ушел куда-то в сторону. Заклацали выключатели, вспыхнули лампы дневного света, озаряя продолговатое помещение, метра два на шесть, с низким потолком. Было прохладно. В дальнем конце бункера закрутил лопастями вентилятор, разгоняя застоявшийся воздух.

Я огляделся и присвистнул.

Справа стояли два стола с тисками, неведомыми станками, сварочным инвентарем, чем-то, похожим на компьютерный планшет и самодельные доспехи, обручем с проводами и прочими предметами непонятного происхождения и назначения. У столов стояли табуретки, сделанные из реек и кусков ДСП.

Слева — полки от пола до потолка, битком набитые мотками разноцветных изолированных проводов, промасленными запчастями от каких-то механизмов, старыми аккумуляторами и прочим б/у хламом вроде болгарки, чугунной решетки для костра и панелей солнечных батарей. Я увидел свернутую брезентовую палатку и зловещего вида мачете; странную штуку, похожую на электрическую пушку из фантастического фильма; два гамака под вентилятором.

А на одной из полок лежали два автомата с запасными магазинами и коробкой патронов. Автоматы старые и потрепанные, но, не исключено, рабочие.

От всего увиденного отвалилась челюсть. Витька, который с удовольствием наблюдал за моим лицом, с довольным видом сказал:

— Умение рыть ямы — один из самых полезных навыков!

Глава 4. Ночные страсти

— Это мы вырыли? — поразился я.

Витька осклабился.

— Да не. Этот схрон давно тут. То ли подпол для продуктов у карьерных работников, то ли другое что. А мы устроили мастерскую, чтобы делать полезные штуки из мусора.

— Зачем?

— Как зачем? — изумился Витька. — Круто же! Мы с тобой мечтали выбраться из Посада! Что в нем хорошего? В Князыград дорога заказана. Ты сам говорил, что жопу лизать Модераторам и Администраторам не будешь, а без этого рейтинг не набрать. Я тоже этого делать не буду.

А ведь он прав...

— И? Мы с тобой решили уйти в Поганое поле?

— Ну да. Собирали все это добро по разным закоулкам, брошенным фермам и Посадам, которые Поле захватило.

Я задумался. Прежний Олесь непрост, как выясняется. И нелюдимый он был, потому что не мог жить как Даша, постоянно быть “ровным” и находить общий язык с такими мерзостями, как крысеныш Модератор.

Я сказал немного насмешливо:

— В Поганом поле одни Уроды живут.

— Не одни, — сразу отозвался Витька. — Вольный люд живет. У нас они называются Отщепенцами. Но как по мне, это мы как раз таки Отщепенцы, а не они...

Я покосился на мальчишку.

— Больно смело ты размышляешь для чипированного...

— А я себе чип сжег. И ты.

— Реально? — поразился я.

Вместо ответа Витька ткнул пальцем на приспособление, напоминающее электрическую пушку.

— Мы ее смастерили из тех запчастей, что нашли в заброшенном заводе за карьером. Ты рассчитал, что она излучает волны, от которых микросхемы сгорают, а мозги — нет. Испытали на себе. Так что мы с тобой вроде бы с одной стороны чипированные, а с другой — нет.

Я поднял брови и сжал челюсти.

Выходит, прежний Олесь сжег чип, и его, очевидно, схватили, заменив мной. Чего Рептилоиды ждут от меня?

Или прежний Олесь сбежал к Отщепенцам (кстати, не жителей ли обычного мира называют Отщепенцами)? Но почему он бросил пацана, своего друга и единомышленника? И почему не забрал весь этот обвес?

— Здесь ничего не пропало? — спросил я.

— В мастерской? Нет.

Наверное, предшественник все-таки не сбежал. Его схватили и упекли куда-то далеко. Или казнили.

Поколебавшись, я сказал:

— Давай еще раз сожжем мой имплант.

Витька удивился:

— Зачем? Это опасно.

— Чтобы глюк кончился, — соврал я.

Витька сомневался недолго, любопытство и желание испробовать пушку по второму разу пересилило. Он посадил меня на табуретку спиной к столу, где стояла пушка, завозился с проводами, подключая аппаратуру. Солнечные панели на крыше давали достаточно электроэнергии, чтобы накапливать ее в аккумуляторах, освещать наше маленькое убежище и питать приборы. Если моего предшественника допрашивали, то он не проговорился насчет мастерской. Или проговорился, но Рептилоиды решили этот схран по каким-то причинам пока что не трогать.

Я не особо боялся, что поджарю мозги — и не из-за заверений Витьки, что все будет ок. Если уловлю хоть малейшую боль, сразу соскочу с табуретки, меня ведь никто не привязывает к ней. После неприятного открытия, что в башке засел чип, не терпелось во что бы то ни стало избавиться от него, пусть с риском для здоровья. Мускулы ног и спины напряглись, я был готов драпать в любой момент. Пушка загудела, зажужжала, в затылке появилось ощущение пощипывания, я почти привстал, когда Витька клацнул выключателем и сказал:

— Все. Ну как?

Я с изумлением обернулся. Пушка перестала жужжать, а в ее ребристом дуле гас красноватый огонек.

— Ничего особенного. В затылке жжет слегонца.

— Ничего не вспомнил?

Я сделал вид, что пытаюсь напрячь память.

— Нет, ничего.

— Вот досада!

Витька и впрямь был раздосадован. Ждал более значительных результатов. Он улегся в гамаке, качнулся, заговорил эмоционально:

— Мочи нет в Посаде жить! Одно и то же каждый день! Я-то надеялся, что ты вспомнишь, когда наш тайный бункер увидишь. Как сам рвался отсюда уехать, вспомнишь. Убраться хоть куда, хоть в Поганое поле к Уродам, хоть к черту на рога, лишь бы отсюда подальше!

Я сидел на табуретке вполоборота к нему, смотрел на него и молчал. Я его понимал отлично, лучше кого бы то ни было в Посаде, а то и целой Вечной Сибири. Витька — человек полезный, но брать его с собой — лишние хлопоты. К тому же это будет натуральный киднеппинг.

Некстати вспомнились истории о том, как с сибирской каторги сбегали матерые каторжники и брали с собой молодых сидельцев — чтобы потом, когда кончатся припасы, сожрать. А что, практично: еда сама себя несет, не портится, еще и помогает. Я жрать Витьку, конечно, не буду и надеюсь, что голодать не придется. На что мне малец?

От моего молчания Витька посмурнел — вероятно, пришел к выводу, что новый я бежать передумал.

— К Отщепенцам примкнем, будем жить на воле... — заговорил он неуверенно.

— Думаешь, у них Посады веселее? — перебил я. — Бараки разной краской покрашены? Закрыхтев, как дед, Витька вылез из гамака и пошел к выходу. По дороге взял со стола

какую-то запчасть и в сердцах зашвырнул в угол.

Загрохотало.

— Ты чего психуешь? — спросил я, когда он начал подниматься по лестнице. — Планы не изменились. Я, может, память и посеял в квесте, но бежать из Вечной Сибири не передумал.

Витька мгновенно вернулся обратно. На лице счастливая улыбка.

— Вот хорошо-то! Когда бежим? Мы этим летом планировали, пока тепло. Зимой будет похуже, грязь, распутица, все дела.

Я почесал затылок, и пальцы снова наткнулись на шрамы под волосами.

— Какого лешего я в квест отправился, раз были такие планы?

— Квесты — это обязателька, — пояснил Витька. — Раз в неделю двенадцать часов для всех без исключений.

— Да? Занятно. На что это Рептилоидам?

— Каким Рептилоидам?

— Неважно... Зачем это Детинцу?

— Это право и обязанность каждого гражданина, — как по бумажке отчеканил Витька. — Каждый гражданин Вечной Сибири имеет право на прохождение квестов. Двенадцать часов в неделю независимо от рейтинга.

— Кончай наизусть шпарить, — буркнул я. — Вас в школе, что ли, зубрить заставляют?

— Ага, в школе... Понимаю, что по бумажке шпарю, но остановиться не могу...

Я фыркнул, встал, принялся ходить по мастерской, поглядывая на пацана. Витька — такая же жертва эксперимента Рептилоидов, как я и прочие обитатели Вечной Сибири, но пытается противостоять системе — в отличие от взрослых, которых поздно перевоспитывать. Я симпатизировал ему все больше, но брать с собой по-прежнему не желал. Вот выберусь я отсюда, а куда пацана девать? Зная наше правосудие, легко вообразить, что меня же и посадят за похищение чужого ребенка. А если его вечно ругающиеся друг с дружкой предки в курсе эксперимента и просто изображают из себя посадских крестьян? Что если они агенты Рептилоидов?

Нет, бежать надо одному.

Внезапно вспомнилось кое-что, и я спросил:

— Слушай, а какая зимой грязь и распутица? Это же Сибирь, тайга! Зимой здесь должны быть морозы до минус пятидесяти и снега по уши!

— Нет тут мороза и снега по уши, — пожал плечами Витька. — Прохладно бывает, мокрый снег, дожди проливные, но тает быстро. Я в 37-м Западном всю жизнь живу.

Я поразился. Вероятно, мы не в Сибири, а где-то южнее. Или Витька вводит меня в заблуждение — возможно, не по своей воле.

Неважно, разберемся позже.

— Так когда все-таки валим? — допытывался малой.

Похоже, ему совсем не жалко бросать родителей. И не беспокоит его, что я бросаю тетю. Мальчишка, что с него взять? А я большой, должен работать думалкой и принимать ответственное решение.

И я его принял.

— Послезавтра, — наврал я. — Подготовимся, еду возьмем и дадим деру.

Пацан просиял, а я прикинул, что сбегу сегодня же ночью. Наберу жрачку из подпола в бараке, весь лут из мастерской — код на замке вагончика я запомнил, память у меня

отменная — и поеду на юг. Рано или поздно выеду на какую-нибудь дорогу или наткнусь на реку, а где вода, там и люди. Что касается чипа в затылке, по которому Рептилоиды могут выследить, то он либо так и не заработал, либо заработал, но ничем мне не помешал, а сейчас и вовсе должен сгореть.

Витька шумно радовался нашему скорому бегству, и я молча ему улыбался.

Вернулись мы в Посад после обеда, судя по солнцу и уровню нагуленного аппетита. Точнее не скажу, часов не было. Витька куда-то убежал по своим пацанячьим делам, а я поспешил в столовую. Пообедавший народ расходился. Среди людей я заметил Григория Павлова, он спросил, прошел ли глюк (этот вопрос набил жуткую оскомину), и выразил надежду, что скоро все-таки пройдет. Я поблагодарил и мысленно посоветовал засунуть свою надежду туда, где свет не светил — ни лунный, ни солнечный. Век бы вас, дорогие мои, не видеть! Если все сложится, как надо, я вернусь к своей прежней жизни.

Есть риск, что Рептилоиды попробуют до меня снова добраться. Их люди наверняка есть среди правоохранительных органов и у власти, но будем решать проблемы по мере возникновения. Зачем заранее башку забивать?

В столовке оставались три мужика и две бабы — все немолодые, с обветренными лицами, потрепанной одежде, источающие крепкий запах навоза и пота. Рядом с ними сидели две маленькие девочки лет восьми. Я поздоровался, на мое приветствие ответили с сочувствующим видом — наверное, все в курсе, что мне память отшибло.

Даша встретила меня, как старого приятеля, выскочила из-за перегородки между столовой и кухней, усадила за свободный стол, смахнула влажной тряпкой крошки. С моим предшественником, небось, так приветлива не была... Собственно, ее отношение ко мне не могло не радовать.

— Как рабочий день? — спросила она.

— Поработал, — сдержанно сообщил я. — Голодный как волк.

Даша подхватила.

— Сейчас принесу тебе...

Вернулась с полным подносом, выложила на стол миску с картофельным супом, чашку с макаронами по-флотски, кусок пирога с курагой на блюде и стакан кефира. Убрала поднос на соседний стол, села рядом.

Один из мужиков, самый молодой, лет сорока, зычным голосом осведомился:

— А чего это ты, Дашенька, нам не приносишь, сами ходим?

— Рожей не вышел, — огрызнулась повариха. — И профессией. Мне мусорщики нравятся, а не овчары.

Мужик усмехнулся.

— Ну-ну! Дело хозяйское...

Я набросился на снесь — мой аппетит не испортил даже запах навоза. Даша прямо-таки любовалась мной.

Уничтожив суп полностью и макароны наполовину, я неожиданно для самого себя спросил:

— Даша, ты хотела бы... уехать?

— Куда? В Князьград? Кто меня туда пустит-то?

— Нет... Вообще из Вечной Сибири.

У меня не было в планах брать ее с собой, решил ведь бежать один, но вдруг охватило

любопытство: что думает Даша о возможности убраться отсюда подальше? Неужели такая жизнь устраивает по-настоящему, а не под действием чипа?

Даша округлила глаза.

— В Поганое поле? Че я, дурная, что ль?

— Там люди живут. Отщепенцы.

— Живут, знаем. И чего хорошего у них?

— А у нас чего хорошего? Рейтинги, Модераторы и камеры с микрофонами в каждом углу?

Даша автоматически оглянулась на засидевшихся односельчан. Я говорил тихо, и Даша ответила еще тише:

— Это для нашей же безопасности!

— А от кого опасность исходит?

— От Поганого поля!

— Разве Отщепенцы и Уроды атакуют Вечную Сиберию?

— Они могут атаковать в любой момент!

Я вздохнул.

— Хоть раз они это делали?

Повариха раздраженно дернула подбородком.

— Вот странный ты после глюка, Олесь! С одной стороны живей стал, общительней, а с другой... глупые вопросы задаешь. Зачем нам ждать, когда они атакуют? Надо защищаться сейчас!

— Чем защищаться-то? Камерами и микрофонами, которые следят за нами же, а не за обитателями Поганого поля? Модераторами, которые вымогают дурь? Как это защитит нас от Отщепенцев?

Даша надула щеки, вознамерившись парировать как-то резко, но в последний момент передумала и примирительно произнесла:

— Модераторы так-то нужны. Среди них есть выродки, не спорю, но они нужны для порядка. Благодаря порядку мы и живем, не впали в анархию и хаос. Тем и сильны. А у Отщепенцев бардак, живут как животные, кто сильнее, тот и ест. Не удивлюсь, если они друг дружку жрут.

Я не стал спрашивать, есть ли у нее доказательства, что Отщепенцы жрут друг дружку. Конечно же, нет. Спросил другое:

— Значит, тебя все устраивает?

— Выбора нет, — развела руками Даша с немного наигранным смирением, в котором чувствовалась толика облегчения: дескать, выбора нет, а значит, нечего трепыхаться. Стоит внушить себе, что выбора нет, проще простого ничего не делать, не возлагать на себя ответственности и жить дальше, плывя по течению, как дерьмо.

— Выбор всегда есть, — прошептал я.

Даша услышала. Улыбнувшись, сказала:

— Ты бы не болтал такого на людях. Мне, правда, такое говорить можно, я своя. А другие не поймут, Модераторам доложат. Глюк глюком, а ответишь по-полной, как здоровый человек без глюков.

Я вышел из столовой и увидел на другой стороне улицы Аню в компании двух упитанных баб. Все трое хохотали над какой-то шуткой.

А ведь им действительно комфортно в этой жизни — сытые, при работе, с крышей над головой, хоть и старой. У них есть какие-никакие гарантии.

А мне чего нейдет?

Свободы не хватает. Пусть она голодная и безработная, а слаще — в разы слаще. Не по душе мне, что за меня все решили: как жить, чем заниматься и как думать.

Извините, но у меня голова на плечах не для того, чтобы шапку носить.

Аня меня углядела, остановилась на секунду, словно намереваясь подойти, но я с улыбкой ей кивнул и пошел быстрым шагом дальше, как бы торопясь по делам. Веселая троица зашагала своей дорогой. Аня, кажется, один раз с недоумением обернулась.

Вряд ли она ждет от меня каких-то шагов после того ночного поцелуя — в наше время не то что поцелуй, и регулярный секс ничего не значит. Впрочем, Аня живет по другим понятиям, так что может воспринимать поцелуй как предложение руки и сердца, кто их знает. Как бы то ни было, она должна понимать, что мы оба были под действием дури, а я ей ничего не обещал.

Мысли перекочевали с Ани на Дашу и прочих посадских. Никто из них, а возможно, и никто из всех жителей Вечной Сибири не желает ехать неизвестно куда, в Поганое поле. Кроме меня и Витьки — да и то насчет пацана непонятно, насколько он вообще осознает, на что идет и что его ждет. Для него это игра, маленький он.

День завершился без приключений. После ужина я погулял вокруг бараков, подышал воздухом. Гарью не воняло — ветер переменял направление и дул прочь от завода. Я то и дело поглядывал на юг, в сторону Поганого поля.

В коридоре барака я без труда отыскал люк в подпол и спустился туда. В обширном подвальном помещении с низким потолком хранились мешки с картошкой, морковь в песке, лук, редька, свекла, соленья-варенья в мутных банках на полках. Осталось их как-то перетащить на мусоровоз.

Витьки весь вечер не наблюдалось, и меня это устраивало, зато его предки вытрясали пыль из половиков и потертых паласов, развесив их на веревках поодаль от барака, привычно переругивались ядовитыми голосами.

Было скучно — ни интернета, ни книг. По словам тети, на асфальтированной улице есть библиотека, но было неохота туда топтать. Охватило возбуждение перед ночной авантюрой.

Нагулявшись, я ушел в гаражи, осмотрел мусоровоз, попинал шины — судя по всему, литые, на мощных амортизаторах, — поставил все тяжеленные батареи на зарядку.

Придумалось, как поступить с едой. Сначала крутилась мысль обратиться за помощью к Даше, но после разговора с ней я передумал. Если она не разделяет моего стремления бежать, значит, пользы от нее не будет. Я возьму садовую тачку на двух колесах, нагрузу овощами и, если получится, приспособлю туда несколько банок с соленьями.

С наступлением ночи часа два я лежал без сна, слушая тихое дыхание и покашливание тети, затем беззвучно поднялся, прокрался на кухню, открыл входную дверь.

— Ты куда? — спросила тетя ясным голосом.

Я вздрогнул и застыл.

— Не спишь. Пойду, погуляю, освежусь.

— А, ладно. Далеко не отходи, не то заблудишься. Темно... И глюк у тебя...

Я промышчал невнятное и выскользнул из квартиры. Стало неловко — она обо мне заботится, а я намерен прямо сейчас ее обокрасть. Я мысленно оборвал сам себя: обокрасть я собираюсь не ее лично, а эту долбанную шарагу, в которой меня держат против воли.

В коридоре прислушался. Не одному ли мне не спится? Мертвая тишина. Я тихонько спустился в подпол, включил слабосильную лампочку, набрал мешок разных овощей, вылез наружу и положил в тачку. Снова спустившись, вытащил второй мешок. Взялся за тачку и выкатил ее из барака.

Пока катил тачку по тропинке к гаражам, прикидывал, что скажу, если меня застукают. Притворюсь лунатиком, который не отдает себе отчета из-за глюка? Если попадетс Модератор, просто вырублю его невидимым ударом тренера Фольца и не буду ломать голову над оправданиями.

Но никто на моем пути не попался. Ночные гуляния в Вечной Сибири не в почете, всю лишнюю энергию люди изливают в квестах, мирно полеживая себе в камерах и никому не мешая.

Я дотащил тачку до гаражей, трясущимися руками распахнул ворота, с трудом загрузил тачку с мешками в кузов и запрыгнул в кабину. Нахлынул страх, что прямо сейчас набегут Модераторы, выдернут меня из-за руля, положат мордой в землю, заломят руки... Однако тишину ночи ничто не нарушало — даже лай собак и уханье сов.

Я включил двигатели, радуясь, что гаражи находятся на значительном расстоянии от барачков и электрические моторы такие негромкие. Панель управления светятся желтоватым светом, фары я не включал, и за лобовым стеклом почти полная темень, в которой горят низкие звезды и два-три окна в дальних бараках. Я аккуратно нажал на педаль газа, мусоровоз сдвинулся с места, под шинами захрустела щебенка.

Оставив гараж распахнутым, я поддал газку и практически вслепую доехал до самого забора, благо на дороге не с чем столкнуться при всем желании. Все шло так гладко, что не верилось. Замок на заборе заглохнул перфокарту и открылся, я выдернул карту и заскочил в мусоровоз. Проявилось желание не запирает ворота так же, как и гараж, но что-то заставило все-таки их запереть — то ли не хотелось откровенно и цинично показывать весь проделанный путь, то ли сработала подспудная ответственность, которая требовала не оставлять хозяйство с распахнутыми дверями.

На территории Поганого поля я врубил фары и прибавил скорость, в полуоткрытое окно задул прохладный ароматный воздух — он пах хвоей и свободой. От езды в ночи и чувства полной свободы настроение поднялось, захотелось запеть или просто заорать во всю глотку, но я воздержался.

Свет фар выхватывал из тьмы две белесые колеи, серо-зеленые космы травы, нависающие над дорогой ветки. Двигатель работал ровно, без перебоев, индикаторы батарей показывали полный заряд. Меня покачивало на сидении, и где-то в груди зародилась уверенность, что все будет чудесно и распрекрасно, что этой же ночью я доберусь до большой трассы и раз и навсегда распрощаюсь с этим идиотским кошмаром.

Без проблем, с ветерком, я домчал до карьера и остановился. Фары оставил включенными. Когда двигатель умолк, навалилась тишина — ни шума ветра в листве, ни голосов животных и птиц, ни звона насекомых, лишь изредка трещали сучья в лесу, словно кто-то крадется. Я сроду не бывал в тайге и понятия не имел, какие звуки издает ночной лес, но здравый смысл подсказывал, что настолько тихо быть не должно. Ведь в Посаде слышать, как ухает сова и поют сверчки...

Тишина давила на психику, действовала на нервы. Стараясь не прислушиваться к неестественной тишине, я проскользнул по узкой тропинке до вагончика из рифленого листового металла, принялся открывать замок, двигая, как Витька, рычажком по лабиринту

щелей, но ничего не получилось. Я вроде бы неплохо запомнил, чем и куда двигать, но замку было на это начихать. Что-то я запомнил неправильно...

Здорово мешала темнота. Я с запозданием понял, что надо было заранее озаботиться хорошим фонарем, свистнуть его где-нибудь в Посаде, но я совершенно позабыл о такой мелочи. Фары светили на вагон, но свет заслоняли густые заросли травы и моя собственная тень. Как я не старался встать боком, светлее не становилось, а копать в замке было страшно неудобно.

Луны не видать — ни малейших признаков. Наверное, новолуние.

По спине пролился холодок — неужто не открою? Что делать в этом случае — возвращаться за Витькой? Да нет, глупости, никуда я не вернусь.

От напряжения перед глазами замельтешили светящиеся мушки. Я поначалу не обратил на них особого внимания, усиленно заморгал, но внезапно мушки оформились в мелкие символы — буквы или цифры. Такое со мной уже случалось, но на сей раз светящиеся знаки получились куда отчетливее. Я перестал с нарастающей нервозностью копать в замке, скосил глаза, пытаюсь прочитать знаки, но они “убежали” вслед за движением глазных яблок. Тогда я, замирая от смешанного чувства страха и изумления, уставился в одну точку и постарался распознать знаки боковым зрением.

Видно было плоховато, но я наострился. Прочитал:

ЗАДАЧА: ОТКРЫТИЕ КОДОВОГО ЗАМКА.

РАЗРЕШИТЬ ПОДКЛЮЧЕНИЕ АРХИВНОЙ ПАМЯТИ.

ДА/НЕТ.

Я отшатнулся от двери с замком, словно буквы появились на стене вагончика, а не на моей собственной сетчатке или роговице. Сердце забило пойманной птицей, ноги ослабли. Что это такое? Чип заработал? Но мы с Витькой его сожгли! Или электрическая пушка, наоборот, активировала имплант?

Воображение молниеносно нарисовало зловещую картину: Рептилоиды на самом деле ни на секунду не теряли меня из виду, “пасли” через чип, это я, дурачок, возомнил, что хитрее и умнее тайной организации, построившей в тайге целое государство. Сейчас они направляют сигналы прямо в мозг, чтобы я поступал так, как нужно им. Я автоматически огляделся, хотя и понимал, что никого не увижу.

Буквы перед глазами побледнели, намекая, что вскорости вовсе пропадут. Провалиться бы этим Рептилоидам, подумал я и прошептал:

— Да...

Надпись тотчас испарилась, вместо нее мягко засветились цифры “84319” и небольшая схема лабиринта, по которой двигалась сияющая точка. Задрожали руки, как у больного паркинсонизмом, но я все же набрал нужную комбинацию цифр и передвинул рычажок в соответствии с предложенной схемой.

Замок клацнул и открылся.

В очередной раз накрыло ощущение нереальности происходящего. И так, что же получается? Чип мне помогает, а Рептилоиды хотят, чтобы я сбежал? Но зачем им было меня сюда помещать?

Я поколебался и мысленно махнул рукой. Какая разница? Главное — выбраться...

Открыл дверь, вошел в вагончик — не разглядишь ни фиги. Перед глазами сноваплыли пятна и знаки, но распознать ни один из них не удалось — слишком они были мутные и неоформленные. Ругаясь сквозь зубы, я наощупь нашел люк, поддел его и поднял. Пока в

полной тьме спускался в мастерскую, в голове вертелась идиотская мысль: вот сейчас загорится свет, а в бункере Димон и прочие Рептилоиды вроде доктора Пономарева поднимают меня на смех...

“Сюрпрайз, мазафака!”

Я нащупал выключатель и сощурился от вспыхнувшего света. В мастерской никого. Я забегал между столами и полками, выбирая, что взять в первую очередь. Придется как следует поработать грузчиком. Я повесил на грудь автомат, проверил предохранитель и магазин (полный!), на пояс приспособил мачете в чехле — на случай нападения кого бы то ни было, на лоб нацепил фонарь — он мигал и временами гас, но в целом светил.

В первую очередь я перетащил наверх палатку, потом оружие и разные инструменты. Все это добро сложил у люка, выбрался из мастерской и в несколько заходов перетащил в кузов мусоровоза.

Работенка оказалась не из простых, под конец пот лил градом. Интересно, как долго мой предшественник вместе с Витьком свозил сюда все эти вещи? Вдвоем им наверняка было проще работать...

Синие буквы и цифры перед глазами исчезли окончательно. В угаре лихорадочной работы я забыл о них, а когда вспомнил, их не было.

Мастерскую я опустошил почти подчистую, оставив ни на что не годный хлам и металлолом, в том числе какую-то гирлянду желтых лампочек. С облегчением запер вагончик на мудреный замок и уселся за руль.

Куда ехать, не представлял. Наверное, поеду по колее, затем надо будет куда-то свернуть, чтобы запутать возможную погоню. Подожду рассвета и при свете дня двину дальше на юг. Рано или поздно наткнусь на нормальную дорогу.

Когда оформился план, появилась и уверенность. Я ехал по неведомым краям и чувствовал, что автомобиль с набитым кузовом катится труднее. Индикаторы батарей, тем не менее, по-прежнему показывали полный заряд. По широкой кривой я объехал карьер и углубился в практически свободную от леса местность с отвалами, траншеями неизвестного предназначения, брошенными вагонами и сломанной техникой. Эта местность тянулась километра три, после чего снова начались лесочки — постепенно они слились в один сплошной лес. Дорога основательно заросла травой-бурьяном, колеи не разглядишь, встречались поваленные стволы, но в общем нетрудно понять, что когда-то здесь пролегал некий тракт. Я надеялся, что не придется таскать тяжеленные поваленные деревья.

Через полчаса лес поредел и превратился в заросшее разнотравьем поле. Судя по всему, раньше здесь были пашни. Фары выдергивали из тьмы стебли высокой травы, которые падали под ударом бампера. Вдали темнели прямоугольные силуэты построек.

Что это у нас? Брошенный Посад? Зачем его бросили — из-за нашествия вымышленных Уродов?

Слева в поле, в пяти-шести метрах от едва различимой обочины, лучи фар упали на высокую человеческую фигуру. Я подпрыгнул от неожиданности на сидении, выпустил на секунду руль, схватился за автомат. Мусоровоз сбавил скорость и покатился чуть правее нужного.

Это было пугало, но сердце долго не унималось от сильного испуга.

Я проехал мимо, но вскоре остановился — страх, облегчение и сомнение, что это все же пугало, а не кто-то еще сплывались в один тяжелый ком в животе, требуя разобраться в ситуации. Нужно было непременно убедиться, что это чучело, а не, скажем, неведомый Урод

Поганого поля. Я включил налобный фонарь, выбрался из кабины и пошел назад. Снова со всех сторон сдавило ненатуральное ночное безмолвие.

Нет, все-таки пугало: лицо сшито из мешковины, глаза — черные дыры, широченный зев рта, стеганая полусгнившая телогрейка и подбитые ватой штаны. Пугало висело на двухметровой металлической треноге и слегка покачивалось, хотя ветра нет, — такое впечатление, словно кто-то его толкнул и скрылся в высоких зарослях.

Стало неудобно, и я поспешил вернуться в машину и тронуться с места. Был самый глухой час ночи. Тишина и непроглядная темнота. Звезды и те будто отделились. Если погаснут фары и мой мигающий фонарик, я окажусь в чернильном осязаемом мраке... Не ожидал, что поездка по ночной тайге — такое криповое занятие. Тихий голосок в голове зашептал сумбурное, предлагал вернуться в родной барак, к тетке в спальню и больше не рыпаться. Рано или поздно Рептилоиды дадут о себе знать и сами вызволят меня, когда завершат все свои извращенные эксперименты.

Я обрубил себя. Глупости. Назвался беглецом, полезай в мусоровоз и газуй!

Дорога снова стала грунтовой, сквозь плотно спрессованную глину и щебень не могла пробиться никакая растительность. Дорожная лента пролежала между заброшенных барачков, гаражей и сараев, многие из которых были полуразрушены. Ни одно окно, само собой, не светило, пустые черные проемы окон напоминали глазницы пугала.

Брошенный посад внушал больший ужас, чем ночная безмолвная тайга. Захотелось ускориться и проскочить это место как можно быстрее. Казалось, здесь и вправду затаилась некая погань, осквернившая человеческое жилье, отчего жить в этих краях стало невозможно.

Я приблизился к узкому проезду между двумя барачками. Один из них был развален почти до основания, остался каменный фундамент и пара бревенчатых стен. Другой сохранил все стены, но лишился крыши. Посреди дороги валялась телега с тремя колесами, четвертое колесо лежало отдельно, в паре метрах. Я ругнулся и остановился — придется расчищать путь.

Снова включил фонарь на лбу и, поеживаясь, пошел к телеге, ярко освещенной фарами. Телега оказалась тяжелой, вросшей в глинистую почву. Поднатужившись, я кое-как откатил телегу к той обочине, где стоял относительно целый барачок.

И увидел в тени за углом барачка пугало на треноге.

Я не так сильно испугался, как в первый раз, но все же изрядно струсил. И изумился — зачем поставили второе пугало не в поле? Смеха ради?

Рассердившись на самого себя из-за трусости, я специально подошел к пугалу, придерживая автомат у груди, сдернул одной рукой ветхие и пыльные ватные штаны. Они сразу свалились, подняв облако пыли, заискрившейся в свете фар, и я увидел человеческий таз и кости ног, обтянутые высохшей темной кожей. Зрелище было настолько неожиданное и неуместное, что до меня не сразу дошла его суть, — некоторое время я тупо пялился на нижнюю часть мертвого человека, замаскированного под пугало. Также не сразу догадался, что это вовсе не второе пугало, а то самое, первое...

Пока я торчал с разинутым ртом, тренога шевельнулась, отчетливо лязгнули многочисленные суставы, а удерживающие скелет и одежду веревки лопнули. “Пугало” с шумом обрушилось на землю. На секунду показалось что-то вроде ржавого цилиндрического нечеловеческого лица, узкого “тела” треноги, вокруг которой завивались черные гофрированные шланги, и тренога отпрянула от света фонаря в темноту.

Я тоже отскочил — да так резво, что шлепнулся на задницу. Подхватился, задом отбежал дальше — сам не знаю, как, — схватил автомат и нажал на спусковой крючок. Оглушительная очередь больно ударила по барабанным перепонкам, пули с резким ядовитым звоном отскочили от треноги, ушли в деревянную стену.

Фонарь на лбу замигал. Я, подвывая от страха, побежал к машине и на полдороге заметил, как из груды кирпичей и досок в центре полуразрушенного барака кто-то лезет, как вылезают длинные бледные руки. Заскочил в кабину, дал задний ход, вывернул баранку, снова переключил рычаг.

Назад, назад, в родную Вечную Сиберию!

Пока разворачивался, свет фар широким полукругом мазнул по окрестностям, выдернул из темноты заросшую лужайку за полуразрушенным бараком. По лужайке брели фигуры голых бледных людей — десятка полтора. С ними что-то было не так: тела кошмарно искажены, движения неестественные. Несколько бледных тварей выбиралось из строительного мусора. Донеслись хрип и завывание, уроды отшатнулись от света, скорчились. За краткий миг, пока фары освещали это причудливое шествие, я успел взглядом ухватить шагающую среди них треногу, похожую на боевую машину марсиан из “Войны миров”.

Это ночной кошмар, подумал я. Но в то же время отчетливо ощущал свое дрожащее тело, слышал хриплый свист в глотке, бешеный стук сердца в груди.

Костюмы, в которые переодеваются люди из Посада, чтобы пугать беглецов? Да ни хрена это не костюмы!

Развернувшись, я помчался назад на максимальной скорости. Перед глазами вспыхнули строки:

СОСТОЯНИЕ ОРГАНИЗМА

УРОВЕНЬ СТРЕССА — КРАСНЫЙ

ВОСПРИЯТИЕ ОПАСНОСТИ — НАИВЫСШЕЕ

РЕКОМЕНДУЕТСЯ УСКОРИТЬ СИНАПС-РЕФЛЕКСЫ

ДА/НЕТ

— Да! — просипел я, вертя руль, чтобы вписаться в зигзагообразную колею и не вылететь на обочину.

Внезапно мир вокруг замедлился, воздух стал тягучим, вязким, сопротивляющимся, а звуки низкими — двигатель гудел на октаву ниже, бурчал что-то басом, ветер в открытом окне не свистел больше, а утробно шипел. Я вписывался во все повороты с невообразимой скоростью и ловкостью. В зеркале заднего вида в свете задних габаритных огней бледное полчище словно бы застыло на месте, еле передвигая ноги.

Я пролетел по лесному тоннелю, выехал на пустынную площадку вокруг карьера, обогнул его. Машину занесло на повороте, но я успел вырулить в сторону заноса и удержал мусоровоз на колесах. В гудении двигателя проявились нотки надрывности, индикатор одной батареи упал на четверть.

Когда я въехал в лесок, надпись на моем виртуальном экране уведомила:

УСКОРЕННЫЙ РЕЖИМ БУДЕТ ВЫКЛЮЧЕН ЧЕРЕЗ 5... 4... 3...

Тягучесть воздуха и низкие обертоны всех звуков рывком пропали, зато машина как бы ускорила — оказалось, что я еду в разы быстрее, чем казалось раньше. Я растерялся и, не успев перестроиться, потерял управление. Машину опять занесло, высокие стебли травы ударили по лобовому стеклу, колеса подскочили на ухабах, машину понесло в овраг. Я

вцепился мертвой хваткой в руль, но сильнейший рывок вырвал его из моих онемевших пальцев. Я ударился обо что-то твердое теменем и потерял сознание.

Сознание вернулось вместе с тянущей противной болью в черепе. Я открыл глаза и сморщился от света — рассветало, за лобовым стеклом качались стебли. Тишина, двигатель молчит, панель не светится. Я зашевелился, ощупал себя — руки-ноги вроде целые, переломов нет, но тело покрыто мокрым потом, аж одежда промокла.

Минут пять, если не дольше, я приходил в себя, попутно пытаюсь понять, куда меня занесло. Слева пологий склон, справа густой лес. Раннее утро — я провалился в обмороке не меньше часа.

Вспомнились бледные твари и шагающая тренога, и я быстро огляделся — никого. Закружилась голова, но головокружение скоро прошло. Надеюсь, обойдется без сотрясения мозга...

На груди по-прежнему висел автомат. Я подумал: а что если я ударился головой, и мне все примерещилось?

Нет — все было по-настоящему. Я не из тех, кто путает реальность и фантазии.

Вылез из машины. Лес был темным, а небо — насыщенного синего цвета. Солнца нет, хотя достаточно светло. Прохладно. По колено, а иногда и по пояс в траве я обошел мусоровоз в поисках повреждений.

Внешне машина была в полном порядке. Я снова забрался в кабину и попытался включить двигатель, вынимая и возвращая в щель карту — бесполезно. Где-то имелось повреждение.

Или аккумуляторы сдохли?

Я открыл капот — дверку сразу под лобовухой. У мусоровоза капот не выпирает из кабины. За дверкой взору открылась мешанина больших плат и проводов, без намеков на двигатель. Я раскинул мозгами — похоже, у каждого колеса машины свой мотор, а в капоте находятся процессор и распределитель электричества.

Перед глазами возникла надпись:

РАЗРЕШИТЬ ПОДКЛЮЧЕНИЕ АРХИВНОЙ ПАМЯТИ
ДА/НЕТ

“Да”, — мысленно проговорил я, и поверх проводов, на которые я пялился, пролегли светящиеся синие линии. В одном месте линии пульсировали оранжевым. Я полез в провода, отодвинул неведомую пластину и увидел оторвавшийся провод. Найдя в кабине разводной ключ, с трудом открутил промасленный болт, обмотал вокруг него оголенную часть провода и снова затянул болт. Оранжевая линия погасла, остались синие.

Я принялся прилаживать пластину на место и заметил на ее обратной стороне выгравированные слова.

СДЕЛАНО В РЕСПУБЛИКЕ РОСС

Ниже нацарапано от руки:

ПОГАННОЕ ПОЛЕ — НЕ ВЕСЬ МИР

Это мой предшественник начертал? Он тоже подозревал, что Поганое поле не покрывает весь мир, как считается в Вечной Сибири?

Посетила нехорошая догадка, что я повторяю путь моего предшественника...

Чем он закончил? Жив ли вообще?

Жители Вечной Сибири ошибаются не во всем — Поганое поле на самом деле

населено Уродами и живыми пугалами. Сейчас, при свете нарождающегося дня, события ночи представлялись далеким ночным кошмаром. Стал ли я жертвой очень детальной иллюзии, инициированной чипом?

Я сел за руль, включил двигатель — точнее, двигатели, — и они послушно заурчали. Панель осветилась, индикаторы батарей показывали низкий заряд. Наверное, заряд израсходовался быстрее обычного из-за той гонки, что я устроил ночью. Я осторожно вырулил из оврага по пологому склону, выбрался на дорогу и поехал обратно, в родные, так сказать, пенаты.

Чувствовал я себя сильно не в своей тарелке. Но ехать в дебри Поганого поля не было желания однозначно. Надо все обдумать, обсудить с Витькой. Передвигаться одному по этой неизвестной территории неразумно. Витька нужен позарез.

Ехал медленно, чтобы не разряжать преждевременно батареи, но на каждый ухаб голова реагировала приступом боли. Когда подъезжал к воротам, головная боль почти прошла, зато настроение упало ниже плинтуса. Я проехал на территорию Посада и успел запереть ворота, когда подкатили две машины с четырьмя Модераторами. Они выскочили из тачек, точно спецназ, — все вооружены длинноствольными пистолетами, мне в жизни такие не встречались.

Вперед вышел знакомый крысеньш.

— Возвращение блудного сына! Обнял бы тебя, да твой автомат мешает. Сними его и положи на землю, живо!

В памяти всплыли слова Даши:

“Рано или поздно он тебе отомстит. Да и не только тебе, всем нам. Даже скорее рано, чем поздно”.

Вот и добрался.

Под прицелом пушек Модераторов я послушно снял оружие и положил на утрамбованную землю.

— Ночью выезжать за пределы Вечной Сибири непозволительно, — заявил Модератор. — Это прямое нарушение закона нашей страны. Не знаю, что ты там потерял и насколько виноват твой глюк — в любом случае это нарушение непреложного закона. Поэтому — добро пожаловать в карцер.

Глава 5. В плену и на свободе

Штаб-квартира Модераторов располагалась в одном из каменных зданий на асфальтовой улице — сравнительно неплохо сохранившемся, но все же довольно старом и потрепанном. Над входным порталом выпирала мраморная плита с барельефом солнца и луны и портретом пожилого человека с аскетическим суровым лицом под ним. Портрет смахивал на икону — лик обращен прямо вперед, одна рука приподнята, ладонь сложена горстью, будто человек держит что-то невидимое. Вокруг головы идущие полукругом слова “Вечная Сибиря воистину вечна” — создается впечатление, что это нимб.

Конвой из двух незнакомых Модераторов препроводил меня по лестнице вниз, на цокольный этаж, затем по длинному безликому и плохо освещенному коридору в одно из помещений за толстой гулкой железной дверью.

Помещение — собственно, карцер — было тесным, как кладовка, с унитазом, утопленным в кафельный пол, раковиной, деревянной койкой и узким — кошка не пролезет — окошком под самым потолком. Сквозь небрежно покрашенное стекло ничего не разглядишь, кроме тусклого свечения. Меня втокнули и с грохотом заперли внушительную дверь.

Мачете отобрали у ворот на границе Посада — так же, как и автомат. Мусоровоз заставили откатить до гаражей и поставить на место. Перфокарта осталась в щели на приборной панели. Я успел поставить батареи на зарядку — не верилось, что в ближайшее время сюда не вернусь, — после чего меня грубо запихнули в одну из машин Модераторов.

Я долго стоял посреди карцера, ссутулившись, с повисшими, как плети, руками, а в голове беспорядочно вертелись разные мысли. Что со мной будет? Что будет с тем добром, которое я запихал в кузов мусоровоза? Выйдут ли Модераторы на Витьку и нашу мастерскую?

Примерно через полчаса, когда я наконец сел на лавку, в двери с лязгом распахнулась щель, и в ней возникла крысиная мордочка Модератора.

— Ну как, обустроился, Панов? Слышал я про твой глюк, но это тебя не извиняет. Ведешь себя агрессивно, ночью чего-то в Поганом поле забыл. Не с Отщепенцами ли разговор держишь? Ну ничего, мы тебя еще допросим. Посидишь годик, и на каторгу в северные шахты! Власть оскорблять нельзя, иначе будет бардак.

Захихикав, Модератор захлопнул щель, донесли удаляющиеся шаги.

И опять я был во власти чувства нереальности происходящего. Вот я сижу в карцере с “прекрасными” перспективами попасть на пожизненную каторгу. И за что? За то, что смотался в Поганое поле и столкнулся с чем-то труднообъяснимым и ни в какие рамки не уместяющимся. Мутанты, трехногие роботы со скелетами в наряде пугала и мой виртуальный интерфейс, который запускает ускоренный режим.

Попытался найти хоть какое-то рациональное объяснение. Нашлись сразу два.

Первый: Уроды — это мутанты, выведенные Рептилоидами для их придурочных целей, тренога — робот с программой, скажем, наблюдения и контроля над Уродами. А мой интерфейс — проявившийся функционал чипа, сжечь который самопальным гаджетом не удалось.

Второй: меня тупо развели, все увиденное — наведенная иллюзия, единственная

реальность — застрявший в мозгах субклеточный когнитивный нейромодулятор, который и показывает картинки с Уродами, треногами и, возможно, целым Посадом со всеми обитателями. Не исключено, что я по-прежнему плаваю в слизи в камере и вижу цифровые сны, как Нео...

Если верна вторая гипотеза, то у меня нет никакой возможности вырваться из иллюзии и вообще понять, что это иллюзия. Где-то читал подробную статью, где автор доказывал, что если ты находишься в иллюзии, то средствами этой же иллюзии невозможно доказать, реален мир или нет.

Поэтому сосредоточусь-ка я на первой гипотезе: мир реален, как и реальны все мои проблемы.

Начнем с субклеточного когнитивного нейромодулятора. Субклеточный — значит, имеющий масштабы меньше клеток или созданный из клеточных органелл, что само по себе круто, потому что это запредельные технологии. Когнитивный — это вроде бы относящийся к умственным процессам, мышлению и познанию. Нейромодулятор — устройство, меняющее, судя по всему, параметры нейронных импульсов.

В общем и целом, пользы от этого разбора терминов мало, но понятно, что в голове у меня не просто чип в виде железки, который можно сжечь электромагнитным полем, а сам мой мозг — частично или целиком — изменен на субклеточном уровне...

Кошмар. Я оперся спиной о холодную стенку и вытер выступивший пот. Выходит, мой чип пинцетом не выковырять! Нет никакого железа, которое будет пищать в рамках в аэропорту, мои извилины и есть это “железо”, а вот что за софт установлен, остается гадать.

Есть апгрейд моего организма, есть некая “архивная память” и опция ускорения реакций. И самое хреновое — то, что я не представляю, как управлять апгрейдом и запускать проги.

Да, айтишник с маленьким стажем сам стал киборгом без инструкции... Мне бы самому понадобился айтишник. Или какой-нибудь задрипанный мануал.

Необычно то, что чип помогает избегать опасности и как бы не против моего желания дать деру из Вечной Сибири, пропади она пропадом. Любопытно, отчего он включился? Из-за опасности и подскочившего в крови уровня адреналина или его инициировали дистанционно? Хорошо бы от опасности, не улыбается мне быть марионеткой на дистанционном управлении.

Ладно, фиг с ним, этим чипом. Порассуждаем о других вещах. Что за Республика Росс? Рептилоидам мало было замутить Вечную Сиберию, они еще и какую-то республику создали? Зачем? Это какие ресурсы надо подключить? И как такие глобальные проекты проворачиваются совершенно скрытно?

Если они настолько могущественны, эти Рептилоиды, то вряд ли я от них сбегу. Не стоит и трепыхаться. Я снова утер пот и выдохнул. Вот это я встрял!

Закрыв глаза и сидел долго, аж соскучился. Ждал, что появятся цифры и буквы и интерфейс моего апгрейда подскажет, как быть. Но интерфейс не появлялся. Наверное, в моей крови недостаточно адреналина, а сидение в карцере не считается опасностью. Сейчас я обыкновенный человек, каковым и являлся двадцать два года, к тому же ужасно голодный — желудок слипся и жалобно ворчал под ложечкой.

Если Рептилоиды возложили на меня миссию, то почему бы просто не объяснить правила игры? Может, я должен набирать рейтинг, чтобы уехать в Князьград? Или прикладывать все силы, чтобы выбраться через Поганое поле в обычный мир и выбить зубы

Димону?

Но мне как раз таки все объяснили — и про рейтинг, и про поле, и Модераторов. Надо было слушать, а не возникать; мотать на ус, не высовываться, набирать рейтинг и притворяться мусорщиком Олесем. А дальше появились бы возможности — к примеру, уехать в Князьград или не спеша подготовиться к марш-броску через Поганое поле.

Как вел себя мой предшественник? Он был хмур и нелюдим — то есть демонстрировал свое неудовольствие, что проживает в этом сомнительном раю. Вероятно, нет-нет и болтал что-нибудь, что окружающие запоминали и докладывали куда надо. Витьку не тронули — решили, что салага, что с него взять? Предшественника убрали и заменили мной. Чтобы что? Чтобы я разработал другую стратегию?

Внезапно озарило: мой предшественник — такой же “везучий попаданец”, как и я, просто он попал сюда раньше меня. Он пытался сбежать, ходил с кислой миной и ни с кем не общался, кроме неведомой Кати, которая, вильнув хвостом, умчалась в Князьград при первой okazji.

Как она набрала нужный рейтинг? Насколько я понял, это непростая задача. Как вообще набирают рейтинги? Надо было уточнить это в разговоре с Аней и Дашей...

Я все размышлял и размышлял, а за окном между тем потихоньку темнело. В карцере я не нашел выключателя, да и ничего похожего на лампу, поэтому приходилось сидеть в темноте. Я тешил себя надеждой, что явится Даша или тетя — или в окошко постучит Витька с планом побега, но в гости никто не приходил. Некому меня спасти. Я наездился и набегался, пришла пора сидеть и не дергаться.

Не знаю, в каком часу — было темно, — за дверью затопали, открылась щель, сквозь нее пролился желтоватый свет из коридора. Я подскочил возбужденный — сейчас меня переведут или освободят! — но это охранник принес еду: похлебка непонятно из чего и кусок хлеба. Не черствого, а нормального, белого. В похлебке плавал то ли рис, то ли разваренное пшено (успел увидеть, пока щель не захлопнулась), и было что-то по вкусу напоминающее морковь, лук и приправу. Ну что ж, недурно. Моя пища на весь оставшийся год. А то и на всю жизнь.

Я ел и ужасно себя жалел, чуть слезу не пустил. Стало так плохо, что хоть вой и бейся лбом о стену. Я ел жадно, с волчьим аппетитом, шмыгая носом. Поев, попил из-под крана, потому что никаких напитков к трапезе не прилагалось.

Положив поднос на пол у двери, я лег на лавку и неожиданно крепко уснул. Накануне не спал всю ночь, разве что валялся в отключке в кабине мусоровоза, вот и вырубился, несмотря на жесткость “перины”.

Разбудили меня грубым тычком в бок. Я подхватился, разлепил глаза и увидел нависших надо мной двух Модераторов с продолговатыми пистолетами.

— Вставай! — рявкнул один. — Пошли!

— Куда? На казнь? — невпопад ляпнул я.

Модераторы хохотнули.

— Типа того. А ну шевелись!

Я зашевелился, встал и пошел за ними. Пока шли по коридору, я обратил внимание, что в отличие от вчерашнего дня конвоиры не топают сзади, а идут рядом, за оружие не хватаются. Что бы это значило? Меня привели на первый этаж, в просторное помещение, обшитое лакированным деревом, с длинным столом и приличными стульями — я таких

здесь еще не видывал. На стене напротив двери, выше окон, висела “икона” с суровым мужчиной и Знаками над его головой.

В кресле у торца стола восседал полный пожилой человек в белой робе с нашивками на плечах в виде светящейся буквы “А”. Сбоку стоял Модератор-крысеньш, в высшей степени злой. Я остановился перед столом, мои спутники синхронно протянули к иконе ладони, собранные в горсть, притронулись ко лбу.

Белый старик пару секунд с любопытством и без неприязни рассматривал меня. Насмотревшись, сказал:

— Я — Администратор Посадов с 22-го по 37-й. Сегодня мы получили высочайшее указание...

Он тоже протянул руку к иконе, остальные повторили его движение — в этом рвении было что-то фанатично-религиозное. Я не стал выделяться, протянул руку и шлепнул себя по лбу. Затеплилась смутная надежда.

Админ продолжал:

— ...от Председателя Вечной Сибири об амнистии водворенных в карцер по причинам нарушения порядка и закона кроме убийства и необратимого разрушения имущества Вечной Сибири. Повезло тебе, парень.

Он мельком глянул на крысеньша.

— Мне докладывают, что ты крайне опасный тип.

И усмехнулся.

У крысеньша перекосилась рожа, усики встали дыбом.

— Он ночью выезжал в Поганое поле... — зашипел он.

— Зачем ты ночью выезжал в поле? — поинтересовался Админ у меня.

Я откашлялся и глухо проговорил:

— Это из-за глюка... Память потерял, ночью вскочил, подумал, что на работу опоздал, поехал. По дороге понял, что еще рано, и вернулся. Тут меня и схватили.

Администратор задумчиво смотрел на меня, толстое лицо лучилось пониманием и состраданием. Я, конечно же, не верил, что он и вправду сочувствует — просто играет давно выученную роль. Изучает меня, оценивает и прикидывает, вру я или нет.

Наконец он пришел к заключению:

— Ясно. Глюки, как и дерьмо, случаются. Что ж, желаю выздоровления.

И потерял ко мне интерес.

— Спасибо, — пробормотал я.

— Благодарю Председателя.

Я почти с искренней ретивостью совершил сакральный жест. Затем, чувствуя себя оглушенным и окрыленным одновременно, повернулся и вышел из кабинета. Модераторы за мной не последовали. Я шагал по коридору и все ждал насмешливого окрика — дескать, а ты куда собрался, неужели поверил, что мы тебя отпускаем? Но нет, окрика не последовало, и я благополучно, плохо веря в случившееся, вышел из здания.

Было раннее утро, солнце поднималось над стеной леса далеко на востоке, по асфальтовой улице брели несколько детишек и пара взрослых. Я пошел куда глаза глядят, до сих пор не веря в такую неслыханную удачу. Казалось, что меня разыгрывают, как главного героя в фильме “Шоу Трумана”. Припугнули, вернули на место и ждут моих дальнейших действий.

— Ты куда пропал?

Я остановился, уставился на Витьку, который выскочил как из-под земли.

— Привет, — произнес я, лихорадочно прикидывая, что сказать дальше.

Я собирался его бросить, и на это есть резоны, но как их донести самому Витьке? Как объяснить, что не нужна мне никакая лишняя ответственность и лишние проблемы, я просто хочу домой. — Меня Модератор арестовал...

Витькины глаза округлились.

— За что?

— За то, что с ним пререкался, — почти не соврал я.

Пацан кивнул, поджав губы.

— С них станется. Злопамятные, сволочи, и мелочные.

Некоторое время шли молча. Я иногда оглядывался, но Модераторов поблизости не было. Человека запугать легко — надо на одну ночь посадить его в карцер, накормить баландой и внушить, что это на всю жизнь. А потом, самодовольно усмехаясь, отпустить — после этого человек действительно на всю жизнь запомнит маленькое приключение.

Деловито заговорил, понизив голос до шепота, Витька:

— Когда валим?

— Я вспомнил, — соврал я, — в Поганом поле полно Уродов и всяких железных существ...

— Вспомнил?! — обрадовался Витька. — Ну да, Уроды, Лего и много кто еще.

— Лего?

— Не знаю, откуда это слово пошло. Так называют тех поганых тварей, что своих тел не имеют и лепят их из всякого хлама.

Я нахмурился. Значит, не привиделось, треноги существуют в реальности, это сверхъестественные существа и очень опасные. Если отбросить идею, что мне мерещится вообще все — в том числе Витька, рассказывающий о Лего...

— Как мы с тобой планировали пересечь Поганое поле? — спросил я. — И Отщепенцев найти?

— А это ты не вспомнил? — разочарованно протянул Витька. — Уроды, Лего и прочая погань только в темноте опасна. Днем они в спячке, света солнечного боятся. И не только солнечного, любого яркого.

Я вспомнил, как от слабого света налобного фонарика шарахнулась прочь тренога и корежило бледных Уродов.

— Как выжить в поле ночью?

— Ночью световой круг нужно закладывать. Фонари вокруг места стоянки с датчиками движения. Если кто шевельнется, сразу вспыхивает свет.

Гирлянда лампочек, которые я счел бесполезными, благополучно осталась в бункере-мастерской. Мда, без Витьки никуда не деться. Придется его взять с собой, для собственного же выживания.

— Свет не привлечет остальных?

— Пусть привлекаются, — безмятежно сказал Витька. — Утро наступит, всех разгонит. Они тупые, не понимают ничего.

Я задумался. Каково спать в круге из фонарей с датчиками движения, когда свет вспыхивает при любом шевелении подкрадывающейся мерзкой твари? А на животных, каждого встречного-поперечного кролика и ежа, фонари тоже будут реагировать? Хотя нет — в лесу не водится зверье, их распугала ночная погань.

Ничего, привыкнем. Витька вон спокоен. Мой предшественник все это знал и все равно готовился перейти поле, где как-то живут Отщепенцы. И я справлюсь.

— Ну так когда валим? — вернулся к основному вопросу Витька.

— Сегодня, — твердо ответил я. — Прямо сейчас. Мне крупно повезло с этой амнистией, до сих пор не верится. Больше везти не будет.

Когда мы приближались к нашему бараку, навстречу выскочила тетя. Взлохмаченная, возбужденно-радостная, с воспаленными глазами.

— Слава Вечной Сибири, жив-здоров! Куда ты пропал, Олесь? Я вторые сутки не сплю, тебя ищу, всех спрашиваю, а никто не знает...

Я неловко замялся. Как она будет спать, когда я пропаду без вести навеки? Сам же ответил на мысленный вопрос: преотлично будет спать, потому что меня заменят новым Олесем так же, как мной заменили предшественника. И ничегошеньки она не заметит, так что переживать не о чем, нет повода испытывать угрызения совести. И вообще на будущее — надо гнать такие рефлексивные мысли, пользы от них никакого. Нельзя забывать об основной цели: вернуться домой. Я ничего не должен этим людям, которых знать не знал до недавнего времени, и неважно, как трепетно они ко мне относятся. Нельзя привыкать к этим несчастным лабораторным мышам.

Вот Витька полезен, это другое дело, его нужно взять с собой. И этим я принесу горе и его семью — ведь хоть они и лаются, а по-своему наверняка его любят. Впрочем, Витьку Рептилоиды тоже заменят, наверное.

Я рассказал тете, как меня арестовали и держали в карцере за грубость с Модератором, а потом отпустили по амнистии Председателя.

— Будь славен наш Председатель! — горячо проговорила тетя, делая сакральный жест несколько раз подряд.

Немного успокоившись, тетя Вера зыркнула на Витька, который прошел чуть вперед и нас, судя по всему, не слушал.

— Ты той ночью вышел и не вернулся... — сказала она. — Что случилось, где ты был?

Сказать ей правду?

А если сдаст?

Я видел кино, где люди доносили на главного героя ради него же, как им представлялось. Стучали из любви, так сказать, беспокоясь, что их любимый человек пошел по кривой дорожке, и надеясь, что соответствующие органы вправят мозги. В итоге органы вправляли мозги — на каторге или плахе.

Нет силы в правде...

— У Аньки, — бухнул я.

Вера помрачнела, затвердела лицом.

— Вот прощандовка! А мне клялась, что не знает, где ты! Ну я ей!

Я поспешно сказал:

— Тетя, не надо ее ругать! Вообще не надо ей ничего говорить, договорились? Она молчала, потому что я ее попросил.

Тетя заколебалась.

— Ладно... Уметь держать язык за зубами — прекрасное качество...

Уф, подумалось мне, пронесло.

— Кушать будешь? — осведомилась тетя.

Я страшно хотел жрать, но вспомнил, что обворовал подпол. Тетя ползет за едой, и возникнет масса неудобных вопросов. Если, конечно, кто-то из соседей уже не обнаружил пропажу запасов.

— Меня кормили. На работу пора, рейтинг улучшать. Я сейчас на заметке, сама понимаешь. После поем.

— Как знаешь.

Тетя, успокоенная, удалилась, и мы с Витькой помчались к гаражам. Пока подходили к мусоровозу, я холодел — что если Модераторы добрались до содержимого кузова? Они найдут оружие, и тогда никакая неожиданная амнистия не поможет, можно не сомневаться... Я быстро заглянул в кабину — перфокарта на месте, — обошел машину, но Витька опередил и первым заглянул в кузов. Не представляю, зачем это ему понадобилось. Наверное, по привычке проверил.

У пацана отвалилась челюсть.

— Тут наши вещи из мастерской!

Итак, пора объясниться.

Нет силы в правде, но и во лжи тоже. Где она, сила?

— Это я загрузил, — вздохнув, сказал я.

— Ты загрузил? Когда? Зачем?

— Вчера ночью.

По глазам Витьки было заметно, как он стремительно шевелит извилинами.

— Ты хотел бежать один! — догадался он. — Вот ты крыса!

— Это глюк... — начал я, но Витька перебил:

— Это не глюк, это ты говнюк!

Рифмоплет хренов...

Я разозлился:

— Эй! Я тебя вообще не помню! Врубаетесь, нет? Ты для меня новый знакомый, как и тетя, как и Аня с Дашей, как и вся, мать ее, Вечная Сибирия! И вообще, не было никакого глюка, я — другой человек, не тот, которого вы все знали. Это вам, чипированным, промыли мозги, что я — ваш старый знакомый, которого вы всю жизнь знаете, а у меня была совсем другая жизнь! Так что идите вы в жопу, я вас не знаю и ничего вам не должен! У тебя лично, Витька, нет никакого морального права что-то такое мне предъявлять!

Речь произвела впечатление. Витька выглядел ошарашенным и сбитым с толку. Иногда, подумал я, не поорешь — люди не поймут. Обязательно нужно разыгрывать шекспировские страсти, чтобы тебя наконец услышали. Если бы я тихо, вежливо и занудно объяснял ситуацию, сколько понадобилось бы времени? И получилось бы что-нибудь в принципе?

После короткой паузы Витька спросил:

— Почему сейчас со мной едешь? Ночью Уродов увидал, испугался и понял, что один не справишься?

Догадливый, мелкий засранец!

Я честно ответил:

— Да.

У Витьки был удовлетворенный вид.

— Добро. Поехали!

Он энергично запрыгнул в кабину. Я установил в гнезда заряженные батареи, сел на руль, недовольно и ворчливо спросил:

— А ты че такой довольный?

— Раз ты понял, что без меня не можешь, больше не бросишь. Когда люди друг другу полезны, у них здоровые отношения.

Хмыкнув, я предположил:

— Где-то вычитал такое?

— И вычитал, и сам дошел. Вот мои родители... — Витька запнулся. — Они поздно поженились. Оба до двадцати пяти ходили холостые, и тогда по закону их женил местный Администратор.

— Да ну? — поразился я.

— Ага. После двадцати пяти надо быть женатым или замужней, это закон.

Я пробурчал под нос:

— У меня еще три года форы есть...

— Они друг с дружкой не хотели жить, — продолжал Витька. — Но закон есть закон. И ребенка они не хотели, их меня родить заставили. Тоже по закону. Или рожай, или на лечение. Если доктор докажет, что рожать они могут, но не хотят, тогда на...

— Каторгу, — договорил я, и Витька кивнул.

Весело, что и говорить.

Я выехал из гаража и остановился. Витька не спешил вылезать и запирает ворота.

— Откуда знаешь эти подробности? — спросил я.

— Они мне сами говорили.

— Наверное, сгоряча сболтнули?

— Ага, раз пятьдесят сгоряча?

Я вздохнул. Витька переживать о родителях не будет. И они, скорее всего, о нем тоже. Свинское отношение к единственному ребенку, пусть и нежеланному. Со временем нормальные люди привыкли бы к ребенку и полюбили его, но в данном случае речь, видимо, идет о редкостных выродках.

— Закрывать гараж будешь? — спросил я.

— А зачем?

— Действительно, зачем?

Я надавил на газ. Мы покатали по грунтовке вокруг холма с беседкой на вершине.

Из-за поворота выехал широкий комбайн с мотовилом впереди, наклонной трубой измельчителя соломы сбоку и почему-то ковшом экскаватора позади — суставчатая лапа торчала над бункером для зерна. Механический гибрид перегородил путь — ни объехать, ни проехать. В крохотной кабинке виднелась женская фигура в белом платке и сером комбинезоне. Женщина распахнула дверку и полезла наружу по металлической лесенке.

— Вот блин, — вырвалось у меня.

— Ты че, до сих пор со своими бабами не разобрался? — любопытствовал Витька.

— Цыц, шпана! — огрызнулся я.

Выпрыгнул из мусоровоза и пошел навстречу Ане.

Пока шел, думал: наврать что-нибудь или сказать правду?

Аня не дала додумать.

— Сбегаешь в Поганое поле? — спросила она насмешливо. — Да еще и с мелким?

— Да, сбегаю, — сказал я. — А мелкого не заставляю.

Буду говорить правду!

Аня помолчала, щурясь на солнце и глядя то на меня, то на Витьку в кабине машины.

Она была непривычно серьезна — я-то привык, что она вечно смеется и балагурит.

Наконец она сказала:

— Такое иногда бывает. Люди уходят из Вечной Сибири в Поганое поле. Этих людей называют Отщепенцами. Живут с поганью по соседству, если их Уроды не съедят.

Я невольно поежился и промолчал.

— Если человеку не хочется жить нормальной жизнью, его никакими силами не удержишь, — сказала Аня. — Поэтому и погони за вами не будет. Просто назад вас не пустят никогда. Когда границу пересечете, станете чужими, жителями Поганого поля. Пожелаете вернуться, а не сможете. Жалко, ты мне понравился после глюка.

Ветер растрепал мне волосы, я их зачесал в сторону пятерней. Проговорил:

— Прощай, Аня.

— Прощай, Олесь.

Она-таки улыбнулась, но улыбка вышла кисловатая. Она будто поставила на мне крест и была по этому поводу не слишком рада. Повернулась и пошла к комбайну. Гибрид заурчал, развернулся и съехал с дороги на обочину. Я заскочил в свою машину и поехал дальше. Больше не оборачивался. Витька деликатно помалкивал.

Когда доехали до ворот, я отпер замок. Поблизости не было ни души — нам и впрямь никто не мешал уезжать. Я проехал за забор и запер ворота. Усевшись за руль, поглядел вперед, на лесистую безлюдную местность, где по ночам царит inferнальная вакханалия, и сказал Витьке:

— Аня говорит, что те, кто сбежал из ВС, больше не смогут вернуться.

— Ну да, — сказал мальчишка. — Теперь мы — Отщепенцы.

По мере приближения к карьере меня охватило сильнейшее беспокойство — скоро проезжать заброшенный Посад. Я был, что называется, на измене. И хотя знал, что Уроды активны только в темноте, было страшно так, что и не передать.

Вместе с Витькой мы выгребли то, что я оставил позапрошлой ночью, в том числе жизненно необходимые лампы и некоторые запчасти, которые смахивали на сущий хлам.

— Вот скажи мне: на фига этот мусор?

— В этой мастерской мусора нет, — Витька нравоучительно помахал пальцем. — Мусора вообще в природе не существует — мусор есть только в башке у людей. Из-за этого они и считают некоторые вещи мусором, а на самом деле любая штука приспособляется при желании для полезных целей. Это ты говорил. Все зависит от точки зрения.

— Какой я был умный... — пробормотал я, засовывая не-мусор в кузов.

— Да, после глюка ты здорово поглупел.

Пора умнеть, добавил я про себя, иначе не выживу...

Вычистили мастерскую дочиста, забрали даже гамаки и полки, заперли ее и двинулись дальше.

Дневной свет преобразил местность, сделал обыденной, не страшной и таинственной, как ночью, а скучно-банальной. Обычный редкий лес, перемежающийся свободными от деревьев проплешинами, обычная заросшая дорога, небольшие холмы и одичавшие пашни. Я не узнавал местность — ночью мир совсем другой.

Вот мы очутились на территории заброшенного Посада с развалившимися от времени и непогоды бараками, деревянными колодцами, вросшими в землю огромными покрышками от комбайнов и приснопамятной телегой, которую я лично тащил ночью с дороги в сторону.

Я с опаской посмотрел на груды хлама, откуда вылезали Уроды, и мысленно поправил себя: это не хлам, для Уродов это дом родной.

Пугала или Пугал нигде нет, Уродов тоже. Казалось, что за нами кто-то наблюдает, но, очевидно, это мерещилось с перепугу.

Небо справа, то есть с запада, заволакивало сизыми тучами, подул пахнувший дождем ветер, вдали загромыхал гром.

— Хреново, — сказал Витька.

— Почему?

— Гроза идет. Когда гроза, лучше никуда не ехать — заплутаем и батареи посадим, по лужам-то и грязи рассекать!

У меня болезненно сжался желудок.

— И что делать?

— Едем к заводу, укроемся под крышей, переждем грозу.

Я ускорился и поглядел на панель — индикаторы батарей показывали почти полный заряд. И как прикажете поступить, когда заряд иссякнет? Особенно если эта неприятность случится во время затяжной грозы, когда от солнечных батарей мало проку.

Над лесом выростали гигантские трубы, здания и цилиндрические сооружения завода. Я спросил у Витьки, что это был за завод, но тот понятия не имел. Вроде бы добывали что-то из-под земли, а что конкретно — неизвестно. Руду какую-то.

Я задумался: а на сколько километров протянулась эта зона аномалий и как много на ее территории таких вот объектов? Что здесь, в конце концов, произошло, откуда появились Уроды и прочая Погань? Витька ничего этого не знал, сказал, что Поганое поле возникло до основания Вечной Сибири.

Почему все эти огромные земли невидимы со спутников, почему не отображаются на ГуглМапс и прочих детальными картах, где отдельные домики и люди различаются, не говоря о таких больших объектах, как целый заброшенный завод? Самый резонный ответ: спутники видят, но изображение цензурируется, не доходит до обывателя. А отсюда логичный вывод: о Поганом поле и Вечной Сибири прекрасно осведомлены в космических державах, а это США, Китай, Индия и Россия.

Насколько сильны Рептилоиды?

По ходу это целая надгосударственная система, настоящее всемирное правительство...

Я никогда не был приверженцем конспирологических теорий, не верил в золотой миллиард, плоскую Землю и жидо-масонский заговор, но сейчас насчет могущественной международной надправительственной силы зародились мощные сомнения.

Я перевел тему:

— А если Урода вытащить на свет, что будет?

Витька пожал плечами:

— Сдохнет, наверное. Но до этого опасным станет. Говорят, ядовитым. Нельзя рядом с Уродами быть, пока они на свету подышают.

— Что они жрут?

— Людей жрут, если поймают. Животных тож.

— И птиц?

— И птиц.

— Поэтому ни зверья, ни птиц в округе нет?

— Ага.

— А Лего чем питаются? И вообще, что из себя представляют?

— Никто не знает. Погань оживила неживое, вот и получилось Лего.

Что такое Погань? Это магическая сила или эманация, то есть радиация? В реальности радиация вызывает лучевую болезнь, бесплодие, лейкемию и вовсе не порождает выносливых и плодовитых мутантов. Никакая радиация не способна вызвать мутации у неживых предметов, это сущий бред.

Снова я вернулся к гипотезе, что все это грандиозная подстава, розыгрыш и иллюзия. Лего — просто роботы.

Тут вспомнилось, как тренога отшатнулась от света. Как живое существо! Я засомневался: зачем программировать робота на светобоязнь и насколько продвинутым должен быть бот, чтобы двигаться, как злобный зверь? А в треноге было нечто живое. Меня передернуло от омерзения.

Я почесал щетину — за последние дни ни разу не брился и не стриг бороду, нечем было, и растительность на лице нешуточно этак выросла. В обычной жизни я ношу небольшую щетину, но в нынешних условиях, похоже, придется обзавестись настоящей бородой. Подумалось, что если бы я брился начисто, то смог бы по щетине определить, как долго пролежал в капсуле. Вряд ли Рептилоиды озаботились бы необходимостью брить меня, пока я плаваю в слизистой субстанции.

Высокие стебли травы, бьющие по бамперу, сменились низкими, затем вовсе исчезли. На дороге появились проплешины асфальта, через несколько километров, наоборот, в асфальтовом полотне остались лишь проплешины выщербленной земли. Из-за улучшившейся дороги я ускорился — притормаживал лишь перед большими выбоинами или железнодорожными путями, несколько раз пересекающими дорогу.

Завод тем временем выдвигался из-за горизонта, показывал себя во всей красе. Перед нами открывались все новые части огромного предприятия: дымовые трубы, здания с выбитыми окнами, высоковольтные линии электропередач на решетчатых вышках, ржавые остовы грузовых машин, товарные вагоны, выщербленный асфальт, проросшая в трещинах трава и целые деревья.

Громыхало все ближе, беспросветно-фиолетовая громада туч закрыла полнеба, ветер усилился, шлепая первыми каплями дождя по стеклу.

— Найдем какой-нибудь навес, чтобы далеко вглубь здания не залезать, — предложил Витька. — Бывает, внутри тоже прячутся Уроды и прочие твари.

Я выругался сквозь зубы.

— Какие твари? Лего?

— Кроме Уродов и Лего в Поганом поле есть много кто еще...

— Умеешь ты порадовать...

Мы ехали между зданиями завода. Скорость замедлилась — необходимо было объезжать медленно разрушающиеся под открытым небом машины, груды строительного мусора, поваленные столбы, а в одном месте пришлось вылезти наружу и поднимать опущенную стрелу шлагбаума.

Вскоре нашлось подходящее здание, чтобы укрыться от дождя — двухэтажное, небольшое, с разрушенной передней стеной, так что видны некоторые внутренние помещения. Я заехал задом прямо на первый этаж по пологому пандусу. Под колесами смачно хрустели осколки кирпичей и стекла. Я выключил двигатель, гул стих, и сразу стал слышен шорох дождя, похожий на топоток миллионов крысиных лапок.

Я осмотрелся. Дверь в нашем убежище напротив отсутствующей стены выходит в заваленный штукатуркой коридор, в потолке зияют дыры, сквозь которые просматривается потолок второго этажа. Неизвестно, что именно разрушило это здание — вероятно, был взрыв или удар большой грузовой машины. В помещениях не осталось никаких признаков мебели и хоть каких-то намеков на то, для чего предназначалось это строение. Такое впечатление, что здание держится на соплях, еще один год, и стены сложатся, как карточный домик.

Я нашел в кузове второе мачете в кожаном чехле с ремнями, чтобы вешать на пояс, и нацепил всю эту сбрую. Дополнительное оружие не повредит: если в ближнем бою оттяпать Уроду башку, то он, наверное, перестанет быть опасным.

Дождь зарядил серьезно, косые струи хлестали по дороге и площадь перед нашим укрытием, вода булькала, журчала, чавкала, образовались мутные потоки. Изрядно стемнело. Гром прокатывался по затянутому пеленой туч небу железными бочками, ослепительно вспыхивали ветвистые молнии, напоминающие трещины в небесах, за которыми горит извечный космический огонь.

Рассматривая четырехэтажное здание напротив, метрах в двухстах, я вдруг заметил в окне на третьем этаже движение.

— Урод! — просипел я.

Голос пропал.

Витька подхватился:

— Где?

— Вон там!

— Вряд ли. Светло слишком.

— А кто это тогда? Другие твари?

— Все твари Поганого поля боятся света, даже слабенького. Погань куражится только во тьме.

Прозвучало зловеще. Я понимал, что Витька не пытается нагнать страху, повторяет чьи-то слова. Он очень талантливый, с хорошей памятью, мог бы добиться многого в обычном мире — к примеру, в программировании.

И стать безработным эникейщиком, ага.

В течение минут десяти я пялился на здание, пытаюсь углядеть движение, но без толку. Пустые темные проемы за пеленой дождя оставались темными и пустыми.

Болезненно свело от голода живот.

— Может, пожрем? — предложил я.

Витька был не против. Устроившись в кабине, мы открыли маленькую банку с тушеной свининой и принялись за еду. Когда запасы иссякнут, подумал я, придется туго, раз Уроды слопали и разогнали всю дичь в округе.

— А если гроза затянется?

— Будем ждать. По-любому ехать в грозу нельзя.

Витька, конечно, прав. Гроза разбушевалась не на шутку — ливень остервенело шипел, бил яростно по разбитому асфальту и крышам, пригибал траву и кроны деревьев, срывал листву. Из одной дыры в потолке закапало — протекала крыша. Спустился полумрак, который время от времени раздирали вспышки молний. Громовые раскаты заглушали все звуки, и мне чудилось, что к нам подкрадываются Уроды.

Мы хорошенько перекусили, и по телу растеклась приятная томная сонливость. Пришло

в голову, что в такую погоду даже мутанты не высунут носа и можно расслабиться. Я уселся поудобнее, задрал одну ногу на панель управления, и Витька моментально скопировал мою позу.

Тянулось время, а дождь и не думал прекращаться. Гром гремел реже и тише, основная электрическая свистопляска сдвинулась на восток, но самый натуральный водопад и не собирался ослабевать. По дороге текла вспенившаяся река, по которой плыли острова мусора. По моим прикидкам давно миновал полдень, и приближался вечер — а следом и ночь с его ужасами...

— Придется переночевать здесь, — прочитал мои мысли Витька. — Даже если прямо сейчас ливень перестанет, ехать по этой реке опасно.

— Ясно, — сдержанно откликнулся я. Меня опять затопило напряжение. Если за нами снарядят погоню, то поймать нас не проблема, мы уехали совсем недалеко. Остается надеяться, что Аня права и погони не будет. А если до нас ночью надумают добраться Уроды, то свалить от них, как это я провернул недавно, будет сложновато из-за размытой дороги и пересеченной местности. Может, уехать в лес, невзирая на ливень, и переночевать прямо в кабине? Почему-то представлялось, что в лесу не так страшно, как среди зияющих провалами окон зданий, больше похожих на исполинские могилы. И найти нас в лесу дело непростое.

Нет, нельзя, в такую непогоду это чревато.

— Давай осмотрим здание на всякий пожарный и расположимся на ночь...

Мы быстро обошли все сохранившиеся комнаты первого этажа, но на второй не поднялись. Лестница была полностью разрушена, оставался один верхний пролет, который висел над пустотой, совсем как в ночных кошмарах. Здание много где протекало и в целом дышало на ладан.

На ночь устроились в одной из относительно целых комнат с четырьмя стенами, одним окном с выбитыми стеклами и одной дверью. Потолок почти не протекал. Мы сдвинули раскрошившуюся штукатурку на полу в один угол, занавесили оконный проем куском найденного на лестничной площадке рубероида, защебив концы ставнями, закрыли дверь.

Витька извлек из кузова гирлянду ламп, развесил на машину и по стенам, стараясь захватить всю площадь помещения. Когда он для проверки подключил ненадолго гирлянду к аккумуляторам, вспыхнул синеватый свет — яркий, резкий и неприятный.

В “спальню” Витька тоже провел освещение.

— Уроды понимают, что где свет, там и люди? — спросил я.

— Не-а. Не понимают, они тупые. Где свет, там Урод не появится.

— Уверен?

Витька немного замялся.

— Наши старики так говорят. Если брешут, то и я брещу.

Захотелось отвесить полновесный подзатыльник сперва ему, потому что сразу не сказал, что ни в чем не уверен, потом себе — за то, что доверился малолетке. Витька ведь Уродов не видел ни разу! В Вечной Сибири ночные вылазки в Поганое поле запрещены на законодательном уровне и наказываются тюрьмой — откуда кому-то из обитателей Посада знать о привычках и уровне интеллекта Уродов? Витька слышал их вой, а это не то же самое, что лично лицезреть их ужасные рожи в ночи и в панике уноситься на мусоровозе...

Хотя выбора у меня нет.

Сегодня спать не буду, сказал я себе. Вооружусь огнестрелом и приготовлюсь к ночному

бдению. Все равно не уснуть.

Однако я вырубился, едва прилег на спальник, расстеленный прямо на полу — умаялся за день. Я прежде никогда так не уставал и так крепко не спал.

Среди ночи проснулся. За занавешенным окном негромко шумел дождь, обшарпанную комнату заливал синеватый свет сторожевых ламп, включившихся, очевидно, из-за того, что я шевельнулся перед пробуждением, по соседству сопел Витька, рядом с нами лежали автоматы — заходи, кто угодно, и бери, что угодно. Охраннички, блин: один — малолетний раздолбай, второй постарше, но такой же раздолбай, если не хуже!

Витька полностью уверен, что пока есть свет, Уроды и прочие порождения Поганого поля нам не страшны, потому и спит спокойно. Но здесь водятся и Отщепенцы, а среди них наверняка найдутся любители халявной поживы.

Я встал, поправил мачете, повесил на грудь автомат, подошел к окну, но замешкался — в темноте ничего не увидишь, особенно когда сам находишься в освещенном помещении.

Поразмыслив, я проверил, как там наша машина, со всеми предосторожностями выйдя из “спальни” и заглянув в “гараж”. Гирлянда тотчас вспыхнула и там — мусоровоз стоял на месте. Свет озарил три стены и утонул в темноте ночи на месте разрушенной четвертой стены, где мельтешили капли моросящего дождя. Свет падал на черную поверхность воды, и казалось, что сразу за порогом начинается целое море.

Держа автомат наготове, я вернулся в “спальню”, подошел к занавешенному рубероидом окну, подождал, когда вырубится свет. Аккуратно, стараясь не совершать амплитудных движений, отогнул край рубероида. Поначалу не увидел ни зги, но чуть позже, когда зрение приспособилось, различил очертания груды строительного мусора, поросшей корявыми кустами, в нескольких десятках метров от нашего здания. Высоко в чернильной темноте беззвучно вспыхивали зарницы, на краткие микросекунды освещая землю.

Во время одной из вспышек внезапно показалось какое-то существо — сначала я принял его за большую белую собаку. Но это была не собака и не какое-либо другое известное науке животное, это было что-то омерзительное: бледное и голое, мокрое и перекошенное, передвигающееся на широко расставленных ногах, как колоссальный склизкий паук.

Мир снова залила тьма, а я стоял в пустой комнате, слушая вкрадчивый шорох дождя и собственное дыхание, не в силах шелохнуться, и ждал очередной зарницы. И вот за тучами вспыхнула молния, передо мной четко проявилось черно-белое пространство. Белое существо находилось уже в десятке шагов от груды и вертело туда-сюда круглой головой, словно прислушиваясь.

А по другую сторону груды я с ужасом увидел еще трех таких же особей.

Молния погасла, но увиденное отпечаталось на сетчатке, хоть изучай картинку в деталях. В третий раз где-то далеко на севере сверкнула молния без малейшего намека на гром, и у меня ослабли ноги — четыре белые твари приближались.

— Ты чего встал? — прошептали позади, и я чуть не подлетел к потолку. Чудом не заорал.

Витька не шевелился, лежал на месте, и датчики движения не сработали. Он ухитрился углядеть меня, но не мог, разумеется, видеть, что творится на улице.

Я не выдавил ни слова, и Витька поднялся, отчего включился свет. Я торопливо прикрыл щель и замахал на Витьку руками, чтобы он не двигался, но пацан подошел к лампе и выключил ее вручную. Обошел меня и выглянул в окно. Как по заказу сверкнула молния.

— Зараза, — прошептал он. — Сколько их?

В его голосе я не уловил особого страха или шока, лишь изумление и возбуждение. Он родился и вырос в этом мире, где Уроды — часть жизни, а не сверхъестественная вещь, от которой едет крыша. Но и с учетом всего этого он на редкость достойно держался.

Несмотря на оцепенение, я ощутил слабое, но все же облегчение: позавчерашнее ночное приключение — не галлюцинация, и никто не управляет моим восприятием. Нет, наведенной иллюзии не было, и Уроды вполне реальны, потому что их видит Витька... Конечно, можно допустить, что Витька сам — галлюцинация, но такую версию я рассматривать не буду, потому что в таком случае я в полной заднице и никогда не разберусь, что есть матрица, а что — реальный мир.

Наконец вернулся дар речи.

— Надеюсь, они нас не унюхают...

Витька кивнул в темноте — я уловил это движение не зрением, а каким-то шестым чувством. Зарница осветила дорогу за окном. Трое Уродов проковыляли по дороге, свернули на обочину и, судя по всему, вознамерились уйти за четырехэтажное здание. Четвертый Урод исчез за грудой хлама. Я перевел дух — нами не заинтересовались. Я начал отходить от окна, но Витька, который по-прежнему глядел в щель, толкнул меня локтем в бок, и я вернулся к наблюдательному посту. Зарницы на сей раз пришлось ждать долго — целых три или четыре секунды. Наконец в небе вспыхнуло синевато-белое сияние, озарившее местность, и я окаменел — по улице ползла огромная толпа Уродов. Десятки, если не сотни белых чудовищ. Вся улица кишела ими.

Мы прижимались друг к дружке у окна и пялились в щель, не в силах оторваться от этого inferнального зрелища. В мгновенных проблесках нереального света молний дорога и мостовая буквально бурлила мокрыми бледными телами. В какой-то момент они застыли на месте и начали синхронно раскачиваться. Раздалось шипение, которое перешло в жуткое завывание — низкое, горловое, нечеловеческое. Если б мы не проснулись до этого, то этот вой разбудил бы нас стопроцентно.

От этого завывания озноб пробирал до костей. Я боялся дышать от ужаса и напряженного ожидания, что сейчас это войско пойдет на приступ нашего разваливающегося замка.

Уроды находились далеко от мусоровоза, и датчики движения не срабатывали, так что мрак по-прежнему разгоняли только частые вспышки далеких молний.

Вой прекратился, и белесая масса снова задвигалась. Пальцы у меня до боли сжали автомат, но толпа Уродов расступилась, образовала проход, который вел прямо к нашему убежищу.

В дальнем конце этого прохода выпятилось большое черное горбатое тело, медленно приблизилось к нам, блестя мокрой черной поверхностью. Когда черная штука приблизилась вплотную, я разглядел, что это компактный, необычной конструкции броневик, состоящий из острых граней. С толстой антенной сверху, на четырех больших рифленых колесах. Уроды, получается, умеют конструировать машины? Если да, то что помешает им смастерить костюм, защищающий от света, или оружие дальнего действия?

Броневик подъехал вплотную к “гаражу” с мусоровозом, и датчики наконец-то среагировали — вспыхнул синий свет. Толпа Уродов волной отхлынула прочь, в темноту, а в броневике сбоку открылась шестигранная дверь. Наружу выбралась черная фигура в длинном блестящем плаще и маске, похожей на противогаз. Лицо полностью невидимо.

Черный человек (если это человек), расплескивая сапогами воду, прошел по пандусу наверх, не обращая внимания на свет, но остановился на полпути и повернул невидимое лицо к нам с Витькой, затаившимся в темной комнате за рубероидом. Он не мог нас видеть, но видел!

И тут он заговорил низким глухим голосом:

— Эй, вы, двое! Выходите и поприветствуйте повелителя Поганого поля!

Глава 6. Повелитель Поганого поля

Витька прошептал:

— Повелитель Поганого поля по-русски разговаривает?

— Не по-уродски же ему разговаривать, — прошипел я в ответ. — Мы б не поняли.

Это человек, смекнул я.

Или нет?

Мутант какой-нибудь?

Не сговариваясь, мы вышли из “спальни” в коридор, оттуда — в “гараж”. Оба держались за автоматы, сняв их с предохранителей. В дверях “гаража” остановились, чтобы отскочить назад при малейшем резком движении. Синие лампы горели, не выключаясь, — вероятно, датчики реагировали человека (или Урода) в черном и на нас.

При виде нас существо в черном торопливо подняло руки в перчатках. Жест выглядел почти комично, зловещий облик сразу перестал быть зловещим.

— Эй-эй, полегче! — прогудел повелитель Поганого поля. — Без нервов! Я свой!

Он взялся за маску и снял ее. Под ней оказалась самая обыкновенная человеческая голова. Короткая бородка, хитрый прищур, морщинистое лицо человека солидного возраста, лысина. Трудно вообразить более неподходящую голову для внушающего страх прикида.

Я так удивился, что опустил ствол.

Уроды тем временем полностью исчезли из поля зрения, лампы освещали лишь темную воду и черный воздух с блестящими каплями мелкого дождя.

— Ты кто такой? — спросил я.

— Повелитель Поганого поля, сказано же, — отозвался старичок нормальным голосом. Очевидно, в маске голос искажался, звучал ниже и грубее. — Он же Решетников Владимир Степанович... То есть я. Изобретатель и исследователь Поганого поля с семьдесят второго года от основания Вечной Сибири.

Слова “Вечной Сибири” он произнес с отчетливым сарказмом.

Я вспомнил, что сейчас восемьдесят второй год по местному летоисчислению, следовательно, этот тип изучает Поганое поле десять лет.

Витька спросил:

— Вы здесь живете?

Решетников выкатил грудь.

— Именно так!

— Как вы управляете Уродами?

Меня это тоже сильно интересовало.

Старик тыкнул большим пальцем назад, в сторону броневика, поблескивающего мокрыми гранями и антенной.

— Видите антенну? Это излучатель ультразвука. Корректируя ритм и силу излучения, я в определенном смысле управляю Уродами. Но это не всегда получается... Сегодня удачная ночь — получилось. А в этой чудесной маске есть инфракрасный визор — с его помощью я и разглядел вас двоих.

— Зачем вы ими управляете? — спросил я. — Зачем сгоняете в большую толпу?

Решетников с неподдельным изумлением воззрился на меня.

— А как иначе? Чтобы показать, кто в доме хозяин! Чтобы произвести на вас, случайных посетителей моих владений, впечатление. Скажите, вы ведь впечатлены?

Я переглянулся с Витькой. На его лице читались те же мысли, что посетили и меня: дед чокнутый. Но не простой псих, а прокаченный псих — в его распоряжении необычные технологии, которых нет в Посаде. Вроде бы нет. И никакой он не повелитель Уродов, не супермутант.

— Впечатлены, — поддакнул я.

Исследователь Поганого поля расплылся в широкой улыбке. Он прямо-таки лучился жизнерадостностью, а румянец на щеках был виден несмотря на синеватые отсветы.

— Вы сделаете мне большое одолжение, если представитесь, — торжественно сказал он.

Я сдержался, чтобы не фыркнуть. Интеллигентный разговор двух оборванцев с автоматами и деда Мазая в прикиде гестаповца. Ночная сцена из голливудского фильма!

Мы с Витькой назвались.

— Вы из Вечной Сибири, — не то спросил, не то заявил Решетников.

— Да, — сказал я.

— Сбежали? — прищурился собеседник.

Я заколебался. Признался:

— Верно.

— Прекрасно! — просиял Решетников. — Чем больше эмигрантов из этой идиотской страны, тем лучше. Я могу вас позвать к себе в гости?

— Прямо сейчас? Ночью? — спросил я, подумав, что у нас нет ультразвукового излучателя и путешествие во мраке, когда вокруг видимо-невидимо Уродов, не принесет удовольствия. Что касается деда, то он перестал меня пугать. Не будет злодей спрашивать, может ли он позвать кого-то в гости.

— Ох, простите! — сказал исследователь. — Совсем забыл, что ночь на дворе, — так спешил продемонстрировать вам свои возможности... А как их продемонстрировать днем, когда Уродов нет? Однако вы убедились, кто кем повелевает, верно? Поэтому визит отложим до утра... Вы увидите столб дыма поблизости от завода, возле реки. Я покажу вам свой скромный дворец и расскажу много интересного.

Он заговорщицки подмигнул, как бы намекая, что если мы откажемся, то многое потеряем. Не дожидаясь ответа, нахлобучил маску, развернулся и зашлепал по воде к броневику. Машина загудела и, включив на сей раз фары, уехала в сторону, противоположную той, откуда прибыли мы с Витькой. Минута — и пространство снаружи снова стало пустынным. Дождь совсем прекратился, только капало с крыш и деревьев.

Мы с Витькой вернулись в “спальню”.

— Это какой-то “поехавший” Отщепенец, — сделал вывод пацан.

— Он Уродами управляет, — со значением сказал я. — Нам бы его антенна не помешала!

Витька ухмыльнулся.

— Зачем? Чтобы быть Повелителем Поганого поля?

— Зачем? Чтобы не трястись всю ночь.

— Ты и не тряся. Храпел, как конь. И у нас лампы есть — старое надежное средство.

— Лута много не бывает, — сказал я под нос.

— Чего много не бывает?

— Всякой полезной добычи. В играх есть такой термин. В квестах.

— Понятно. Так мы поедem в гости?

— Поедем. Посмотрим, послушаем — вдруг пригодится? Этот тип явно не на стороне Вечной Сибири.

— А если притворяется?

— Смысл? Хотел бы нас схватить, схватил бы, а не приглашал в гости и разговоры разговаривал.

Витька задумался, сидя по-турецки на спальнике. Лампы периодически гасли, но кто-нибудь из нас махал рукой, и срабатывали датчики. Я нет-нет да и прислушивался к звукам из-за рубероида на окне — не подкрадывается ли кто? Было тихо и спокойно.

— Значит, едем в гости? — уточнил Витька еще раз. — Не пожалеем?

— Надеюсь, нет. Вот если не поедem, пожалеем стопроцентно.

Остаток ночи спалось крепче и слаще, чем в первую половину, до появления Решетникова. Раз старый дед рассекает по чернильным делям, кишащим чудищами, то мы чем хуже? Да, у него чудо-антенна, но и у нас лампы. Уроды разом потеряли демоническую харизму. Они управляются с помощью техники! С помощью человеческого гения, не знающего преград!

Утром мы наспех перекусили, погрузили шмотки в машину и выехали из “гаража”, благодаря его и за кров, и за то, что не развалился, пока мы спали.

День обещал быть солнечным, жарким и душным из-за испарений. Вода частично впиталась в почву, но территорию завода заливали лужи, озера и моря дождевой воды. Грязи всюду было выше крыши. Мусоровоз погружался в воду подчас по самый бампер, и я боялся, что мы провалимся в невидимую яму, откуда вытащить машину будет проблемно. Поэтому ехал тихонько, по-черепашьи, не лентясь то и дело вылезать из кабины и, бредя чуть ли не по колено в воде, щупать веткой грунт перед машиной.

Где сейчас прячутся Уроды? В каких сырых берлогах? Им не требуется тепло? Несладко им, поди, жить...

Когда покинули заводскую зону и выбрались на более-менее сухую дорогу — вернее, то, что от нее осталось, — я сделал короткий привал, разулся, выжал портянки и повесил сушиться на боковых зеркалах. Берцы положил в кабине под креслом, а сам уселся за руль босый. Слишком тепло, даже жарко, чтобы страшиться простуды.

Столб черного дыма поднимался над мокрым лесом впереди и чуть левее от дороги и был замечен на многие километры вокруг. Недурной способ привлечения внимания, мысленно одобрил я. Когда-то с помощью костров люди ухитрялись посылать друг другу сообщения на значительные расстояния. К примеру, о том, что начинается война или какая-то иная заварушка. И обходились без смартфонов. Надо на будущее запомнить такой простой “мессенджер”, вдруг пригодится.

Пока ехали, я думал о том, о сем. Витька помалкивал, погруженный в свои думы, не мешал. Итак, первая полноценная ночь в Поганом поле пережита пусть и с некоторыми страстями, но без потерь. Апгрейд не проявился, да и черт с ним. Наверное, настоящей опасности не было, равно как и потребности в апгрейде.

Но откуда ему знать, есть ли настоящая опасность или нет? Он ведь анализирует окружающий мир через мои органы чувств? А мои глаза и уши сообщали, что опасность есть и еще какая! Адреналина в жилах было хоть залейся. Однако апгрейд и не подумал

проявляться.

Если это баг настроек, то в момент настоящей опасности я рискую очутиться в глубочайшей заднице...

Не придя ни к какому решению проблемы, я принялся размышлять о тете — наверняка она места себе не находит из-за моего очередного исчезновения. Возможно, побежала к Аньке — требовать вернуть драгоценного племянничка. Расскажет ли Аня, что мы с Витькой удалились не попрощавшись ни с кем? Что подумает тетя Вера, когда поймет, что ее любимый Олесь — неблагодарная сволочь и воришка в придачу?

Право дело, лучше б меня поскорей заменили на нового беднягу, а тете прочистили мозги. И вместо Витьки назначили нового пацана.

Однако это означает, что пострадают двое бедолаг, вырванных из привычной среды обитания и заброшенных в разваливающийся от ветхости Посад...

Проклятые Рептилоиды! Чего им, сволочам, надо?

Вскоре пустые мысли испарились без следа — день отличный, настроение еще лучше. Я впервые в Поганом поле услышал птичье пение — правда, пела одинокая птаха где-то в зарослях, но ее трели были как бальзам на душу.

Лес сгустился, но не был особо темным и неприветливым. Подлеска почти нет, между стволами старых могучих осин и лиственниц золотятся косые солнечные лучи.

Я заприметил среди бурелома серые раздутые мешки размером с легковую машину и решил, что это заброшенная на ветки старая палатка или что-то в этом роде, но через пару километров нам попало сразу три таких мешка в глубине леса, под откосом, в высокой траве, и стало понятно, что это никакие не палатки.

Прежде чем я успел задать вопрос, Витька прокомментировал:

— Поганые грибы после дождя повылазили...

— Это грибы? — поразился я.

— Ага. Здоровые, да?

— Не то слово... Их жрать можно?

— Не, — засмеялся пацан. — Это они людей жрут! К ним лучше вообще не подходить.

Я уже притормаживал, чтобы осмотреть грибы, и прикидывал, сколько дней можно есть одну такую громаду. Но после слов Витьки снова нажал босой ногой на педаль газа. Обойдемся без осмотра.

Через три километра заросшая дорога вывела к берегу реки — неспешные воды текли между пологими берегами, покрытыми травой и камышом. После ночной грозы река поднялась, заливая берега, по ней плыло множество разного мусора, веток, гнилой коры, листвы. И не было ни одной пластиковой баклажки. Плохо. Значит, человеческое жильё еще далеко...

Дорога тянулась через бетонный мост без перил — от них остались одни столбики, похожие на тонкие редкие зубы на нижней челюсти колоссального монстра. Перед въездом на мост дорогу пересекали железнодорожные пути.

“Дворец” нашего изобретателя и по совместительству повелителя Поганого поля размещался слева от дороги, в пятистах метрах выше по течению реки. Лес в том месте отступал от берега на несколько десятков метров, землю покрывали цементные шестиугольники, которым, судя по виду, было сто лет в обед. Целые плитки попадались редко. Между ними проросла вездесущая трава. Рельсы пересекали пространство между “дворцом” и берегом и раздваивались — раньше это была крохотная таежная

железнодорожная станция. Собственно, одноэтажное кирпичное здание станции и служило первым этажом дворца. Второй как попало слеппен из бетонных блоков, которые явно притащили с завода — там таких много валяется. Зазоры между блоками замазаны цементом — более светлым на фоне бетона. Третий этаж деревянный, сложенный из целых бревен, как классическая русская изба.

Мы остановились неподалеку от этого архитектурного кайдзю, вылезли из машины и, раскрыв рты, озирали сию красоту. Рядом мирно шелестела река.

Как Решетников поднимал эти блоки и бревна? Без крана не обойтись. Я слышал, что китайцы ухитряются вручную поднимать стройматериалы на второй, третий и так далее этажи без крана, с помощью хитрых блоков и рычагов, но Решетников, во-первых, на китайца не похож, во-вторых, один.

Выходит, кроме броневика у него есть и кран. Стоит вон там, под навесом, за дворцом...

На крыше шизофренического сооружения торчали несколько солнечных антенн и ржавая цистерна — очевидно, для нагревания воды. В реке, прямо у бетонного берега вальяжно вращалось деревянное колесо мельницы или электростанции (или того и другого сразу).

Вдоль путей выстроились столбы. Многие из них обрушились в стародавние времена. Провода были оборваны, но на тех столбах, что располагались возле дворца, висели прямоугольные светодиодные фонари. Уверен, они работали и исправно включались каждую ночь, освещая дворец.

Решетников — шиза, но не лишен здравого смысла. Иначе не выжил бы.

Хозяйство серьезное, хотя и отдает отчетливым запахом безумия. Витька одобрительно поцокал языком, затем покачал вихрастой головой.

Между колесом электростанции и гаражами дымил костер. Его покрывали сырые ветки и крышка от небольшого колеса, отчего дым был черным и жирным.

Налюбовавшись, мы сели в мусоровоз и подъехали ближе. Я припарковался так, чтобы при малейшей надобности сразу выехать на мост и дать деру. Кроме следов от наших широких колес в грязи пролегли следы броневика, похожие на танковые. Судя по этим следам, броневик загнали под навес.

Когда мы подошли к станции, переоборудованной в первый этаж дворца, деревянная дверь сама собой открылась. С внутренней стороны к ней крепился металлический рычаг, который и двигал створкой.

Жажда Повелителя Поганого поля производить впечатление никуда не делась.

Я отвязал от зеркал портянки, развевавшиеся во время езды, как флаги, и накрутил на ноги. Они оставались немного сырыми, но это терпимо. Затем я нацепил и зашнуровал берцы. Мы с Витькой выбрались из машины и, поправляя висевшие автоматы, направились во дворец.

Внутри нам открылось обширное помещение с белеными в доисторические времена стенами. Сразу обнаружилось, что несмотря на гениальность по части изобретений, Решетников уборкой апартаментов себя не утруждает: пол в высохшей грязи, нанесенной на подошвах обуви, в углах скопилась жухлая листва и прочий сор, пауки свили паутину вокруг ламп, между стенами и потолком, в оконных проемах. Помещение заполняли коробки, дрова, стопки пыльных книг, провода, части неизвестных механизмов, пара лысых манекенов. Закрытые двери вели в другие комнаты.

Напротив двери на стене знакомый барельеф солнца и луны, но его крест-накрест перечеркивают изображенные сажей линии, а рядом нарисован мужской член.

— Вот это по-нашему, — хмыкнул я.

Справа разнокалиберное барахло заполняло самодельные полки, слева вверх уходила железная винтовая лестница. В потолке между входной дверью и Знаком зияло круглое отверстие, из которого с жужжанием спускался узкий подъемник. На подъемнике стоял Решетников в старом шелковом халате с полуоторванными карманами.

— Добро пожаловать, гости дорогие! — провозгласил он. — Идемте же ко мне!

Он распростер объятия, не обращая внимания на наше оружие.

Я посмотрел на Витьку, тот на меня. Я мотнул головой, приглашая пацана пройти на подъемник, и сказал:

— Я пешком по лестнице...

Если Решетников нападет на Витьку, я сразу вмешаюсь. Оказываться обоим с этим психом на движущемся пяточке глупо. Неизвестно, какие у него в подъемнике встроены ловушки.

Нахмурившись, Витька побрел к изобретателю с таким видом, словно ступал на эшафот. Я двинулся к лестнице, не спуская взгляда с Решетникова. Указательный палец нервно поглаживал спусковой крючок.

Но ничего особенного не произошло. Решетников нажал рычаг, подъемник зажужжал, приподнялся на полметра и застыл.

Решетников крикнул.

— Прошу прощения, перевес! Лучше ступайте-ка оба по лестнице. А я вознесусь в одиночестве.

Витька охотно спрыгнул с подъемника, и изобретатель, приняв картинную позу, поднялся один. А мы с пацаном проследовали на второй этаж по раскачивающейся лестнице.

На втором этаже дворца было темновато, сначала мы ничего не разглядели, кроме пробивающихся сквозь мутные стекла узких окон солнечных лучей, в которых плавала пыль. Решетников, который уже “вознесся”, хлопнул в ладоши и приказал:

— Наташа, включи свет, темно же!

Немедленно по углам захлавленной комнаты, занимавшей всю площадь этажа, загорелись разномастные торшеры. Здесь было еще больше всякой всячины, чем внизу: разная потрепанная мебель, кипы тряпья, разбросанные по полу инструменты, детали, провода, компьютерные платы. На простом деревянном столе стояла шахматная доска с обглоданными краями (крысы постарались?), на ней выстроились батарейки вместо фигур.

В дальнем конце светился большой монитор. Я с любопытством подошел к нему, обходя столы, кушетки, полки, поддерживающие потолок бревна и сломанные комоды с наваленным на них хламом. На экране светились строки кода, написанного кириллицей, что само по себе редкость. Слова вроде бы русские, но звучат странновато: “Отворить первую портал”, “Додать Кси линию на координатну осу”... Это на каком языке?

— А где Наташа? — спросил Витька.

— Нигде, — ответил я, не оборачиваясь. Во мне проснулся айтишник, и я на мгновение забыл о настороженности. — Это как Алиса или Сири. Только Наташа.

— Че-е-е? — протянул Витька. — Сумасшествие передается по воздуху?

Я обернулся, с неохотой отрываясь от чудного кода.

— Нет, шкет, это такой бот.

Витька хлопал глазами. Не понимал, что значит “бот”. В Вечной Сибири есть камеры виртуальной реальности, комбайны-гибриды, мусоровозы на электрическом двигателе, но нет ботов. Как это объяснить?

Встрял Решетников:

— Наташа, поздоровайся с нашими гостями!

— Здравствуйте! — сказал ровный женский голос.

Он исходил из древних динамиков по обе стороны от монитора. А не Наташин ли код программы?

— В Вечной Сибири нет таких вещей, — сказал Решетников, с удовольствием озирая свою мусорку. — У них много чего нет. Это реликт былого величия, которое на самом деле никогда не было величием. Есть только мания величия.

Трудно спорить с этим утверждением. Я открыл рот, чтобы задать вопрос о Вечной Сибири, но Решетников переставил батарейку на шахматной доске и радостно провозгласил:

— Вот!

— Слон на аш три, — ответила Наташа. — Шах ладьей.

Я с запозданием разглядел камеру на потолке прямо над доской. Похожую на камеры в Посаде. А что если все они сделаны в Республике Росс? Камеры и прочая продвинутая техника? Тогда понятна эта разница между технологиями и кошмарным состоянием прочей инфраструктуры.

У Решетникова затряслась борода от бешенства, седые брови насупились, лоб собрался в гармошку.

— Чтоб тебя! — заорал он. — Ну ничего, я с тобой разберусь! В крайнем случае сожгу твои платы.

— Тогда вам не с кем будет беседовать, — невозмутимо парировала Наташа.

— Ладно, живи пока, — тут же успокоился старичок. — Я могу найти и других собеседников, знаешь ли... О твоей судьбе, Наташа, я подумаю позже.

Я снова открыл рот, но меня опередил Витька:

— Как вы нас засекли? Следили за дорогой? Камеры где-то запряганы?

— Я увидел свечение ваших ламп, когда объезжал свои владения, — не стал тянуть с ответом изобретатель.

Я сжал челюсти. Подбешивала его манерность и самомнение, хотя я понимал, что передо мной психически больной человек. Владения он объезжал... среди ночи в грозу. Мы чуть в штаны не навалили из-за его ночного каприза.

И все же он гений. Создать “дворец”, броневик, электростанцию и бог знает что еще практически в одиночку, из всякого хлама (прав Витька, хлама не бывает, хлам только в башке у дураков), а иногда выстраивать Уродов шеренгами — обычному человеку это не под силу.

— Ночью? — уточнил Витька, будто прочитав мои мысли.

— Да, — с невероятным самодовольством проговорил Решетников, оглаживая бородку. — Чтобы показать Уродам, кто у них хозяин.

— Вы их провоцируете? — спросил я.

— Ставлю на место. Уроды — тупые существа, которым запросто задурить голову так же, как и всем людям. И время от времени надо указывать их место, иначе на шею сядут и

ноги свесят. Они сюда не приближаются, знают, что со мной не побалуешь.

— Опасно же! — сказал Витька.

Решетников мигом убрал с лица самодовольную ухмылку — у него вообще очень быстро менялось выражение лица — и уставился на малого.

— Вы сомневаетесь в моей гениальности?

Витька быстро сказал:

— Нет-нет!

Снова включилась улыбка — как лампочка. Решетников с благосклонным видом повел рукой в сторону лестницы.

— Пройдемте! С третьего этажа моего дворца открывается отличный вид!

И сам затопал по гулким ступеням, потому что подъемник работал только до второго этажа — исключительно, как я понял, для того, чтобы производить впечатление для редких гостей. Как часто у этого чудака бывают гости? Как долго он готовится к их появлению? Наверняка по несколько лет ему не с кем разговаривать, кроме Наташи. Если бы не бот, совсем сдурил и одичал бы.

Третий этаж представлял собой деревянный, грубо сколоченный сруб, где пахло стружкой, пластиковые окна были втиснуты в проемы как попало, а щели наспех замазаны цементным раствором. В сравнении с предыдущими уровнями третий этаж был почти пустым: из мебели стулья, одно продавленное кресло и стол без скатерти, но с самоваром, пряниками на тарелке с выщербленными краями, несколькими банками консервов, двумя сточенными ножиками и тремя ложками.

Повелитель действительно ждал гостей!

Я выглянул в окно — вид и вправду прекрасный: тонущий в легчайшей дымке бескрайний лес до самого горизонта, сверкающие извивы реки, краешек заводских строений, чистейшее небо. Посадов не наблюдалось.

Этот живописный вид подействовал на меня двояко: с одной стороны восхитил, с другой — расстроил. Никаких намеков на цивилизацию... Долго же придется ехать по необитаемым местам, населенным Уродами и психами.

— Нашел неподалеку запасы консервов, — сообщил Решетников, — вот, питаюсь... Не выращивать же огород! Это не пристало Повелителю, а Уроды слишком тупы, чтобы их заставить копать в земле. А у Наташи нет тела, к сожалению.

Вздохнул.

Мы уселись, причем я и Витька остались при автоматах. Сумасшедший изобретатель устроил званый завтрак на третьем этаже из-за вида, но я держал в уме вариант, что это попросту ловушка — в случае чего из окна не выпрыгнешь... Решетников полностью игнорировал наше обмундирование, радостно хлопотал, изображая гостеприимного хозяина, показал, как ножами вскрывать консервы, в которых были кильки в томате, разные каши, тушенка и сгущенка. Мы с Витькой уже перекусили, но приготовились перекусить повторно.

— Вы живете один в этом дворце, Владимир Степанович? — спросил я, загребая ложкой рыбешку в томате. В слове “дворец” вопреки моему желанию просквозило ехидство, и Решетников поджал тонкие губы.

Положение спас Витька:

— Расскажите о своей жизни, ваше величество!

Вот в его тоне был искренний интерес.

— Вы очень воспитанный молодой человек, — сказал ему Решетников, улыбаясь. — Так

и быть, расскажу. Я живу в Поганом поле... Кстати, предпочитаю называть его Полем Чудес, а не Поганым... Погань там, где люди... Так вот, живу я здесь десять лет, с тех пор, как покинул эту пародию на государство, Вечную Сиберию.

Я кашлянул и спросил:

— Почему это пародия, ваше величество?

Я и сам прекрасно представлял, почему, но заинтересовало мнение этого чокнутого, но талантливого чувака, которому Рептилоиды почему-то позволяют обитать за пределами Вечной Сибири.

— Потому что если нет народа, а есть только рабы, то это не государство, а жуткая пародия на него. Не человек, а лишь скелет в одежде.

Меня против воли передернуло — в памяти воскресла сцена с пугалом. Решетников, не замечая мои корчи, продолжал:

— Рабско-диктаторские режимы вроде нашей хваленой Сибири иногда творят великие вещи — как правило, на костях миллионов рабов. Египтяне построили свои пирамиды, древние китайцы — Великую Стену. Но цена чрезмерно велика и отзывается эхом боли в веках... Страна надрывается и спустя короткое время обращается в прах, как это случилось с Египтом времен фараонов и династией того императора-гигантомана. И на протяжении многих столетий людям остается грезить былыми достижениями, но сами они не достигают ничего особенного... Я имел несчастье родиться в Вечной Сибири, дорогие гости. Несчастьем это было бы для нормального человека. Для гения же рабская страна — возможность проявить свой гений еще сильнее, лучше, выше, круче. В условиях тоталитаризма изобретатели куда более изощрены, нежели при мягких режимах, они прошли жесткий отбор, и финиша достигли наидостойнейшие. В свободной стране у изобретателей есть все условия для своей деятельности, у нас же — нет. Я считаю, что для дара изобретательства, а это то же самое, что самопожертвование, мученичество и подвиг, нужна авторитарная подавляющая система.

— А Республика Росс — свободная страна? — спросил я.

Витька взглянул на меня с недоумением и любопытством.

— Что? — удивился изобретатель. — Какая республика? Никогда не слышал.

Я не стал разъяснять. Старик не в курсе, ну и ладно. Вместо этого спросил:

— Как считаете, Поганое поле покрывает весь мир?

— А как же иначе? Если Поле Чудес покрывает не все земли, тогда были бы другие страны, и их жители рано или поздно забрели бы к нам на огонек! Нет, мой дорогой, Вечная Сибيريا, увы, последний оплот подобия цивилизации. Поле Чудес когда-нибудь захватит и Вечную Сиберию, и она падет. В сущности, Поле постоянно теснит наше хваленое недогосударство. Совсем недавно случился прорыв Поля, и многие Посады остались заброшенными. Вы их должны были проехать. А завод, где мы познакомились? Думаете, его оставили по своей воле? Нет, нет и нет! Против прорывов Поля Сибири нечего противопоставить — и Чистая Дружина, и божественный Председатель собственной персоной совершенно бессильны! Совсем скоро новый прорыв сотрет с лица земли Князьград и все оставшиеся Посады, и вся планета станет Полем Чудес.

Сказанное мне не понравилось. Если у “Его Величества” нет гостей из других стран, то из этого не следует, что других стран не существует. Поганое поле, вероятно, имеет барьер, за который просто так не пробраться. Заплутавшие грибники и охотники на Вечную Сиберию не наткнутся, геологоразведчики и путешественники ни с того, ни с сего в гости к

Решетникову не заявятся.

Преодолеем ли мы с Витькой этот гипотетический барьер? Что он из себя представляет?

— Когда это случится? — с тревогой спросил Витька.

— Вопрос десятка лет, если не меньше.

— И ничего нельзя сделать?

Решетников рассмеялся блеющим смехом, задрал голову и показав острый кадык под бородкой.

— Отчего ж нельзя? Можно! Можно ускорить наступление Поля! Когда я обрету полный контроль над тварями Поля, то сам лично поведу их на Невечную Сиберию! К сожалению, пока удастся созывать одних Уродов, а не все порождения Поля — и строить их в подобие армии... Да вы это сами видели... Но чтобы вести их в бой — этого у меня пока не получилось проверить. Потом — эта их светобоязнь...

— Зачем вам это, ваше величество? — воскликнул Витька.

— Чтобы эти тупоголовые идиоты поняли, кого изгнали! Достойнейшего из всех обитателей!

— Может, их надо пощадить? Раз они глупые, то не отвечают за себя!

Мой малолетний спутник был, судя по всему, равнодушен к дальнейшей судьбе задницы мира, из которой с такой радостью выскочил.

— Вы весьма добры, — отметил Решетников. — Но над несправедливостью должна состояться справедливая кара!.. К тому же, если я буду сидеть сложа руки, Поле все равно сделает все за меня.

Я перехватил взгляд Витьки. Взгляд как бы понукал заступится за сиберийцев. Но я пожал плечами. Плевать мне на Вечную Сиберию, глаза б мои ее никогда не видели... Решетниковым движет шизофрения, месть и мазохизм — иначе не ждал бы падения Сибири, злобно потирая ручки. И не разглагольствовал бы так много о стране, которую десять лет как покинул. А вот я, едва вернусь домой, выкину эти дни из памяти, как дурной сон.

— Куда едете? — сменил тему изобретатель.

— К Отщепенцам, — упавшим голосом сказал Витька. Понял, что Решетникова не переубедить, а от меня пользы ноль.

— Да, слышал о них, — оживился старичок. — Их много, но государства у них нет. Полная анархия, воля вольная.

Раньше я допускал, что Отщепенцами прозвали жителей обычного мира, но сейчас усомнился — воли вольной у нас отродясь не бывало.

— Далеко до них? — спросил я.

— Где-то за рекой. Не знаю точно. Кроме того, Отщепенцы не привязаны к одному месту, они кочуют.

С этими словами изобретатель показал пальцем в окно с чудесным видом. Солнце поднялось высоко, дымка над лесом испарилась, в открытые ставни веяло теплым свежим воздухом. Я заерзал — пора ехать.

— Ваше величество, — сказал Витька, — разрешите попросить вас не рисковать с вашими экспериментами. Уроды — они опасные!

Решетников расплылся в растроганной улыбке. Витька быстро приспособился к заскокам этого гениального дурачка. Сказался опыт жизни с придурочными родителями.

— Вы мне симпатичны, юноша... Не желаете остаться со мной во дворце, побыть подмастерьем? Я научу вас создавать удивительные приборы!

У Витьки вспыхнули глаза. Предложение его захватило, и я напрягся. Витька, конечно, откажется, но псих может попытаться принудить его силой. Я потихоньку развернул автомат дулом к Решетникову.

Со вздохом пацан произнес:

— К сожалению, мы спешим. Но я постараюсь вернуться как-нибудь...

Последние слова он сказал на полном серьезе.

Усы Решетникова грустно повисли, старик помялся и сказал:

— Что ж... Не судьба. Моя судьба — творить в гордом одиночестве! Но я сделаю вам подарок, чтобы вы не забывали меня. Мое новейшее изобретение, о котором все так называемые ученые Сибири лишь мечтают: водородный аккумулятор, срок эксплуатации которого — сто лет!

В дворцовом гараже мы с Витькой изучили царский подарок. Водородный аккумулятор выглядел как громоздкий металлический ящик, залитый веществом, похожим на смолу, с торчащими из разных углов свинцовыми клеммами. Корпус этого ящика размером с крупный дорожный чемодан был небрежно окрашен синей краской, черной же краской сбоку было выведено: ВСП-5. Очевидно, это значило “Владимир Степанович Решетников, модель № 5”.

Достав из кучи разных вещей в кузове мультиметр, Витька проверил напряжение — оно не отличалось от такового в наших обычных батареях. По словам Решетникова его аккумулятор способен работать без перерыва сто лет подряд, и я, естественно, в это не поверил — не бывает таких аккумуляторов. Разве что это миниатюрный термоядерный реактор. Сам изобретатель в ответ на вопросы хихикал и принцип работы прибора не разъяснял.

Мы с Витькой прямо в гараже вынули из гнезд все наши аккумуляторы и подключили “ВСП-5”. Я включил двигатели, выехал из-под навеса — все работало нормально.

В гараже обнаружился давешний броневик с ультразвуковым излучателем. Мы с Витькой обошли его со всех сторон, долго облизывались на антенну. Машина качественная, никакие Уроды в ней не страшны, настоящий танк с амбразурами вместо окон. Но Решетников ее, конечно, не отдаст по своему желанию.

Разумеется, у нас есть оружие, и с его помощью нетрудно отжать броневик силой, но, во-первых, мы не разбойники с большой дороги, а во-вторых, неизвестно, какое оружие в распоряжении самого Решетникова. Вряд ли он слаб и безоружен, раз выживает в Поле десять лет кряду.

Кроме броневика в гараже находились электромотоцикл с широкими колесами — старый и потрепанный, — решетчатые фермы разобранного механизма, скорее всего, пресловутого крана, который использовался при постройке верхних этажей дворца, и много разного не-хлама.

Мы попросились. Как ни странно, без эксцессов и неприятных сюрпризов: Решетников не потребовал стать его рабами, не взбеленился на пустом месте, как это бывает с клиническими психами, не выкинул еще какую-нибудь фортель. Он раскланялся и, сославшись на занятость государя, удалился во дворец. До нас донесся его крик:

— Наташа! Сегодня я тебя порву! Начинаем новую партию!

Прямо не верилось, что все прошло так гладко. Я не осмелился просить ультразвуковой излучатель. наших фонарей хватит за глаза. Что касается “ВСП-5”, то мне загорелось проверить его на радиоактивность. Витька сказал, что счетчик Гейгера у нас есть, но нерабочий, нуждающийся в починке. Пока я прикидывал, как поступить, включился интерфейс моего мозгового апгрейда.

БАТАРЕЯ ИЗ ВОДОРОДНЫХ ТОПЛИВНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ

СТАБИЛЬНОСТЬ — 98%

РАДИОАКТИВНЫЙ ФОН — 32,4 МИКРОРЕНТГЕН В ЧАС

— Ну надо же! — вырвалось у меня.

— Что? — спросил Витька.

Я нетерпеливо спросил:

— Нормальный радиоактивный фон — это сколько?

Витька был не в курсе.

Апгрейд снова ожил:

РАЗРЕШИТЬ ПОДКЛЮЧЕНИЕ АРХИВНОЙ ПАМЯТИ

ДА/НЕТ

И снизу шли буквы помельче — возможно, они были там и в тот раз, когда я замешкался с замком на секретной мастерской, но я их не разглядел из-за стресса:

ДАЛЕЕ НЕ СПРАШИВАТЬ

Я откашлялся и громко произнес:

— Разрешить и больше не спрашивать!

— Чего? — не понял Витька.

Я не ответил — не сейчас.

НОРМАЛЬНЫЙ РАДИОАКТИВНЫЙ ФОН — НЕ ВЫШЕ 50 МИКРОРЕНТГЕН В ЧАС

— Спасибо, — сказал я.

— Да с кем ты базаришь?

Взволнованный, я разъяснил ситуацию, попутно сядясь за руль и включая двигатели. Индикаторы батарей показывали стопроцентный заряд — если Решетников не наврал, то этот показатель не должен меняться в течение лет пятидесяти. Да и то, если все эти пятьдесят лет мы будем ехать без остановки. Если наврал, то мы всяко сэкономим на наших “родных” аккумуляторах.

Я вырулил к основной дороге и повернул на мост. Через мост мы перебрались благополучно и снова углубились в лес.

Некоторое время молчали, переваривая события утра.

Молчание первым нарушил Витька:

— Там... в Посаде ты назвал себя другим человеком... Сказал, что у тебя была другая жизнь. Что ты имел в виду?

Вот, блин, вспомнил! Ладно, кажется, пришло время ввести моего спутника в курс дела, времени полно.

Вводил в курс дела я Витьку целый час, пришлось отвечать на массу вопросов об обычном мире — что такое визитки, как можно быть безработным, куда смотрят Модераторы, почему за жилье надо платить и почему кафе — это не столовая, где похавать можно бесплатно, и зачем вообще туда ходить.

Когда я закончил, описав пробуждение в “Квест-зале”, Витька спросил:

— А вдруг вся твоя предыдущая жизнь и есть глюк?

— Да не может этого быть! — неожиданно для самого себя крикнул я.

— Ладно-ладно...

— Тогда надо предположить, что прямо сейчас у меня глюк и ты мне мерещишься!

— Но я же знаю, что настоящий...

— Вот и я знаю! И жизнь моя прежняя настоящая! Ваша Вечная Сибиря с этим дерьмовым полем — всего лишь зона экспериментов плохих людей, вы все марионетки, просто не понимаете этого. А вокруг вас обычный мир... И он гораздо лучше вашей Сибири.

Витька помолчал. Ровно гудели двигатели, машина покачивалась на неровностях, шелестела трава под днищем, о лобовое стекло разбивались мошки.

— В вашем мире все счастливы? — внезапно спросил Витька.

— Не все, но возможности для счастья есть у всех.

— И нет рейтингов, Модераторов и Админов?

— Я же сказал, что нет, — проворчал я, а сам подумал о базах данных и социальном рейтинге в некоторых странах. И про ментов, которые не лучше Модераторов. Твердо повторил: — Нет. Ни рейтинга, ни чипов в башке. И Модераторов тоже нет.

— Классно! — обрадовался Витька. — Значит, мы едем в твою страну?! Получается, жить там хорошо! Наверное, это Республика Росс, о которой ты говорил?

— Нет, про Республику Росс я ничего не слышал. Моя страна называется Россия, и это не Республика, а Федерация.

Я рассказал о надписи на пластине под капотом. Витька об этом впервые слышал.

Мы ехали примерно часа два. Солнце поднялось над головой, было жарко, как в тропиках. Дорога ухудшилась, мы ползли еле-еле, объезжая бездонные ямы и поваленные замшелые стволы. Нас окружал лес без признаков жилья. Возле небольшой речки с заросшими берегами мы остановились на обед. Индикаторы батареи по-прежнему показывали 100 %, хотя должны были немного подсесть. Я старался сильно не радоваться этому обстоятельству, чтобы не сглазить.

Во время стоянки Витька заглянул под капот, убедился насчет надписи о Республике Росс и Поганом поле. Наглядное подтверждение моих слов его поразило, будто он до последнего мне не верил. Долго молчал, потом, когда тронулись в путь, заговорил:

— Почему раньше не сказал, что из другого мира? И про апгрейд?

— Когда раньше? — недовольно спросил я.

— Да хотя бы вчера, когда мы полдня в грозу в том доме прятались. Нам разговаривать не о чем было.

Я поджал губы, не отрывая взгляда от дороги. Чувствовался некий наезд от Витьки.

— Не хотел.

— А что ты хотел?

— Я просто хотел домой! — раздраженно сказал я. — И до сих пор хочу! Это моя главная и единственная цель!

— Я заметил. Ты перед гением не защищал Вечную Сибирю, хотя некоторые жители к тебе отнеслись с добротой.

Вот чего не люблю, так это того, когда кто-то — особенно салага — начинает мне читать мораль и в чем-то упрекает.

— А некоторые отнеслись не с добротой! — огрызнулся я.

— Теперь будешь им мстить? Как Решетников?

Я с трудом удержал в себе зародившийся огненный ком злости. Спокойно сказал:

— Я никому ничего не должен, усек? Всем не поможешь, вот я и не рыпаюсь. Я человек маленький и прекрасно это осознаю. Моя хата с краю.

— Тебе начхать на всех, да? Как и на меня. Ты меня взял с собой, потому что я тебе нужен.

— Мы оба друг другу нужны, — поправил я. Злость немного отступила.

— Я понял, — не стал спорить Витька.

— Ты вроде не имел ничего против того, что у нас деловые взаимоотношения.

— И сейчас не имею. Просто хочу тебя понять.

— Понял теперь?

— Нет. Вот ты хочешь домой. Но ты не дома — ты в Поганом поле. А рядом я и иногда другие люди. Почему бы тебе с нами не подружиться по-настоящему, а не просто использовать, когда нужно? Ведь когда я тебе перестану быть нужным, ты меня бросишь?

— Усыновлять точно не буду.

— Родители мне не нужны. Только друзья.

— Вот и найдешь друзей среди Отщепенцев.

— Если Великая Сибиря — зона экспериментов, то нет никаких Отщепенцев. Можно спрятать в тайге маленькие посадки, но нельзя скрыть большие поселения.

Он был прав. Я не ответил. Некоторое время ехали молча, тайга не менялась, небо в узкой полоске между кронами наверху бледнело. Я начал дремать — наступил водительский транс, — но в какой-то момент рывком пришел в себя: лес неожиданно кончился, потянулись поля.

Вдали, прямо по курсу над горизонтом вздымались циклопические небоскребы — повыше нью-йоркских, наверное. Прямоугольные, цилиндрические, треугольные, трапециевидные, всевозможных причудливых форм. На сверкающих стенах некоторых высоченных зданий зеленели пятна растительности — на балконах росли целые рощи.

Обомлев, я нажал на тормоз слишком резко, и мусоровоз нырнул носом вперед, Витька уперся ладонями в панель, я вцепился в руль.

— Что... за... херня? — выдавил я.

Витька несколько раз вдохнул и выдохнул. Проговорил:

— Зона экспериментов, говоришь?..

Глава 7. Город и кратеры

Мусоровоз застыл посреди дороги. Полотно покрывали сор и ветки, нанесенные ветрами. Было удивительно тихо, разве что легчайший ветерок шумел в разнотравье за обеими обочинами и хрустели мои пальцы, вцепившиеся в руль, пока я, хлопая глазами, таранился на городской пейзаж.

Город определенно покинут и заброшен. Когда-то это была ультрасовременная столица — настолько ультра и настолько современная, что Москва и Дубай отдыхают.

— Ты это видишь, Витька? — пролепетал я. — Ты точно это видишь?

— Да вижу я! — выпалил Витька. И я осознал, что задаю этот вопрос в третий раз.

С усилием я оторвал окаменевшие пальцы от руля и выскочил из кабины, чуть не наворачнувшись при этом. Спрыгнул на землю, отошел от машины, не отрывая взора от монументальных зданий вдали. Схватился за голову.

Мираж не желал исчезать.

Мой бедный рассудок кое-как вместил в себя Посады, квест-залы, Поганое поле с Уродами и дворец чокнутого гения. Но этот мегаполис никак не укладывался в башке, сознание не принимало его, отвергало, внутренний голос с маниакальным упорством твердил, что у меня галлюцинация, но органы чувств с тем же упорством уверяли в обратном.

Я бегал от машины к обочине, то хватался за голову, то садился на корточки, при этом без остановки матерясь. Вроде бы повторял одно и то же нецензурное слово, выражающее крайнюю степень изумления и потрясенности.

Гигантский полис обязан быть заметным со всех спутников, самолетов и дронов, черт побери! Да его увидит любой охотник и рыболов, забредший в эти леса, с расстояния в десяток километров! Нельзя, невозможно скрыть такое!

Витька молча сидел в кабине, смотрел то на город, то на мои ужимки. Помалкивал, ждал, когда я успокоюсь.

И я мало-помалу успокоился — силы бегать по кругу истощились. Я сел на теплый асфальт, обнял колени и попытался думать рационально.

Итак, кричи не кричи, бегай не бегай, но перед нами футуристический город, которого не должно быть на свете. И он совершенно не уместится в рамках моей теории об экспериментальной зоне. А из этого вытекает, что теорию пора спускать в унитаз. Это не экспериментальная зона, скрывающаяся невероятно могущественными Рептилоидами. Нет, это нечто совсем другое.

Это иной мир. Скорее всего, будущее.

Я захихикал, затрясшись всем телом. Подумать только: я в будущем!

Я не хочу в это верить. Пусть лучше будут Рептилоиды с их экспериментальной зоной, чем будущее, потому что из зоны есть надежда сбежать и вернуться домой, а из будущего не сбежишь...

Стоп. А если это не будущее, а параллельное измерение, похожее на наш мир? В этом измерении тоже разговаривают по-русски, наверняка где-то в других местах общаются на английском или тибетском. Есть и различия в географии и физике. В этом измерении есть Республика Росс, Вечная Сибيريا и Уроды с Лего.

Я попал в другое измерение, следовательно, есть шанс проделать тот же переход — в обратную сторону.

Я вскочил на ноги. Размышления привели в чувство, придали бодрости, вселили надежду. Надежда умирает последней, так не будем раньше времени сходить с ума.

Сев за руль, я посидел немного, напряженно размышляя. Потом повернулся к терпеливо ожидающему Витьке и спросил:

— Витька, что знаешь о Великой Отечественной войне?

Он не слишком удивился вопросу, пожал плечами.

— Мы в школе проходим только историю Вечной Сибири. Мне она не нравится, в сон вгоняет.

— А химию? — не сдавался я. — Таблицу периодических элементов проходили?

— Проходили, — оживился пацан.

— А кто эту таблицу по легенде во сне увидел? Кто ее изобрел?

По лицу Витька было понятно, что он, как говорится, ни в зуб ногой.

— Дмитрий... — подсказал я. — Ну? Менделеев!

— Не слышал о таком.

— А Дарвина знаешь? Эволюцию видов проходили? Биология!

— По биологии мы больше про то, как сеять и урожай выращивать, изучали. И ветеринарию — как за скотиной ухаживать.

— Ладно, — воодушевившись, продолжал я. — Пушкина знаешь?

— Пушкина знаю, — отозвался Витька, и у меня упало сердце. Выходит, не параллельное измерение, а все-таки будущее? — Васян Пушкин. Это наш кузнец. Хороший кузнец, только “Тишь-да-гладью” злоупотребляет.

— Так, понятно, — сказал я. — Ты слышал когда-нибудь про Соединенные Штаты Америки? Про Европу? Африку?

— Слышал. Про Египет и пирамиды знаю — про них Решетников рассказывал еще.

Ах да... Стало быть, местная география почти аналогичная... И не факт, что в этом мире не было Менделеева и Пушкина — просто Витька про них не знает... Опять тупик.

Ладно, как-нибудь проясним это дельце.

А сейчас поглядим на город.

Я включил двигатели, искоса глянул на Витьку. Тот сидел нахмурившись, словно пытаюсь что-то вспомнить.

По мере приближения к мегаполису дорога расширялась, качество ее улучшалось, посередине выросла разделительная полоса из белого бетона, появилась полустершаяся разметка, возникли дополнительные линии. Встречались проржавевшие насквозь остовы автомобилей неизвестных мне марок — некоторые крохотные, как на одного человека, некоторое огромные, как английские двухэтажные автобусы, только в разы шире.

Не сразу, но я все же обратил внимание, что нигде нет дорожных знаков, рекламных билбордов и табличек с названиями. Зато вдоль дороги регулярно попадаются четырехгранные, сужающиеся кверху тумбы с меня ростом неизвестного предназначения. Зачем они нужны — непонятно.

По обеим сторонам автострады выросли различные постройки. Непохожие ни на заправки, ни на магазины с СТО. Чему они служат, догадаться трудно из-за разрушений. Судя по характеру разрушений, над постройками и их прискорбным видом поработало не

только время.

Несколько раз мы проехали под грандиозными мостами, один раз сами очутились на мосту — местность за пределами автострады внезапно нырнула вниз, и Витька радостно воскликнул: мы словно взлетели.

Здания становились все выше и причудливее. Архитектура поражала разнообразием, не попадалось ни одного стандартного строения, а форму обычного параллелепипеда — самую частую форму зданий — архитектор города, похоже, ненавидел всеми фибрами, поскольку ее не было от слова “совсем”. Цилиндрические, тороидальные, уступчато-пирамидальные, трапецеидальные — все эти городские сооружения имели широкие балконы, а иногда и большие террасы.

Насколько я мог разглядеть, дома были возведены из какого-то камня, немного шершавого на вид и окрашенного в самые разные цвета. Впрочем, камень выцвел, а сами здания выглядели так, будто подверглись артобстрелу.

На дороге попадались машины самого разного дизайна, преимущественно легкие, стремительных очертаний. От них остались одни корпуса, стекла выбиты, а внутреннее убранство превратилось в зеленоватые лохмотья.

Я ехал медленно, чтобы не столкнуться с одной такой навеки застывшей тачкой или провалиться в дыру в мосте. Витька без устали вертел головой.

Мы направлялись предположительно в центр, но из-за заторов несколько раз сменили направление. Светофоров и прочих знаков ПДД нигде не наблюдалось, зато на перекрестках, а изредка и посреди кварталов, торчали таинственные граненые тумбы. Множество деревьев и кустов между тротуаром и проезжей частью буйно разрослось. Плитку под растительностью густо усеивали сучья и листья. Породы многих деревьев я не опознал — в их плоских вершинах было что-то тропическое и ненашенское.

Мы углублялись в город, и разрушений становилось больше. Иногда от зданий оставался фундамент и пара обвалившихся стен. Груды строительного мусора перекрывали дорогу. Мы объезжали их или переезжали — у мусоровоза высокая посадка и все четыре колеса ведущие. Индикатор чудо-батареи Решетникова упрямо показывал 100 процентов.

Через полтора часа мы выехали на обширное открытое пространство, покрытое приземистыми корявыми кустами и травой, пробивающейся между плиткой. Высокие деревья, строения — короче, все, что торчало из земли, снесло чудовищным взрывом. Вскоре мы увидели эпицентр взрыва — колоссальный кратер идеально круглой формы раза в два больше мусорного карьера.

Я затормозил, когда усеянная каменной крошкой земля впереди ушла вниз. Далеко впереди открывался вид на противоположный склон кратера — серо-белый и гладкий на вид. Дальше, за склоном, на горизонте в туманной дымке расплывались остатки городских зданий.

Мы выбрались из кабины. Теплый ветер растрепал мне волосы и принялся играть с одеждой. С благоговением подойдя к краю кратера, мы заглянули вниз. Склон пологий — вполне можно спуститься — и тянется на треть километра вперед и вниз, до круглого озера внизу. Я пригляделся: склон напоминал растрескавшийся такыр в пустыне, сквозь глубокие и резкие трещины проросли вездесущие корявые кусты.

Витька потрогал “такыр” рукой.

— Как стекло...

— Когда-то здесь была нешуточная температура, — пробормотал я.

Спохватился — эй, а что насчет радиации?

Но апгрейд молчал. Значило ли это, что радиации нет или мой апгрейд дерьмовый?

— Спустимся? — предложил Витька.

— На хрена?

— Посмотрим. Вдруг чего полезного найдем.

— Ага. Лучевую болезнь.

Поворчав, я все же пошел вслед за Витькой. Скользил по гладкой поверхности стеклянистого вещества, старался не провалиться в трещины, хватался за кусты, когда терял равновесие. Вокруг на многие километры не было ни единого живого существа, кроме пролетающих в небе птиц.

Где-то на половине склона до меня дошло, что нам предстоит еще и обратная дорога — наверх. Но возвращаться не резон, и я продолжил упрямо идти-бежать-скользить вниз, к озеру.

К берегу озера добрались взмыленные под жаркими солнечными лучами. Склоны кратера возвысились над нами. Мы видели только голубое и очень высокое небо с легкими перышками облаков и больше ничего. Ни города, ни мусоровоза. Если кто-нибудь вздумает угнать нашу тачку, мы и не пойдем. А я, дурак, не додумался вытащить перфокарту и запереть двери... Хорошо, что хоть оружие прихватил.

Озеро имело примерно метров сто пятьдесят в диаметре. У самого берега вода прозрачная, теплая как в ванне, дальше дно покрывает зеленоватый ил.

— Искупаемся? — предложил Витька, которого не сильно волновало наше уязвимое положение.

Я секунду раздумывал. А почему бы, собственно, и нет? Раз уж приперлись сюда, надо бы и освежиться. Я не мылся несколько дней — последний раз принимал душ в бараке у тети в квартире.

Раздевшись и положив оружие поближе к воде (но не слишком близко, чтобы случайно не шлепнулось в озеро), мы зашли в воду. Вот будет весело, если окажется, что это кратер от атомной бомбы и миллион рентген в данный момент всю массу массируют каждую нашу офигевшую клеточку... Я постарался об этом не думать.

Витька весело нырял, сверкая голым задом, отфыркивался, плавал на спине. Я тоже нырнул и, открыв глаза, рассмотрел зеленое дно без намека на рыб. Вода в озере скапливается благодаря дождям и после недавней грозы вышла из берегов — поэтому ил вырос не у кромки воды, а глубже. Я заплыл метров на двадцать от берега, где дно было на глубине двух человеческих ростов. Из ила выпирали какие-то причудливые структуры, похожие на глиняные фигуры... У меня никак не выходило их как следует разглядеть.

Наконец, мне надоело, и я вылез на берег. Никто не нападал, было тихо и очень жарко из-за безветрия, и я сел обсушиться на разложенную на “такыре” одежде. Витька еще какое-то время бултыхался, потом выбрался ко мне.

— Смотри, что нашел, — сказал он, одной рукой отбрасывая мокрую челку, а другую протягивая мне ладонью вверх. На ладони лежала зеленая бусинка.

— Что это?

— Не знаю. На дне нашел случайно.

Я взял бусину и поразился, до чего она тяжелая. Будто из свинца. В то же время полупрозрачная, с многочисленными серебристыми тяжами внутри.

Меня пронзила нехорошая догадка.

Отчего возникают всякие тяжелые элементы в природе? От ядерного синтеза или распада.

И где вал земли, выкинутый из кратера при взрыве? Мы оба упустили этот простой факт и, наверное, подсознательно по этой причине не восприняли кратер за что-то опасное. Ну, и молчание моего апгрейда сыграло роль, естественно.

— Олесь, а что если это воронка от метеорита? — предположил Витька. — А зеленая штука — остаток от самого космического камня?

— А где земля, которая выплеснулась из кратера?

— Испарилась, — тут же ответил Витька. — Из-за высокой температуры. Превратилась в пар, и его унесло ветром.

— Точно!

Молодец Витька! Как я сам не додумался?

Если это результат падения метеорита, то все становится на свои места. Никакой радиации нет, земля испарилась, а сам удар разрушил город. Я вздохнул. Падение тунгусского метеорита наделало шороху в 1908 году, когда не было соцсетей, — что произошло бы в наше время, упали такой мощный метеорит?! Сейсмическая волна не прошла бы незамеченной, крик поднялся бы до небес. Никаких вариантов — я не в своем мире. Или в будущем, или в параллельном измерении.

Есть от чего подвиснуть. Я и подвис, видимо, раз сижу голый на дне гигантской воронки и как ни в чем не бывало загораю, ни о чем не переживая. Очевидно, чрезмерные впечатления и шок приводят в конце концов к противоположному результату — полному расслаблению и пофигизму.

Ну и ладно. Я жив, здоров и не в карцере. Наоборот, свободен как никто.

— Возьмем с собой? — с азартом спросил Витька, имея в виду зеленый камушек. Его страсть к собиранию разного не-хлама никуда не делась.

— Возьми, — равнодушно разрешил я.

Мы начали одеваться, и я с грустью посмотрел на свои поношенные и залатанные шмотки. Другой смены одежды у нас нет — некогда было прихватить, торопились свалить из Вечной Сибири. А это плохо. Когда-нибудь — скорее всего, очень скоро — она развалится на лоскуты, а заменить нечем.

— Знаешь что, Витька? — сказал я. — Есть идея. Слышал такое слово — “шопинг”?

Я “припарковался” у одного более-менее целого здания о шести этажах. Сзади здание было ровное, а спереди — уступчатое: второй этаж был меньше первого, третий — меньше второго, и так далее. Таким образом, на каждом этаже образовывались широкие террасы. У здания имелся подземный гараж, заваленный мусором и кусками шершавого камня. Неизвестно, откуда взялись эти камни — стены первого этажа сохранились в целости, включая стеклянную, ни трещинки не отыщешь.

Чутье и опыт меня не подвели: на первом этаже располагался бутик. И — тут нам повезло — бутик мужской одежды.

Бутик занимал большую площадь, заполненную рядами висевшей на вешалках одежды, и ничем особенным не отличался от тех магазинов, к которым я привык. Правда, на выложенных геометрическим узором потолках не было ни намека на светильники или то, к чему они раньше крепились. Пол на вид мраморный или сделанный из материала, похожего на мрамор. В нескольких местах у круглых колонн белели тумбы, чем-то похожие на те, что

постоянно встречались на дороге, но гораздо компактнее, мне по грудь.

Шмотки на ощупь были сырые и склизкие и пахли плесенью.

— Много лет и зим висят, — сказал Витька. — У нас зимы сырые, дождливые, вот плесень и прицепилась.

Про дождливые зимы он мне давненько говорил, но я не слушал. Не хотел слушать, упрямо твердя про себя об экспериментальной зоне...

— Не отстирываются? — спросил я.

— Вонять будут.

Я с ним согласился. Одежда испорчена, ничего не поделаешь.

Мы немного погуляли по залу, держа автоматы наготове. Я попытался открыть одну из дверей в дальнем конце зала. Она не открывалась. Табличек и надписей нет — и не только на этой двери, вообще нигде. Что очень странно...

Я вернулся к вешалкам и принялся рассматривать одежду на предмет надписей. Шмотки выглядели недурно, стильно, в основном легкая летняя одежда вроде футболок и шортов. И тоже — никаких надписей. Удивительно!

Достав мачете, я сунул лезвие в щель между дверью и косяком, надавил. Лезвие выдержало, а дверь — на вид пластиковая — нет. Хрустнуло, и дверь открылась, замок оказался вырванным с мясом. Подскочил любопытный Витька, и мы вместе заглянули в темное узкое помещение.

Это был склад с полками до самого потолка. Полки заполняла сложенная в пластиковых пакетах одежда. Я разорвал один, вынул белый лонгслив из тонкой, похожей на марлю, ткани и прошитым красной нитью воротом, понюхал. Плесенью не пахнет, а ткань сухая и на ощупь приятная.

Обрадовавшись, мы с Витькой полчаса рылись среди этих пакетов, выискивая свой размер. На пакетах не было никаких надписей и знаков, зато в слабом свете из зала поблескивала голограмма, которую, видимо, считывали специальным прибором. Нам же приходилось вспарывать все пакеты и примерять одежду перед огромным зеркалом в торце торгового зала.

В итоге мы неплохо прибарахлились. Устав переодеваться, запасливый Витька прикатил тележку, сгреб все, что было на полке, и укатил на мусоровоз. После трех рейсов на складе остались лишь порванные пакеты.

Вышли из магазина мы принаряженные. Я — в понравившемся мне лонгсливе из марлевки и коротких штанах с накладными карманами. Этот прикид странно сочетался с моими берцами, но обувь в этом магазине не “продавалась”. Витька — в футболке навывпуск и тоже шортах. Теперь он больше походил на подростка из обычного мира, разве что был сильно загорелым, будто смотался на юга.

Близилось время обеда, и мы перекусили в машине, затем отыскали другой магазин — на сей раз обувной. Наученные опытом, мы сразу прошли к складу и с удовлетворением убедились, что обувь на складах тоже пребывает в вакуумных пакетах. Обувь на складе была сплошь летняя — сандалии, шлепанцы и сетчатые мокасины. Я снял опостылевшие берцы с позорными портянками и надел кожаные сандалии. Прежние говнодавы я хотел оставить тут же, но Витька утащил их в кузов, сказав, что они могут пригодиться.

— Ты, я вижу, вообще ничего не выбрасываешь? — усмехнулся я.

— У нас в Посаде не принято годными вещами разбрасываться, — ответил Витька.

В относительно целом районе города, где к небу устремлялись высоченные небоскребы,

мы изучили несколько зданий и площадей. Судя по всему, здесь было много фонтанов, бассейнов и водных артерий, затененных декоративными деревцами, ныне одичавшими или высохшими. В безводных каналах лежали разбитые лодки с навесами — когда-то давно люди катались на этих каноэ, как по каналам Венеции.

Множество крытых лестниц вело под землю — в метро или в подземные переходы. Мы не рискнули туда спускаться, в темноте прячутся Уроды со товарищи.

Витька нашел на огромной террасе спирально закрученного здания взлетную площадку с обломками маленького летательного аппарата с двумя вертикальными винтами. Рядом горделиво возвышалось другое здание, с которого раньше, по всей видимости, низвергался искусственный водопад. Почти под каждым строением под навесом можно было посидеть в кофейне или кафешке.

Это был красивый город, полный садов, воды, тени и живописной архитектуры. Его покинули одномоментно, побросав все вещи. В нескольких квартирах на первых этажах мы обнаружили, что хозяева взяли, похоже, лишь то, что было на них в момент катастрофы. Квартиры, как и многие другие помещения, заросли желто-зеленой плесенью со специфическим запахом, ткани, обивка, книги безнадежно испортились, превратившись в мерзкую гниющую заплесневелую массу. Мебель в этом городе не особо приветствовалась — все шкафы и холодильники встраивались в стены. Иногда даже кровати располагались в специальных нишах.

Обычные тканевые шторы тоже не приветствовались — жители города предпочитали жалюзи: вертикальные, горизонтальные и ромбовидные, складывающиеся сложным причудливым образом. Все эти жалюзи или ролл-шторы почти не пропускали свет; когда я закрыл одно окно, стало темно, как ночью.

Нигде я не нашел компы и телевизоры. Зато одна или две стены в каждой квартире были из особенного гладкого белого материала, отличающегося от материала других стен. Я предположил, что это проекционные экраны, которые служили и в качестве телека, и монитора компьютера.

Также я не увидел нигде признаков отопления — ни явного, ни замаскированного под часть интерьера.

На стенах на месте выключателей блестели овальные гладкие экраны. Вероятно, сенсорные панели. Я потыкал их пальцами — никакой реакции.

— Итак, — начал я загибать пальцы, когда мы вышли на улицу. — Здесь нет нормальной мебели... нормальной с моей точки зрения... кнопок, надписей, отопления, освещения и...

— И трупов, — договорил за меня Витька.

— А?

— Тел нет. Скелетов и так далее. Они все убрали за собой.

— Может, никто не погиб, — ляпнул я.

— Ага, — насмешливо сказал Витька. — В таком огромном городе, и никто не погиб? А старики? А инвалиды? Когда рухнул метеорит, повалились и разрушились здания — как бы люди успели смыться?

— Верно, — смущенно согласился я. Мозги работали скверно, слишком много впечатлений получили сегодня. И рухнула моя версия случившегося. Я никак не мог уразуметь, что нахожусь в ином мире.

— Они вернулись в город после катастрофы, — продолжал Витька. — Забрали всех, кто

не успел спастись. А вещи не забрали. Знаешь, почему?

— Почему?

— Спешили убраться, видать. Некогда было.

— Куда спешили?

— Не куда, а откуда. Из Поганого поля.

Меня осенило.

— Думаешь, Поганое поле появилось после падения метеорита?

— Ну да.

Я сглотнул. Поганое поле — инопланетного происхождения? А Уроды — инопланетяне, который раньше жили на планете без солнечного света, поэтому у них светобоязнь? Лего — это роботы Уродов?

Все складывалось в полноценную картинку. И была она настолько фантастической, что дурно становилось.

Нет, мысленно перебил я сам себя, Уроды — земного происхождения. От них прямо-таки веет чем-то скорее потусторонним, нежели инопланетным. Хотя откуда мне знать, чем должно веять от инопланетян? Просто во мне жила иррациональная уверенность, что отвратительные ночные бледные существа выбрались скорее из преисподней, нежели спустились со звездных высот.

Я спросил:

— Ты об этом слышал раньше? О метеорите? В школе не проходили?

— Нет, — твердо сказал Витька. — Ничего такого нам не преподавали.

— Чему вас, блин, учили?

— Величию Вечной Сибири.

— Понятно.

Солнце зашло за ближайший небоскреб. Его верхние этажи сплошь зияли выбитыми окнами, несколько нижних сохранилось лучше. Видимо, взрывная волна ударила по верхней части сооружения, а внизу ее погасили другие постройки. День близился к вечеру, было по-прежнему душно и жарко, в неподвижном воздухе носилась мелкая мошкара.

Я посмотрел под ноги. Тротуар состоял из розоватых упругих ромбов, растрескавшихся и поблекших от времени. Между тротуарной плиткой и бордюром, отделяющим ее от проезжей части, чернела узкая щель, в глубине которой поблескивал металл. Я наклонился, поковырял веточкой.

Кажется, под мостовой прятался механизм, похожий на тот, что двигает эскалатором.

— Движущиеся тротуары! Круто, — сказал я.

— Чего? — не понял Витька.

— Потрясный был город. Слишком крутой даже для моего мира.

Я помолчал. “Моего мира” — звучит-то как?! Наверное, я уже смирился, что влип в другой мир.

Если я в другом мире, то куда еду? Сбежать не удастся. Равно как и найти Димона, чтобы дать в глаз. У Отщепенцев может быть хуже, чем в Вечной Сибири. Впрочем, жители Вечной Сибири редко, но все же мигрируют к Отщепенцам, но никто не возвращается.

Аня сказала, что ушедших назад не пускают. Мда, дела... Путь в Сиберию нам с Витькой заказан, да и пропади она пропадом, жить я в бараках не намерен. Посмотрим, каково у Отщепенцев. Вдруг лучше? Человек всегда надеется, что на другом склоне горы

травы зеленее...

Витька насторожился, поднял автомат.

— Кто это?

Я вскинул голову, посмотрел наверх, на террасу, что нависала над нами. Над парапетом метрах в пяти от тротуара мелькнуло что-то темное, вроде бы чья-то лохматая голова. Сразу исчезла.

Не сговариваясь, мы побежали к ближайшей дугообразной лестнице, что вела на террасу. Ступени были широкими и невысокими, рядом с лестницей тянулся пандус с хромированными перилами.

На террасе никого не оказалось. На светло-серой поверхности валялся мелкий сор, стеклянные двери нараспашку, в глубине этажа полумрак и неизвестность. Если за нами и следил человек, то передвигался он с потрясающей скоростью и без единого звука.

— Наверное, кошка, — заключил я. — Ладно, зайдем внутрь, поглядим, как там и что.

Через распахнутые двери мы проникли в небольшой вестибюль с прогнившими от сырости диванами и креслами. В кадках давным-давно засохли и рассыпались в труху кусты или деревца, за стойкой когда-то сидел, надо полагать, консьерж. Стол у консьержа был пустой, с белой гладкой поверхностью. Представилось, как раньше по этой поверхности бегали светящиеся знаки. Лифт соседствовал, как это обычно бывает, с лестничной площадкой. Всюду налипла сочащаяся влагой желто-зеленая плесень, в углах помещения она почернела.

Мы прогулялись мимо лифта и стойки, остановились перед дверью, на вид деревянной. Я толкнул ее дулом автомата, она тихо открылась.

За дверью находилась квартира с просторной гостиной, двумя спальнями, кухней и ванной. Здесь тоже все отсырело, покрылось вездесущей плесенью, которая кое-где висела целыми бородами. На кухне валялись разбитые тарелки, электрическая плита перевернута, на полу скопилась вода, попадающая через разбитое окно.

Неожиданно я увидел на столе прямоугольный прибор, напоминающий радио. Он полностью вышел из строя, зарос плесенью и проржавел, считай, насквозь, но у меня возникла идея послушать эфир. Что если мы услышим передачу, которая прояснит до невозможности туманную ситуацию? В мусоровозе никакого радио нет.

— Витька, у нас среди не-хлама есть радио?

— Рация только.

— Какой радиус действия?

— Три-четыре километра.

— Маловато. — Я указал на “радио”. — Сможешь это отремонтировать?

Витька достал из кармана складную отвертку, выковырнул заднюю крышку, брезгливо потряс руками — к пальцам прилипли лохмотья плесени.

— Не-е. Смотри, во что микросхемы превратились.

— А если мы найдем радио получше?

— Тогда можно попробовать. Но придется пошариться по местным хатам.

— Задержимся на ночь и завтра поищем. Не против? Если... — Я запнулся. — Если этот параллельный мир, то спешить нам некуда. Той страны, из которой я прибыл, нет на карте, на мусоровозе не доедешь. Надо привыкать жить в Поганом поле... Возможно, среди Отщепенцев.

На ночь разбили лагерь на окраине, посреди обширного открытого пространства, поблизости от еще одного кратера, поменьше. На его дне скопилась вода, но грязная, мутная и негодная для купания. Подобных кратеров в округе насчитывалось четыре штуки разного размера. Я подозревал, что их больше.

Апгрейд упрямо молчал, и я плюнул на осторожность. Пусть радиация, мы все равно уже должны ею пропитаться с ног до головы. Зато видно вокруг хорошо, а к нам трудно подкрасться.

Витька был недоволен, что расположились мы на цементном покрытии, а не на рыхлой земле, которую можно копать — к примеру, вырыть ямку для очага или отходов. Но я отказался уезжать ближе к лесу, откуда может выскочить какая-нибудь чупакабра. Если на нас навалится легион Уродов, открытая местность не особо поможет, но отдыхать вдали от зловещих заброшенных зданий и темных лесных чащ комфортнее чисто психологически.

Мы воздвигли палатку, вбив черенки в щели между цементной плиткой, развесили гирлянды, электрическую цепь подключили к чудо-батарее Решетникова. Расставили складные стулья, уселись и наблюдали, как постепенно темнеет, как высыпают первые звезды и над изломанной линией горизонта поднимается молодая луна. Задул и вскоре стих легкий ветерок, принесший вечернюю свежесть.

Некоторое время молчали, думая каждый о своем. Наконец Витька спросил:

— Слушай, Олесь, если ты из другого мира, то с кем я тогда дружил все это время? С кем мы... э-э-э... лут собирали?

— С другим человеком.

— Получается, он меня тоже бросил?

— Не “тоже”, не накручивай, — набычился я. — Я тебя не бросал. А моего предшественника, скорее всего, схватили и отправили на каторгу.

“Или расстреляли в темном уголке”, — подумал я, но не стал высказываться.

Витька помрачнел, насупился, засопел.

— Что? — буркнул я. — Загорелось его спасать?

— Мы с ним планировали бежать, — сказал Витька. — С ним долго готовились. А ты... явился на готовое.

При этих словах он вжал голову в плечи, словно ждал, что я вскочу и буду его молотить кулаками.

Но я хихикнул и сказал:

— Вот такой подонки попался тебе в спутники! Терпи.

Уголок губ у Витьки изогнулся кверху.

— Терплю.

Я откашлялся.

— Согласись, со мной весело, по крайней мере. Бывший Олесь, или как его там, был мрачным и хмурым. Я же не такой, да? Хотя... наверное, ты все равно ненавидишь меня.

— Я тебя не ненавижу, — возразил Витька. — Ты поссорился с Модератором и в карцер загремел — на это подонки, которых надо ненавидеть, не пойдут. Подонки с Модераторами бы обнимались и жопу им целовали.

— Как Даша?

— Даше приходится с ее работой-то. И без мужика. У нее муж был, Серега, хороший, справедливый мужик. На каторгу загремел.

Я привстал.

— Да ну? Она мне не говорила.

— А с чего бы ей об этом говорить?

— За что его на каторгу?

— Он как ты был.

— Понял.

— Серега перед каторгой на допросе уверял Админа, что Даша с ним постоянно ссорилась, не одобряла его поведение. Поэтому ей рейтинг не сильно сняли. А то бы не смогла работать в столовке, на рудники бы упекли.

— Спас ее, получается?

— Ага.

После паузы я спросил:

— С каторги возвращаются?

Несмотря на сумерки, я рассмотрел выразительный взгляд Витьки. И понял без слов.

Вздыхнув, я встал, поправил неразлучный автомат, взял железнодорожный фонарь (он светил во все стороны, а не узким лучом) и пошел за границу гирлянды.

— Ты куда? — встревожился Витька.

— Посрать надо.

— Далеко не уходи.

— И че, прям здесь сесть? Чтобы воняло всю ночь? Тут цемент, не прикопаешь.

Витька что-то заворчал, но я не слушал. Быстрым шагом отошел к краю кратера. Царила тишина, стояли синие сумерки, узкий серп луны светил еле-еле, зато фонарь разгонял полумрак на десяток метров вокруг. Скоро луна увеличится, и ночи будут намного светлее. А потом опять непроглядными...

Я оглянулся — освещенный гирляндой лагерь совсем близко, Витька пристально глядит мне вслед, видит свет моего фонаря. Нет, так не пойдет. Я не страдаю избытком щепетильности, но облегчаться в ярких лучах фонаря под бдительным взором малолетнего друга — это “ту мач”.

Я спустился по склону кратера мимо кустов, растущих из трещин стеклянистого вещества, стараясь не поскользнуться и не свернуть шею. Добравшись почти до кромки воды — склоны здесь были небольшие, — поставил на землю фонарь и сделал свое нехитрое дело. После этого помыл руки в озерце — вода не совсем чистая, но для гигиенических процедур сойдет, пить я ее не намерен.

Когда поворачивался, чтобы отойти от воды, одна нога скользнула-таки на мокром “такыре”. Я не упал, но мотнулся всем телом и другой ногой нечаянно пнул фонарь, который не замедлил свалиться прямо в воду. Булькнуло, фонарь погрузился на мелкое дно, продолжая светить, но на берегу сразу опустилась темнота.

Чертыхаясь, я потянулся за фонарем. Он лежал вроде бы совсем неглубоко. Но вода искажала перспективу — дотянуться не удавалось. Я чуть не свалился.

Что-то легко коснулось шеи, ощущение было такое, будто кто-то щекотал меня травинкой. Я отмахнулся, развернулся, вскидывая ствол — в полумраке прочь отлетела небольшая тень.

Надо возвращаться. Без света лучше долго не оставаться. Черт с фонарем, завтра выловлю, при свете дня.

Потопал наверх, но одолела неожиданная слабость — в ушах зашумело, в глазах потускнело сияние луны. Стало дурно. Не удержавшись, я сел на склон, потряс головой.

По шее текло теплое. Я потер рукой — липко. Это что, кровь? Но откуда? Когда меня ранили? Я не чувствовал ни малейшей боли!

— Эй! Олесь! — донесся голос малого.

Вспыхнул луч фонаря наверху, на краю кратера. Витька спускался, светя на меня фонарем. Мохнатое и легкое, как пушинка, тело соскользнуло с моей спины, мелькнуло сбоку, похожее на летучую мышь размером с кошку, с висящим, как у осы, брюшком.

— Ты как? — спросил Витька, подбегая ко мне.

Я поглядел на него снизу вверх. Слабость не отпускала. Голос Витьки слышался как бы издалека. Еще немного, и я рухну в обморок.

— Что-то мне поплохело...

— Тебя Вампир покусал! Ты весь в крови. Идти можешь?

Я попытался подняться на ноги — они подогнулись. Витька подставил плечо, он хоть и маленький, но жилистый и крепкий. С его помощью я, как древний старец, с превеликим трудом доковылял до края кратера. Мысли путались: вампир... какой еще вампир?

— Мой фонарь, — пробормотал я, плохо соображая, что несусь.

— Да фиг с ним!

Витькин фонарь светил как раз таки узким лучом. Но мощным. Витька шарил этим лучом среди кустов, справа и слева, вверх и вниз, не останавливаясь ни на секунду. Иногда в темном небе луч выхватывал стайки нетопырей. Или вампиров?

Сознание у меня держалось на соплях.

Внезапно включился апгрейд:

СОСТОЯНИЕ ЗДОРОВЬЯ — ДЕБАФФ 35 %.

Дебафф — это отрицательный эффект в игре, урон. В моем случае от кровопотери я дебаффнулся, так сказать.

— Быстрее! — прошипел Витька, и я услышал нотку паники в его голосе.

Оглянулся — в темной чаше кратера на фоне поблескивающего в лунном свете озерца шевелились черные фигуры. Существа выбирались из воды и, тяжело шлепая ногами, поднимались за нами по склону.

— Големы! — прошептал Витька. — Только не теряй сознание, я тебя не дотащу!

Я напряг оставшуюся волю. И добрал до светозарного круга лагеря. Переступив границу, отмеченную гирляндой, повалился наземь. Сердце стучало с бешеной скоростью. Даже не стучало, а трепыхалось, как рыбка в мордучке. Я поднял руки — они были в моей крови. И рубашка тоже.

Витька убежал к машине, вернулся с аптечкой, достал бинты, перекись, какие-то пахучие мази.

— Дебафф хренов... — лепетал я, теряя сознание, но понимая, что мне повезло, что сегодня я не умру. Пронесло. — Витька... Ты мой драгоценный хил... Heal — это лекарь... Клянусь, с этой минуты я буду срать только на самом ярком свете...

Глава 8. Боевой ботаник

Утром оставались отголоски слабости из-за кровопотери, но после плотного завтрака — разогретых на небольшом костерке мясных консервов — и крепкого чая я пришел в относительную норму.

При воспоминании о ночном приключении пробирала дрожь. Я ведь совершенно не почувствовал вампира, присосавшегося к шее. Он выхлебал бы всю мою кровь, а я бы в ус не подул! Пока не загнулся бы.

И потом — Големы! Не их ли я заметил под водой в большом кратере?

— Сколько разновидностей Погани знаешь? — спросил я Витьку.

— Уроды — раз. Лего — два... Кстати, они бывают разные, большие и маленькие. Вампиры — три. Големы — четыре. Грибы хищные — пять. Явления — шесть. Пустые — семь. Старики говорят, что еще есть виды.

— Что за Явления?

— Типа привидений или духов... Хотя какая между ними разница? Короче, они через стенку проникать умеют.

— Вот хрень! — вырвалось у меня.

— Они все света боятся, — успокоил Витька.

— А Пустые?

— А вот про них вообще никто ничего толком не знает. У них внутри ничего нет.

— Да ну, кэп? — насмешливо сказал я.

Витька спокойно ответил:

— Я не кэп. Я говорю то, что слышал.

Я отхлебнул чаек.

— Будем надеяться, что эти поганцы к нам в гости не заявятся.

После завтрака Витька отправился в кратер за утопленным фонарем. Он твердо следовал своему кредо не разбрасываться никакими вещами. Я поковылял за ним, но к озерцу, где, как оказалось, прячутся Големы, не спустился. Днем Големы, как и прочая Погань, безвредны, и я лично плавал в паре метров от них, но инстинкты требовали держаться от них подальше.

Первую половину дня мы посвятили обыску домов на предмет радиоаппаратуры, которая сгодилась бы для прослушки эфира. Но ничего подобного не отыскали. По ходу тот прибор, который попался мне на глаза в квартире, был исключением, раритетом, что ли. Или хозяин квартиры коллекционировал радио, но в связи с чрезвычайной редкостью раритета заимел только один экземпляр, которым регулярно любовался на кухне. В этом мире радио вполне может быть чем-то вроде телетайпа в моей вселенной или шифровальной машины “Энигма” времен Второй Мировой — причудливой и бесполезной диковиной.

Удивляло тотальное отсутствие гаджетов вроде наших смартфонов и планшетов. Допустим, в каждом доме есть визуальные поверхности на стенах и столах. Но разве жителям города не нужны средства дистанционного общения в дороге или за пределами города? Я копался во всех шкафчиках и закутках домов, оттирая наслоения липкой плесени, но не нашел ни смартфонов, ни виртуальных очков. Точнее, темные очки попадались, как и очки с прозрачными стеклами, но не было намека на встроенный интерфейс и мало-мальскую плату.

Предположим, здешние технологии таковы, что я и не отличу обычные очки от виртуальных. Однако, судя по всему, технологии не сильно отличаются от привычных для меня. В этом городе нет ничего по-настоящему запредельно продвинутого, все приборы имеют аналоги в моем мире, просто в этом городе их концентрация достигает максимума. Это своего рода Дубай, в который вбухали чудовищное количество бабла, чтобы он потрясал весь мир своими грандиозными понтами.

Я спросил себя: хотел бы я жить в таком городе? Наверняка здесь бушевал бешеный ритм жизни — впрочем, как и в любом крупном полисе моего мира. Впрочем, обилие кафешек указывало и на то, что горожане умели бездельничать. Теплый климат, технологии, красота архитектуры — да, я бы пожил в таком городе... Но не безработным, снимающим тесную квартирку.

Обшарив три огромных многоквартирных небоскреба, мы сделали передышку на террасе, где когда-то цвел сад. Здание имело вид ступенчатой пирамиды, над нами нависали еще террасы с садами. Витька сел на перевернутую кадку, а я примостил зад на нагретый камень парапета.

Вдруг Витька вскочил, глядя вверх.

— Кто это?

Я схватился на оружие и только потом ядовито спросил:

— Опять кошку увидел?

— Это не кошка!

Он побежал по лестнице, я ринулся за ним. На сей раз с трепетом в душе я разглядел человека — женщину в просторном багровом одеянии, с гривой темных волос. Она неслась прочь как на крыльях, и секундой позже я увидел, что она катится на скейте по гладкой каменной поверхности.

Терраса впереди понижалась и, сделав изящный полукруг, сливалась с нижней. Беглянка на скейте (вчера мы видели ее гриву, а вовсе не кошку) катилась вниз с ловкостью опытного скейтера. Я переключил автомат на одиночные выстрелы и нажал на спусковой крючок. Пуля с визгом отбила кусок камня от парапета в метре от женщины. Я, собственно, и не целился в нее, стремился всего лишь напугать. И напугал: женщина свалилась со скейта, покатила кубарем, доска унеслась вниз и пропала из виду.

Мы с Витькой с топотом приблизились к женщине. Вблизи выяснилось, что это молодая особа с сильно загорелым лицом, густыми волосами, спереди неровно подстриженными, в криво сидящих очках в пластиковой оправе. На ней были легкий багровый плащ с широким капюшоном, просторная рубаша серого цвета, нечто вроде зеленых шаровар и мокасины.

Оглядевшись — нет ли кого еще? — я спросил у нее:

— Ты одна? Почему убегала?

Она лежала на боку, показывая нам обе ладони, и косилась на автоматы. На лице — страх, настороженность и недоумение.

— А ты бы убежал, если на тебя несутся с оружием? — спросила она низким, но приятным голосом с едва заметным акцентом: то ли прибалтийским, то ли немецким.

Я закричал, прикидывая, как ответить на этот резонный вопрос. И на миг отвлекся. Скейтерше этого хватило, чтобы в лежащем положении молниеносно пнуть Витьку с такой силой, что он перевалился за парапет и повис на руках в трех метрах над тротуаром. Пока я с недоумением смотрел на него, не успевая за событиями, незнакомка схватила дуло моего

автомата и дернула вверх. Я нажал на спуск, грянул выстрел, затем еще один, пули улетели в небо. Где-то с шумом взлетели птицы.

Шустрая дама потянула автомат на себя, при этом отводя дуло в сторону, и ударила меня ногой прямо в голову. Я сам не понял, как свалился на ступени, изрядно приложившись затылком, а автомат слетел с шеи и скользнул по пандусу куда-то вниз.

Спустя долю секунды я вскочил на чистых рефлексах, ошарашенный внезапной и мощной атакой. Но амазонка уже была на ногах и снова врезала мне ногой с разворота, как Чак Норрис. Я упал, но по привычке (сказались тренировки в секте дзюдо) успел свалить противника “ножницами” и вскочить.

Я глянул за парапет — Витька перебирался через него. Поймав мой взгляд, крикнул:
— Я в порядке!

Мой автомат валялся в пяти метрах ниже по пандусу, Витька свое оружие ухитрился выронить, пока падал с парапета. Незнакомка прыжком вскочила и выхватила из-под балахона кривую саблю, похожую на ятаган. Вспомнив про мачете, я тоже вытащил клинок.

Беда, мелькнуло в голове, сейчас порубим друг друга.

Я открыл рот, чтобы начать переговоры, но бешеная дама бросилась в атаку, и пришлось в спешном порядке отбивать удары. Зазвенела сталь. Я сразу сообразил, что мачете отлично подходит для рубки веток, но для драки это неудобное оружие.

Амазонка теснила меня наверх, и от того, что я находился выше, не было никакого профита. Я не Оби Ван, знаете ли. Было заметно, что рубиться ятаганом для амазонки дело привычное: по ее позе, по продуманным экономным движениям, но силе удара. Я отступал, в панике прикидывая, как бы унести ноги подобру-поздорову, а она напирала как берсерк. Еще секунда, и я пропущу удар и покажу небесам свои внутренности.

И тут, как божье благословение, заработал апгрейд:

ВКЛЮЧИТЬ БОЕВОЙ РЕЖИМ

— Да! — взвизгнул я.

ВКЛЮЧЕН БОЕВОЙ РЕЖИМ. 10... 9... 8...

Блин, а почему только на десять секунд? Надо поторапливаться!

Мир знакомым образом замедлился, звуки стали гулкими и низкими, движения амазонки — неспешными, тягучими. Мое тело обрело самостоятельность, рука с мачете выстреливала вперед, как змея, я фехтовал, как бухой Зорро. На лице знакомки проступило изумление, она перешла в защиту и принялась потихоньку отступать назад и вниз.

Каким-то мудреным круговым движением я выкрутил ятаган из руки противницы и приставил мачете ей к горлу.

2... 1...

БОЕВОЙ РЕЖИМ ВЫКЛЮЧЕН

Мир рывком ускорился, стал обычным. Ну, что ж, клятый дебафф наверняка сократил время действия боевого режима, но этого хватило. Главное — не моргнуть, а то шустрая баба живо открутит голову.

Витька, который перелез обратно через парапет и в темпе смотался вниз, возвращался с обоими автоматами.

— Сдурела? — осведомился я у знакомки. — Поранить могла же!

— Олесь, — позвал Витька. Я скосил глаза. Он бросил мне мой автомат, я поймал его левой рукой.

Незнакомка стояла, слегка откинув голову назад, потому что лезвие мачете упиралось ей в горло, и приподняв обе руки. На лице — мрачное выражение. Очки она в бою не потеряла и хмуро смотрела на меня сквозь линзы.

Витька сказал ей:

— Мы не хотели тебя убивать. Просто интересно, кто ты такая и почему за нами следишь.

Я сделал шаг назад, убрав мачете, зато прицелился в нее из автомата. Все это время Витька тоже в нее целился и близко не приближался, наученный горьким опытом.

— Я за вами не следила, случайно наткнулась.

— Вчера мы тебя видели, — возразил я. — Ты успела спрятаться. Чего тебе надо?

— Я тут живу. А вы кто такие?

Витька улыбнулся. Он уже забыл, что висел на парашюте, а до этого получил крепкий удар ногой в живот.

— Меня зовут Виктор, это Олесь. Мы с Вечной Сибири.

Выразительно зыркнул на меня: мол, углубляться в перипетии твоей биографии не буду.

Воинственная очкаричка перевела взгляд с меня на него и обратно. Криво усмехнулась.

— Ты умелый воин. Меня зовут Кира. Из племени... сейчас уже неважно из какого племени.

Я тяжело задышал. Не от похвалы, а накатывающей усталости: сказывались последствия боевого режима после кровопотери. Если б не вампир, я бы продержался дольше и сердце бы в висках барабанной дробью не стучало. К счастью, десяти секунд вполне хватило.

— А ты хорошо дерешься этой штукой, — вернул я комплимент. — Ятаган называется, верно? Я читал про него в книге про Османскую империю.

— Почему вы ушли из Сибири? — спросила Кира, опуская руки. Мы, впрочем, стволы не опустили.

— Чтобы присоединиться к Отщепенцам, — ответил Витька.

Глаза Киры сверкнули.

— Ищите свободу?

— Именно! — горячо сказал я.

Кира слабо улыбнулась.

— Настоящей свободы нет на земле. Даже у Отщепенцев.

— А где она есть?

Я задал этот вопрос не без надежды: а ну как ответ ей известен?

Кира помялась, словно прикидывая, как поступить. Решительно сказала:

— Идемте за мной.

Мы втроем стояли перед широким пятиэтажным зданием, которое будто состояло из поставленных друг на друга овальных тарелок. Оно размещалось среди хитросплетений улиц, бесконечных садов и искусственных озер. Края “тарелок” — длинные галереи, куда можно выйти из внутренних помещений. На крыше лениво вращались три причудливые конструкции, напоминающие дырявые алюминиевые паруса на вертикальной мачте.

Мусоровоз я припарковал посреди площади. В Киру мы с Витькой больше не целились, и она на нас не нападала. Все-таки наше сражение оказалось простым недоразумением — никто никому по-настоящему не угрожал. Если б не мой апгрейд, Кира нашинковала бы и

меня, и Витьку и считала бы, что спаслась таким образом от врага. Наверное, все конфликты и войны тоже начинаются с ерунды, и их можно вовремя остановить, если бы люди прилагали к этому больше старания и не думали о своем потревоженном “эго” и выгоде.

— Что это за херабора? — спросил я, указывая на “паруса”.

Кира молча прошла мимо заполненного грязной дождевой водой фонтана, подошла к знакомой четырехгранной тумбе, с силой нажала на одну из граней у верхнего края. И над тумбой, к нашему с Витькой удивлению, вспыхнула голографическая надпись:

“ГОРОДСКАЯ БИБЛИОТЕКА”.

— Они работают! — воскликнул Витька. — Мы думали, все оборудование плесень съела.

Обернувшись через плечо, Кира сказала:

— Так и есть. Но уличные голографические генераторы рассчитаны на непогоду и разрушительное воздействие плесени.

Слух резанул стиль ее речи — будто по бумажке читает. Как жители Вечной Сибири, когда разглагольствуют о своей великой родине. Вероятно, Кира декламировала наизусть прочитанное.

— Я читала в инструкции к городским оповестительным приборам, — подтвердила мою догадку очкастая амазонка.

— Зачем нам библиотека? — спросил я.

Кира медленно заговорила, с трудом подбирая каждое слово:

— Ты сказал, что читаешь книги. Про ятаган... Я подумала, ты должен понять. Настоящая свобода только в книгах. В историях — реальных и вымышленных. В реальности ее нет. Пойдемте, и вы поймете.

Я привычно переглянулся с Витькой. Свобода в книгах? А я-то рассчитывал услышать от нее что-нибудь дельное... Похоже, нам попалась еще одна чокнутая, как Повелитель Поганого поля. Решетников — гений-одиночка и одновременно псих с манией величия, а Кира — девушка-ботаник и одновременно фехтовальщица. Поистине, Поганое поле порождает странных и удивительных персон.

Мы последовали за ней к парадному входу, вошли в просторный холл с лифтами и лестницами. Гардероба в библиотеке не предусматривалось, и неудивительно: климат слишком теплый, чтоб носить верхнюю одежду и сдавать гардеробщику.

Кира уверенно провела нас на второй этаж. Остановилась перед мощной дверью из тусклого вещества, смахивающего на сталь, но это определенно не было сталью и даже металлом. Боевая библиофилка повернула мощную рукоять, и дверь с низким гулом отъехала в паз. На нас пахло теплым и очень сухим воздухом, наполненным запахом книг.

— Быстро проходите!

Мы шмыгнули через порог, и Кира заперла дверь.

— Чувствуете запах? Потрясающе, правда?

Перед нами протянулся длинный коридор с окном от пола до потолка в конце. В коридор открывалось множество дверей. За дверями в слабом свете из окон громоздились книжные полки. Из вентиляционных решеток у самого пола тянуло сухим воздухом.

Кира, откинув багровый плащ назад, вошла в одну из комнат и начала ходить среди полок с зачарованным, восторженным выражением лица.

— Книги сохранились в первозданном виде, потому что воздух кондиционируется специальным устройством, который до сих пор действует за счет силы ветра.

— Ты сама его сделала? — с уважением спросил я, вспомнив рваные “паруса”.

— Не-е-ет! — поспешно ответила Кира. — Я не умею. Я из... из племени Огнепоклонников.

Я собирался спросить: “Кого?” Но она продолжила рассказ:

— Мы потеряли многие знания, и это становится очевидным, когда читаешь книги и гуляешь по этому городу. Мы живем как дикари, по дикарским законам. Мои соплеменники не понимают книг и чураются их. Не понимают, какое в них заключено богатство. Я ушла из племени, чтобы изучить это богатство. Прочитала за год почти все книги.

Витька охнул.

— Все книги?!

— По одному разу — почти все, кроме совсем неинтересных. По несколько раз — примерно треть. Я помню самые интересные наизусть. А вот эта — моя любимая.

Она достала с полки томик, протянула мне. Название гласило: “Жизнь выдающихся людей”. На обложке красовался бородатый лик Леонардо да Винчи, возле него примостился кудрявый и чисто выбритый Исаак Ньютон, слепо таращились каменные бюсты Сократа, Платона и Аристотеля, похожие друг на друга, как братья. За ними выглядывали прочие физиономии выдающихся людей.

— А есть просто “История человечества”? — спросил я. — Желательно современная?

Кира прошла мимо полки, пересекла узкий проход и, не особо присматриваясь, выловила толстую книгу в суперобложке.

— Вот. Один из томов современной истории.

Я полистал томик, открывая наугад. В глаза бросился заголовок главы: “Хронология нефтегазовых войн минус 150 года”. Я вчитался в текст.

“...Системные противоречия в сфере энергоснабжения, связанные с финансовыми проблемами, высокой волатильностью новой мировой валюты, а также ухудшающейся экологией, возникли еще сто лет назад, во времена искусственно подогреваемой надправительственными элитами зависимости от невозобновляемых источников энергии. Но пика эти противоречия достигли в минус 148–152 годах, когда десятки вялотекущих военных конфликтов в разных уголках планеты вылились в так называемую Войну Всех Против Всех (ВВПВ). Некоторые эксперты называли ее Четвертой Мировой, хотя по ряду критериев она таковой не являлась, в значительной степени представляя собой столкновения в медиа-пространстве...”

Вспотев от напряжения, я перелистнул страницу.

“...Информационные войны с применением новейших средств коммуникации способствовали подмене реального мира искусственным, что вызвало три волны психодемии (см. глава 18 “Психодемии в посткарбонную эру”), сопровождающиеся массовым сумасшествием и самоубийствами в масштабах целых регионов разных стран. В моду вошла так называемая “публичная авто-казнь”, когда самоубийца сводил счеты с жизнью в присутствии многочисленных невольных свидетелей и на камеру с использованием спецэффектов. Всплеск появления Ассоциаций Фаталистов (см. глава 29 “Движение Фаталистов”), которые возвели теракты в ранг пост-экстра-модернистского искусства, пришелся на середину минус 148 года (по старому летоисчислению — 2150 год новой эры), когда изменение климата привело к гибели миллиарда жителей экваториальных стран”.

У меня затряслись руки, и пухлый томик шлепнулся на пол. Бросив на меня укоряющий взор, Кира подняла книгу и аккуратно вернула на место.

— Что случилось? — спросил Витька.

Я ответил неживым, чужим голосом:

— Мы в будущем. Я в будущем.

Витька и Кира смотрели на меня без эмоций. Чего им волноваться? Они-то не в будущем, это я в будущем. Точнее, я по-прежнему в настоящем, но весь мой знакомый мир остался в далеком прошлом, а между нами пролегли года безумия.

Лучше бы я попал в параллельный мир. У меня оставалась бы надежда на возвращение. Но сейчас, когда я прочитал пару страниц “Истории”, эта надежда окончательно умерла.

Мы вышли на улицу. Ни читать, ни разговаривать я не желал и не мог, а Витька не проявил к книжным богатствам особого интереса. Я молчал и почти ничего не воспринимал. Кажется, Кира о чем-то меня спрашивала, но я не отвечал, и она отстала.

На улице нас встретили знойные лучи солнца, которое выглядело как всегда, но, как выяснилось, успело постареть более чем на сто лет с тех пор, как я пообщался с Димоном. В сознании плавали обрывки мыслей, слов, строчек текста из “Истории”, чьи-то лица — то Модератора, то Леонардо да Винчи... Уверенный голос в голове осведомился, каким образом почти без изменений сохранился язык, если минул целый век и что, наверное, тут что-то не так, но я устало отмахнулся. Никаких матриц и экспериментальных зон. Я в будущем. Точка. Больше не буду терзать себя бесполезными сомнениями и тяжкими размышлениями.

Погруженный в размышления, я не заметил, что на улице нас встретили не только солнечные лучи, но и кое-кто еще. Когда Кира и Витька застыли и ощутимо напряглись, я поднял глаза.

На площади недалеко от мусоровоза гарцевали на лошадях два всадника в багровых, как у Киры, накидках с капюшонами. Под накидками безрукавки и джинсы — самые обыкновенные, с дырками на коленях и прочих местах. На мускулистых руках красовались кожаные (вроде бы) наручи и перчатки. Возможно, это были не наручи, а перчатки с длинными крагами — с такого расстояния разглядеть сложно.

— Утонуть мне в пепле! — крикнула Кира. — Борис!

В ее голове звучал не столько гнев, сколько досада и раздражение. Борис не вызывал у нее приятных чувств.

— Это кто такие? — спросил я тихо.

При виде нас всадники неспешным шагом приблизились к подножию лестницы, но остановились в трех десятках метров. Я положил руку на автомат.

У одного всадника, помоложе, было сильно обожжено лицо с одной стороны. Черты сгладились, кожа побурела, рот растянулся в кривой и зловещей ухмылке, ухо превратилось в куцый ошметок, а волосы начинали расти с середины головы. Второй, постарше, мог похвастать лысой, как яйцо, головой и короткой седой бородой. У обоих на седлах сбоку висели колчаны со стрелами, а луки они держали в руках. Возле колчанов болтались какие-то узкие чемоданчики с торчащими из них белыми трубками.

Кира резким движением (у нее все движения были резкими, она только к книгам прикасалась нежно) поправила очки и потянулась к ятагану.

— Молодой — мой брат Борис, — прошипела она, — старый — помощник нашего воеводы, Вячеслав.

Молодой улыбнулся, но красивее не стал — улыбка все еще была асимметричной и

жуткой.

— Кира! — крикнул он мощным, но сорванным голосом человека, который много командует на плацу. — Вот ты где!

— Как вы меня нашли?

— Заметили дым. Ты себя выдала! Наконец-то...

Говорил он с тем же специфическим акцентом, что и Кира.

Я не поворачивался к Кире, но ощутил кожей ее испепеляющий взгляд.

— Вы что, не умеете разводить бездымные костры? — зашипела она, как рассерженная кошка, едва шевеля губами. — Я от них целый год пряталась, но приехали вы и мигом напортачили!..

— А мы знали, что ты скрываешься? — огрызнулся я. — Или вообще, что существуешь в природе?

Борис заорал:

— Возвращайся домой! Отец зовет.

— Я ему сказала, что не вернусь! — крикнула та. — Тропа Огня — не моя тропа!

— А какая твоя тропа? Над книжками зрение терять? От них одни проблемы!

В разговор вмешался молчавший доселе старик Вячеслав:

— Огонь защищает нас от ночных тварей, дарит тепло и позволяет готовить еду. А твои книги умеют только гореть!

Он поднял трубку, торчащую из чемоданчика, чем-то щелкнул, и из конца трубки вырвалась струя огня. На ярком солнечном свете это смотрелось не слишком впечатляюще, но ночью фейерверк наверняка поразил бы всех без исключения Уродов. Вероятно, в чемоданчике — вернее, баллоне — хранилась под давлением горючая смесь, а возле сопла торчала зажигалка, дающая искру. Огнепоклонники клятые!

Борис поглядел на нас с Витькой и на наши автоматы.

— Если надо, мы заберем тебя силой.

Кира выхватила ятаган. Темный металл сверкнул на солнце.

— Попробуй!

Весь этот диалог пахивал киношным пафосом, но я не сомневался, что Кира и Борис абсолютно искренни и разговаривают так, как привыкли разговаривать, никого не косплея.

Борис шлепнул пятками бока коня, и тот шагом двинулся к нам. Тогда я поднял ствол и выстрелил в небо. Автомат все еще был в режиме одиночных выстрелов.

Звук выстрела разорвал тишину, кони испуганно заржали и отпрянули, люди вздрогнули.

— Тихо-тихо! — просипел Борис, разворачивая коня.

Напоследок он злобно поглядел на меня и вместе с лысым дедом галопом унесся вдаль. Взгляд не обещал ничего хорошего. Пора сматываться.

— Надеюсь, они не обокрали нашу машину, — озабоченно пробормотал хозяйственный Витька.

— Они не оставят меня в покое! — выкрикнула Кира, топнув ногой в мокасине. До этого она держалась очень сдержанно, и внезапно проявившаяся страстность меня удивила.

— Почему ты не поедешь домой? — спросил я.

Вообще-то меня это мало беспокоило. Мысленно я продолжал пережевывать жвачку о своем положении в далеком будущем, где нет звездолетов, бороздящих просторы “большого театра”, нет Алис Селезневых, городов на Луне, зато есть Поганое, блин, поле, деревянные

бараки и чокнутые фрики.

— Потому что наше племя — самый показательный образец социальной деградации! — как по книжке ответила Кира, хмурясь. — Они поклоняются огню, не стремятся к развитию и наукам. Учат детей не грамоте, а ритуалам поклонения Неугасимому огню, представляешь?! Строят не школы и больницы, а Храмы Огня! Наше племя обречено... И всех все устраивает. Кроме меня.

— И какие у тебя планы? — снова из вежливости спросил я.

Кира задумалась.

— Я бы отправилась к Отщепенцам, но не хочу покидать библиотеку. У них такой нет, наверное... А с собой ее в седельной сумке не прихватишь.

— Так и будешь сидеть здесь до пенсии?

— До чего? — не поняла она. Мотнула головой: дескать, неважно. — Нет, я понимаю, что надо куда-то двигаться. Рано или поздно... — Она задумалась и неожиданно сменила тему: — Хотите рыбу?

— Конечно! — хором ответили мы с Витькой.

Набережная города когда-то была такой же живописной и комфортабельной, как и все остальное. И до сих пор частично сохранились мощеная мостовая, хромированные перила, площадки для любования речными видами, узкий песчаный пляж (песок явно откуда-то привезли), развесистые, экзотического вида деревья, удобные лестницы, ведущие к воде, домики отдыха. Река была широкая и неспешная, до противоположной набережной насчитывалось полкилометра, выше по течению раскинулся мост, обрушенный посередине. Очевидно, он сломался от сейсмического удара после падения метеоритов.

Мы приехали на мусоровозе, Кира сидела между мной и Витькой и с любопытством оглядывала внутреннее убранство кабины.

— Вот тут, — сказала она. Я затормозил.

Витька выскочил из кабины и унесся по лестнице к пляжу. Выпрыгнув из сандалий, зашел в воду по колено. Вероятно, он был не прочь скинуть всю одежду и искупаться, но постеснялся Киру.

Кира спустилась вслед за ним, но пошла по пляжу куда-то в сторону, выдернула из песка палку, потянула из воды привязанную к палке почти невидимую леску. Я встал позади нее, наблюдая за рыболовецкими манипуляциями. Леска вытянула из воды обросшую тиной мордушку, в которой трепыхалась сверкающая чешуей рыба. Витька мгновенно потерял интерес к хождению в воде и прибежал к нам.

Кира отнесла мордушку в тень под бетонной стеной между расположенным выше тротуаром и песком пляжа, где тянулась узкая полоса глины, откопала загодя припрятанный маленький нож с удобной самодельной рукояткой, алюминиевые чашки, овальную кастрюлю и несколько жестяных банок с плотно притертыми крышками. В банках хранились соль и острые приправы. Возле тайничка в плотной глине была вырыта узкая и довольно глубокая яма, расширяющаяся книзу, как груша. На ее дне серел пепел. Возле ямы темнела еще одна нора, которая косо шла вниз и вбок и сливалась с основной ямой.

В этой грушевидной яме с поддувалом Кира разводила бездымные костры. Благодаря тяге из поддувала костер не тлел, а горел, давая минимум дыма. Пламя такого костра издали не зафиксируешь. Кроме того, “подземный” костер не распыляет энергию, жар идет строго

вверх, и вскипятить чайник за считанные минуты проще простого.

Пока Кира чистила рыбу — трех сазанов и пять маринков, — мы с Витькой принесли из мусоровоза решетку для гриля, несколько луковиц, картофелин и морковок. Потом Витька бросился собирать сухие ветки.

До встречи с нами Кира обмазывала рыбу глиной и запекала в раскаленных углях, но решетка для гриля решала много проблем. На нее можно поставить кастрюлю без опаски, что она рухнет в раскаленную печь, зажарить мясо или рыбу и запечь овощи.

Сбор сухих веток и розжиг необычного костра отвлекли меня от тяжелых дум, а после, когда мы с комфортом расположились в тенечке на песке и принялись за еду, я и вовсе расслабился. Меня охватила атмосфера пикника, настроение поднялось. Ну и ладно, думал я, подумаешь, попал в будущее! Главное, не на каторгу. И работу искать не надо, и за квартиру платить. Жалеть, в принципе, не о чем.

Всегда приятно схомячить свежую рыбу, но Кира чересчур щедро, на мой вкус, поперчила ее. Приходилось то и дело запивать горячим чаем, отчего мы с Витькой изрядно вспотели.

После обеда, когда мы развалились на песке и приступили к процессу переваривания, Витька спросил у Киры, почему Огнепоклонники не используют огнестрел.

— Использовали когда-то, — ответила та. — Но патроны кончились. Огнестрел — штука хорошая, но шумная и невосполнимая. Лук и стрелы, дротики и ловушки на зверя, птицу и рыбу куда экономичнее. Я уже давненько не держала в руках огнестрельное оружие, хотя раньше училась пользоваться.

Я незаметно усмехнулся, в очередной раз отметив манеру Киры говорить то как обычный человек, то как ожившая книжка.

— А вы всегда так сильно перчите пищу?

— Конечно. Соль — штука редкая, море далеко, приходится активнее использовать приправы. Меньше риска отравиться. Жаркий климат, сами понимаете.

Действительно, подумал я, в жарких странах, как правило, в моде острая пища. Получается, она для того, чтобы не отравиться?

Несмотря на блаженное состояние, я не забывал поглядывать по сторонам и не расставался с автоматом, чей магазин еще далеко не опустел. Пространство вокруг прекрасно просматривалось — правда, нужно было иногда вставать и выглядывать из-за бетонной стены: не подкрадывается ли кто. У Огнепоклонников нет огнестрела, значит, мы в выигрышной позиции. Разве что они застанут нас врасплох. Но Кира подыскала для рыбалки отличное местечко: подкрасться трудно, а за стеной можно держать оборону довольно долго.

Витька спросил Киру, есть ли у нее еще кухонные принадлежности, кроме тех, что закопаны здесь. Кира пояснила, что вещей у нее на самом деле немало, но спрятаны они в разных местах — на случай грабежа. В природе белки и птицы прячут еду в десятке, если не сотне мест — чтобы никто не похитил сразу все припасы. Умный человек поступает так же.

— Мудро, — оценил я. — Не храни все яйца в одной корзинке, верно?

От нечего делать я рассказал Кире о нашем путешествии в целом, и о Решетникове в частности.

— Я слышала, что далеко на севере обитает чудак, но никогда не встречала лично, — сказала она. — Он считает, что авторитарная система способствует развитию талантов? Хм... Не все такие нестигаемые, как этот Решетников, и какой от него, в сущности, прок?

Живет сам по себе, тешит самолюбие перед Уродами, которые все равно мало что разумеют. А как быть с теми гениями, у которых характер послабее? Получается, авторитарная система подавит их? Глупо. Только полная свобода творчества и мотивация поможет сподвигнуть общество к бесконечному развитию.

— У Решетникова есть мотивация, — хихикнул я. — Он ждет, когда Поганое поле поглотит Вечную Сиберию.

— Чтобы что? — резко спросила Кира. Стекла очков воинственно заблестели. — Чтобы прожить в одиночестве остаток жизни и упиваться гибелью врага? Это бессмысленно.

— А что не бессмысленно?

— Служение другим.

— А кому ты служишь, Кира? — встрял Витька, который, казалось, нас не особо слушал. — Никого нет, а домой ты не хочешь.

— Будущим поколениям, — с достоинством ответила Кира. — Я храню знания, читаю книги. Придет время, и я обучу учеников.

— Откуда ты их возьмешь?

— Придет время — появятся. В крайнем случае нарожаю.

“От кого? От Решетникова?” — чуть не спросил я, но сдержался. Хотя, наверное, все на моем лице было написано, потому что Кира покраснела. Румянец на смуглом лице плохо различался, но я разглядел.

Смушалась она недолго. Выражение лица вдруг изменилось, брови нахмурились, и она ловко вскочила на ноги. Я обернулся, Витька привстал.

Над городскими зданиями — там, откуда мы приехали, — поднимался столб черного дыма. На ум тотчас пришел самый дерьмовый вариант. Мы побежали к машине, причем Витька не забыл решетку, ухватив ее куском ткани, чтобы не обжечься. Погрузившись в мусоровоз, мы рванули обратно к библиотеке. Я уже не смотрел на индикатор батарей, который раньше меня сильно беспокоил. Был уверен, что там неизменные сто процентов.

Я затормозил на краю площади перед библиотекой — осмотреться. Так и есть — из нескольких окон второго и третьего этажа валил дым. Кто-то устроил пожар. Не надо иметь семь пядей во лбу, чтобы догадаться, кто именно, особенно если поблизости гарцуют Огнепоклонники.

— Мои книги!!! — завопила Кира. Наверное, так кричит мать, увидев дите в смертельной опасности. Она рванулась к дверце через Витьку, но я поехал прямо к дымящемуся зданию.

— Сиди здесь! — прикрикнул я на Киру. Ослепленная горем и гневом, она могла наделать дел. — Витька, поглядывай! Если что, стреляй без предупреждения!

Оббежав мусоровоз, я выхватил из кузова первый попавшийся шмот — какие-то огромные шорты, — вспорол зубами вакуумную обертку, подбежал к фонтану с дождевой водой. Намочив тряпку в воде, помчался внутрь здания.

В холле сильно воняло дымом, но самого задымления еще не было. Но стоило подняться по лестнице на второй этаж, как клубы удушливого дыма окутали меня. Я обвязал голову мокрой тряпкой, ринулся вглубь библиотеки через массивную дверь. Огнепоклонники подожгли именно книги: несколько полок с треском пожирал огонь, меня обдало жаром.

Куда она поставила свою любимую книгу? В дыму трудно ориентироваться.

Я схватил книгу “Жизнь выдающихся людей”, пробежал несколько шагов и практически наугад выхватил из ряда тлеющих томов “Современную историю”. Повернулся и помчался

назад. Меня догонял огонь, охвативший большую часть помещения. Доносился треск лопающихся стекол, где-то в соседней комнате обрушились потолки. Пожар распространялся со все возрастающей скоростью.

Эти сволочи все здесь горючей смесью облили?

Я промчался по коридору, вылетел на лестничную площадку. У меня начинала кружиться голова и противно подташнивать. Одной рукой я держал тряпку на лице, другой — два тома, которые успел спасти, автомат бился на бегу о грудь.

Внизу лестницы я споткнулся обо что-то, невидимое в едких белых клубках, кувыркнулся вперед и ударился о ступень головой. Сознание помутилось.

И тут ожил апгрейд.

СТАТУС

МЕНТАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ: УРОВЕНЬ ТРЕВОГИ — КРАСНЫЙ

ФИЗИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ: ПОСЛЕДСТВИЯ ДЕБАФФА — 15 %, ВОЗДЕЙСТВИЕ УГАРНОГО ГАЗА — УМЕРЕННОЕ

АБИЛ: СКН ИНИЦИИРОВАН ПОЛНОСТЬЮ

Я поднялся, морщась от боли и гари. Мокрую тряпку выронил и поднимать не стал — некогда, а выход близко. Выбежал из холла на свежий воздух и наконец-то перевел дух.

Кира и Витька переругивались у парадного входа. Кира рвалась бежать за мной, а Витька уговаривал подождать.

— Возьми! — Я протянул ей книги. — Остальное в огне.

Она моргнула, словно не понимая, о чем я толкую.

Заржала лошадь. Мы обернулись — на площади верхом на скакуне маячил лысый старик Вячеслав, помощник воеводы племени Огнепоклонников. Судя по всему, он следил за нашими действиями с самого начала, а сейчас решил показаться во всей красе.

— Дай! — отрывисто потребовала Кира.

Но взяла не книги, которые я ей протягивал, а автомат, грубо сорвав его с меня. Она ловко переключила его на режим очередей, прицелилась. Старик, ослабившись, поскакал прочь — не верил, что с такого расстояния можно попасть в подвижную мишень.

Но Кира попала. Очередь резанула по барабанным перепонкам, старик взмахнул руками, на всем скаку вывалился из седла и, запутавшись в плаще, рухнул на тротуар. Конь почти сразу остановился, затоптался на месте, косясь на лежащего всадника.

— Мерзавец! — процедила Кира. — Ни себе, ни другим. Тварь. Урод.

Она зло зарыдала, сердито вытирая слезы, льющиеся из-под очков, рукавом просторной рубашки, а я мягко отобрал у нее оружие. Я не сомневался, что плачет она не убитому старику, а по своим ненаглядным книгам.

Витька сбегал к старику, осторожно приблизился, откинул плащ дулом, поглядел, покачал головой. Мертвецы его не пугали — как, впрочем, и всех остальных жителей безумного будущего. Где-то шлялся Борис, я вертел головой, но никто в поле зрения не попадался. Витька подошел к коню, взял его под уздцы и повел к нам. Добро не должно пропадать, даже если оно с копытами.

Я вручил два тома Кире. Она приняла их рассеянно, шмыгая покрасневшим носом.

— Ты говорила, что помнишь большую часть книг наизусть. Они у тебя в памяти. И их никто не отнимет.

“Кроме Альцгеймера”, — додумал ехидный голосок. Но я надеялся, что до такого не дойдет.

Кира некоторое время молчала. Из окон валил дым и мелькали языки пламени, что-то рушилось и грохотало в глубине здания.

— Библиотеки нет, ничто меня не держит, — заговорила она. — Я не буду сидеть здесь до пенсии... Не знаю, что это такое, кстати... В Поле еще остались другие разрушенные города, поищу их — в них должны быть библиотеки. Спасибо, Олесь, что спас эти книги. Возьми “Историю”, почитай на досуге... Прощайте!

И не дожидаясь ответа, не глядя в глаза, она быстрым шагом приблизилась к коню, которого держал под уздцы Витька, одним прыжком вскочила в седло. Развернулась и вскачь умчалась по одной из улиц.

Глядя ей вслед, я непонятно отчего вздохнул.

День клонился к закату, когда мы с Витькой выехали за пределы города по гигантской трассе в южном направлении. Удалось это не сразу — пару раз натыкались на разрушенные или держащиеся на честном слове мосты через немаленькую реку и искали другие пути.

На трассе, практически свободной от брошенных машин, я ускорился почти до предела — километров восьмидесяти в час. Горячий ветер дул в открытое окно, пейзаж скользил назад, справа садилось раскаленное солнце, и, прищурившись, можно было вообразить, что я пересекаю на арендованном джипе где-нибудь на югах...

— Жалеешь, что она с нами не поехала? — спросил Витька после продолжительного молчания. Он прицепил кусок мешковины на окно, чтобы заслониться от солнечных лучей, и сидел, глядя вперед и поглаживая пальцами лежащий на коленях автомат.

— Чего мне жалеть?

— Она хорошенькая. И умная.

— И дерется хорошо, — подхватил я охотно. — У тебя синяки на руке и на пузе. Она нас чуть не укокошила.

— “Чуть” не считается.

Я помолчал и ответил честно:

— Жалею. Втроем интереснее. Потом — вдруг у нас был бы регулярный секс.

Витька перестал поглаживать ствол и побагровел. Подкалывая меня, он, похоже, не ожидал, что я буду таким откровенным.

А я как ни в чем не бывало продолжил:

— Хотя позже я подумал, что это лишняя обуза. Куда бы мы ее посадили? Втроем сидеть тесновато.

— Я бы подвинулся.

— С женщинами всегда непросто, — с видом умудренного опытом дон жуана промолвил я.

— С тупыми дурами все непросто, — парировал Витька. — А Кира не дура.

— С любыми женщинами непросто. Уж поверь мне.

Мы замолчали. Гудели двигатели, свистел ветер. Я поглядывал в зеркала, шарил глазами по трассе и лесу справа и слева — как бы не напороться на Огнепоклонников... Поганое поле населено плотнее, чем представлялось мне поначалу.

— Стой-ка! — неожиданно сказал Витька.

Я сбавил скорость, плавно остановился у бордюра — по привычке, чтобы не мешать движению. Забыл, что движения-то нет.

Витька выскользнул из кабины. Мешок свалился, но пацан не обратил на это внимания, побежал к четырехгранной тумбе — голографическому генератору за бордюром. Вскочив на бетонный блок, нажал на пластину, как это делала Кира, и над тумбой, мигая, вспыхнули слова, видимые даже в косых лучах заходящего солнца:

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В КНЯЗЬГРАД

Помигав, как испорченная лампочка, голограмма погасла.

Витька присвистнул, соскочил с блока, подбежал к машине. Подняв мешковину, запрыгнул на сидение и захлопнул дверь.

— Точно! Это Князьград Один! Его Поганое поле поглотило, и столицу перенесли на север, в Князьград Два! Столица Вечной Сибири — это Князьград-2. Я вспомнил — по истории проходили!

Он тыкнул большим пальцем назад, на покинутый нами грандиозный футуристический город.

— Это наша бывшая столица!

Глава 9. По горам и дебрям

Гладкой и широкой автострадой мы наслаждались недолго, всего один день. На второй трасса сузилась, разбежавшись на множество второстепенных дорог, потеряла бетонную ограду, разметку, качественный асфальт и голографические генераторы. Осталась обычная сельская “убитая” гравийка, с ошметками асфальта, глубокими колдобинами и проросшей кое-где травой.

— Недолго радовались! — поджал губы Витька.

Ранее я и правда шумно радовался ровной, как стекло, автостраде. За день быстрой езды мы привыкли к качеству полотна и скорости, поэтому на второй день разбитая колея выводила из себя невероятно. К хорошему легко привыкаешь, увы.

— Что-то подсказывает, — сказал я, — что во времена расцвета Князьграда периферия уже пребывала в говне... Знакомая картина.

Временами попадались заброшенные Посады с их деревянными бараками, от которых мало что осталось. Некоторые бывшие населенные пункты можно было различить только случайно — по геометрически правильному холму, который раньше был зданием, по выглядывающим из травы каменной кладке и бетонным столбам.

До катастрофы деревня уже умирала. Наверное, тогда контраст поражал больше, чем сейчас: вот оживленный миллионный супер-технологичный полис с движущимися тротуарами, а вот селение с деревянными избами и разваливающимися гаражами.

Мой восторг от Князьграда-1 поулег. Пожалуй, я не мечтал бы в нем жить... Хотя если выбирать между Посадами и городом, выбор очевиден.

Разразившаяся катастрофа — своего рода карма для такого государства. Впрочем, выжила Вечная Сибиря, где сохранились аналогичные порядки, если не хуже. Как бы то ни было, Вечной Сибири есть чем гордиться — она пережила могучую цивилизацию, которая была серьезно больна задолго до прилета метеоритов.

В некоторых Посадах, что встречались нам то справа, то слева от дороги, иногда возвышались пафосные трех-, четырех- или даже пятиэтажные каменные здания казенного вида, стелы и памятники неведомым деятелям. И это тоже знакомая картина: администрация предпочитает тратить бюджет на символику и понты, а не на то, чтобы строить нормальные дороги или жилье.

В Вечной Сибири из символики остались одни Знаки, но зато преисполненные такого сакрального значения, какого не заслужил ни один лик вождя прошлого.

Из любопытства мы остановились на месте одного вросшего в землю Посада и прогулялись по пояс в траве между прямоугольными холмиками с торчащими арматуринами и бетонными балками. Ничего особенного не нашли, за исключением отличных овальных черных очков в плотно закрывающемся пластиковом чехле в груди разного хлама на месте административного здания. На них наткнулся Витька, но они были ему велики, и он отдал их мне. Я их протер, надел, и выяснилось, что они мне вполне идут.

В тени небольшой кучи молодых деревьев лежала куча конского дерьма и трава была вытоптана. Я поначалу не обратил на это внимания, но позже напрягся — судя по размеру кучи, кони здесь топтались долго — вероятнее всего, на привязи. Трава на пяточке, кстати, была выщипана. Вскоре мы отыскивали следы тщательно замаскированного кострища. Здесь

делали привал конные люди — очевидно, двое или трое, жгли всю ночь костер, отпугивая Погань, а потом ушли в неизвестном направлении, привычно скрыв следы пребывания, кроме говна и вытоптанного пяточка.

— Огнепоклонники? — предположил я.

— Наверное, — почесал затылок Витька. — Хотя кто его знает, сколько народу в Поле шляется...

Он взял свою мотыгу, которая превращалась в лопату, собрал дерьмо в мешок и унес в кузов.

— Тебе зачем конское говно? — изумился я.

— Пригодится, — ухмыльнулся Витька. — Полезная вещь, на самом деле. Из говна делают раствор для стройки, как топливо жгут в печи, при желании можно электричество извлечь, почву удобряют.

Я поднял брови.

— Ты будешь строить? Почву удобрять? Или электроэнергию извлекать? А топлива в лесу полно.

— Ничего подобного. Увидишь!

Я не стал допытываться, хотя разбирало любопытство. И немного — беспокойство по поводу склонности Витьки коллекционировать все, что ни попадя. Что ж с ним в старости-то будет? Страшно представить!

В обычном, то есть моем родном мире он никогда не был бы бедным, с такими-то привычками и трудолюбием. А дома у него было бы не развернуться.

Ночевали мы на открытых пространствах — что встречались нечасто, но все же встречались, — на отдалении от разрушенных построек и лесных массивов. Лагерь разбивали возле ручьев или рек, в которых не было недостатка. Витька каждый раз старательно делал бездымные костры, роя саперной лопаткой яму с поддувалом. Я не возражал — лучше перебдеть, чем недобреть. Ночью, правда, наша световая гирлянда все равно заметна за километры вокруг, но мы надеялись, что другие люди сами сидят в кругу света от костров и по сторонам не пялятся.

Местность менялась — ландшафт вздыбился холмами, сморщился складками-долинами, покрылся густыми лесами из неведомых деревьев с могучими стволами, похожими на толстые пучки лиан. Некоторые деревья опирались на землю не только основным стволом, а несколькими дополнительными, как баньян. На каждом шагу росли акации и папоротники. Подлесок вообще стал намного гуще. В то время как лиственницы пропали — так же, как и березы, клены, дубы и прочие деревья умеренной полосы. Если так пойдет и дальше, скоро появятся пальмы и мартышки, думал я.

За сто лет случилась экологическая катастрофа (в придачу к катастрофе с падением метеоритов), климат стал намного жарче. Недаром в тропиках погибли миллион человек. Наверняка сейчас там вообще жить невозможно.

Иногда мы оставались на одном месте дня три, охотясь на зверье — оказывается, звери никуда не делись, просто вели себя очень тихо и осторожно. Идти на них с автоматами наперевес смысла не было, поэтому мы использовали капканы и ловушки, которые заготовил мой предшественник и Витька.

Пацан, ничуть не брезгуя, натирал капканы и прутья решетчатых ловушек конским дерьмом, чтобы отбить запах металла.

— А человеческое не подойдет? — спросил я.

— Не. Звери человеческого запаха боятся.

В основном, никто не попадался, но пару раз мы поймали кабанчиков и устроили барбекю. Чаще еду мы добывали из рек, рыбака у ветхих, но прочных мостов.

Время шло, и я начал ловить себя на мысли, что привыкаю к такой жизни, а прежняя жизнь постепенно забывается, стирается из памяти, тускнеет, и я больше не скучаю. Это и пугало, и успокаивало: я больше никогда не вернусь домой, так что пора привыкать к новому дому.

Обычно мы с Витькой вечно были заняты — то охотой и рыбалкой, то обустройством лагеря, сбором топлива для костра, изредка — стиркой, поэтому я все никак не мог усесться за чтение “Современной истории”. Я просил Витьку читать вслух, пока я веду машину, но он читал так сбивчиво, чуть ли не по слогам и так нудно, что слушать было невозможно. Диктор аудиокниг из него не получился бы однозначно.

Тем не менее, иногда я садился во время привалов на раскладном стульчике в тени развесистого баньяна и читал единственную книгу. И охреневал в самом буквальном смысле этого слова.

Читалась “История”, как какой-нибудь триллер, но это был не триллер. Разразилась-таки Третья Мировая Война, и шла она по законам информационного века; это была война за умы, где на передовице находились не солдаты, а пропагандисты всех мастей, купленные блогеры, медийные личности и прочий сброд, осваивающий все новые и новые методики промывания мозгов массам.

Экология провалилась в глубочайшую задницу, а правительства разных стран лишь выражали свою озабоченность и не предпринимали никаких конкретных шагов — эти шаги делали отдельные люди с большим влиянием и деньгами, но их было слишком мало.

Разрабатывалось новое оружие, которое было круче ядерного и воздействовало якобы на квантовом уровне и каким-то образом затрагивало информационный слой реальности. Я не совсем врубился в теоретическую основу, но если кратко, то наука сделала открытие, что информацию, как и материю с энергией (что, по сути, одно и то же), также невозможно по-настоящему создать и разрушить. Она существовала всегда, меняя форму, даже в первые наносекунды Большого взрыва, в виде мельчайших асимметричных флуктуаций в плазме, которые впоследствии стали структурными объектами вселенной — звездами, планетами, галактиками. В отличие от энергии-материи информация в большей степени вариативна и может существовать скрыто, в виде имплицитного, свернутого состояния. А еще информация способна “кодировать” сразу несколько материально-энергетических объектов, схожих по структуре. Поэтому для того, чтобы закодировать всю Вселенную, нужно не так много информации, как представлялось ученым в двадцатом веке.

Изобретенные во время Третьей Мировой субквантовые инфо-бомбы вытягивали из определенного объема всю информацию, что приводило к скачку энтропии. Местность на многие километры превращалась в ничто, в пустоту, в которой нет даже виртуальных частиц, нет самого вакуума. Эта пустота схлопывалась, воздух, земля, вода, люди, животные и растения втягивались в этот пузырь абсолютной пустоты, и происходил как бы взрыв наоборот. Разрушительными свойствами он обладал нехилыми.

Свернутая в имплицитное состояние информация, без которой материя и энергия не могут существовать в проявленном виде, выглядела как разноцветные сферы огромной плотности.

Читая эти строки, я облился потом. Вспомнил про зеленую бусину, подобранную

Витькой в кратере. Кратер — это и есть зона применения инфо-бомбы! Это кратер не от метеорита, а от нового оружия!

Живо представилось, как эта зеленая бусина снова разворачивается в те несколько миллионов тонн земли, строений, воздуха, растительности, техники, людей за доли секунды. Произойдет страшный взрыв, и от некоего Олеся Панова и Витьки Смольянинова и атомог с молекулами не останется, лишь квантовый “бульон”.

Я велел Витьке выбросить бусину, хотя в “Истории” подчеркивалось, что способ “развернуть” бусину обратно не найдено. Когда писалась эта книга? Может, способ нашелся после выхода в свет этого издания?

Витька с неохотой расстался с бусиной, аккуратно положив ее на фундамент одного из Посадов. Я успокоился только тогда, когда мы отъехали на полсотни километров.

Однажды ранним вечером мы плотно поужинали фазаньим мясом и долго болтали о том, о сем у бездымного костра. В числе прочего обсуждали мое путешествие в будущее. Почему, собственно, в путешествие по времени отправили именно меня? Я увидел Знаки Вечной Сибири на визитке Димона — это означало, во-первых, что идейные основы Сибири существовали уже в мое время, во-вторых, способность видеть невидимое свидетельствовала о том, что я гожусь для того, чтобы в башку мне вколотить чип — СКН. Но зачем отсылать в будущее?

Витька, плохо знакомый с теоретической физикой, предположил, что по времени можно разгуливать в обоих направлениях и что Димон с доктором Пономаревым сами из будущего. Они-де ищут особенных людей, со способностью видеть Знаки, и отправляют в эпоху Вечной Сибири. Зачем? А Урод его знает зачем. Надо зачем-то.

Меня это предположение воодушевило. Есть шанс вернуться домой, да еще со знанием будущего! Правда, мне от этого будет ни жарко, ни холодно. Однако если увлекусь болтовней об инфо-бомбах и Лего, в дурку, глядишь, посадят. И работу придется искать опять-таки... Но в глубине души я не верил, что по времени можно шастать куда ни попадя. Фантастика это.

В общем, я решил, что возвращаться хочу не так сильно, как раньше. Больше не терпелось разобраться в происшедшем и наказать виновных. Закрывать пару-тройку гештальтов, так сказать.

Также удивляли две вещи — не очень важные, но заметные. Первая: почему в технологически развитом будущем широко используются самые обыкновенные бумажные книги? Вторая: почему жители Сибири говорят на чистейшем русском языке без малейшего акцента и жаргонизмов? Витька слыхом не слыхивал о крепко вошедшем в обиход интернет-сленге, он даже слово “пипец” не знал — это не интернет-сленг, но тем не менее. Если поразмыслить, то Вечная Сибиря — просто оплот чистоты русского языка...

Ответ на первый вопрос нашелся в “Истории” — возврат к бумажным книгам произошел на фоне популярности электронных книг и аудиокниг, поскольку людям всегда нравилось листать настоящие бумажные страницы. Библиотеки вроде той, что сгорела в Князьграде-1, имелись повсеместно. После катастрофы вся электроника загнулась, в том числе электронные книги и аудио. А старые добрые бумажные томики сохранились.

А вот второй вопрос пока остался без ответа. Витька вовсе не понимал, зачем говорить с помощью жаргонизмов, если можно сказать просто, по-человечески. А том “Истории” завершался за несколько десятков лет до появления Поганого поля и Вечной Сибири с ее

чистотой языка.

Кстати, Решетников тоже разговаривал очень чисто во всех отношениях, а у Киры небольшой, но заметный акцент. Что из этого следует, я не представлял.

— Князьград-2 такой же высокотехнологический, как и Князьград-1? — спросил я.

— Без понятия, — пожал плечами Витька, ковыряя в зубах соломинкой. — Но по всему виду, там неплохо, раз все мечтают туда уехать.

— То есть туда можно уехать только насовсем? Просто приехать, поглядеть, что да как, нельзя?

— Нельзя. Туда можно попасть только при каком-то очень высоком рейтинге. И оттуда никто не возвращается.

— Интересно... Тех, кто уходит в Поганое поле, назад не пускают, а те, кто уехал в Князьград, назад сами не хотят? Или их тоже не пускают? Тогда откуда известно, что там хорошо?

— Всегда так считалось...

Я хмыкнул. Если люди говорят про “всегда”, значит, более логичного объяснения у них нет.

— Выходит, — сказал я, — основа Вечной Сибири — это как раз таки Посады. Жители Посадов мечтают уехать в Князьград и боятся убежать в Поганое поле. В итоге делают то, что нужно партии.

— Какой Партии? У нас только Детинец.

— Неважно. Это все один хрен, который редьки не слаще. В моем мире многие жители регионов мечтали уехать в столицу. Но для этого нужен был не рейтинг, а бабки. В смысле, деньги.

— Да, — подхватил Витька, — про деньги мы по истории проходили. Это у буржуев было самое главное.

— И в столицу можно было просто так смотаться, поглядеть, погулять. У вас все, получается, строже и сложнее.

— Не у “вас”, а у “нас”, — поправил Витька.

Я не спорил.

— Однако не может столько мух ошибаться — что-то в вашем... нашем Князьграде есть. И если взять в качестве примера Князьград-1... Не исключено, что столица Вечной Сибири — это государство в государстве. Место для особенных людей, для элиты.

— Ага.

— Мне только непонятно, зачем Посады держать в черном теле? Есть ведь возможность из них сделать конфетку?

Я задал этот вопрос и сам же мысленно ответил на него. Чтобы мотивировать народ на послушание — раз. И чтобы воровать — два. Очень просто. Если позволить всем людям жить богато и независимо, очень скоро государство потеряет всякую власть и будет не нужно. И не дай бог, люди поймут, что способны обойтись без государства с его налогами на войны и дачи чиновников.

Витька, который, естественно, мои мысли не читал, ответил:

— Отец говорит: чтобы жизнь медом не казалась.

— Идиотская поговорка, — кивнул я. — За сотни лет не выветрилась, блин! Если людей постоянно держать в черном теле да еще и шиковать у них на виду, добром это не кончится.

— Отец говорит: голодная собака сторожит лучше.

— И кусает больнее, — подхватил я. — Иногда и хозяина может цапнуть. Короче, Витька, мне твой отец не нравится. Чего он за своих повелителей заступает? Будто сам в Князьграде живет, сверху на всех поплевывает.

— Он идиот, поэтому и заступается, — не моргнув глазом, сообщил Витька.

Фыркнув, я заговорил о другом:

— Поганое поле расширяется. Куда денется Вечная Сибيريا, когда случится очередной прорыв?

Витька снова пожал плечами. Ему было начихать.

— И почему Вечная Сибيريا не существует прямо в Поганом поле? Как Решетников, как Огнепоклонники? Как мы с тобой? Нужно яркое освещение ночью и все. В чем проблема?

Прикрыв глаза, Витька по памяти продекламировал заученное в школе:

— Вечная Сибيريا и Поганое поле несовместимы на идейном уровне. Знак солнца и луны символизирует порядок, а Поганое поле — это хаос. Вечная Сибيريا обеспечивает человеческую жизнь, Детинец гарантирует, а Поганое поле непредсказуемо.

— Пафосно и непонятно. Знак мешает людям ночью врубить освещение?

— Сказал, что знал, — вздохнул Витька. — Мы в школе вопросов не задаем — за это секут.

— Прикольно... — Я подумал, насколько деградировала Вечная Сибيريا после появления Поганого поля и только ли идейные соображения мешают ей “дружить” с Поганым полем. Вероятно, Поганое поле используется правителями Вечной Сибири как еще один способ мотивировать народ на послушание. — Помнишь Катю, подругу моего предшественника? Она в Князьград уехала. Что скажешь о ней? Какая она была?

— Видел издали, близко не общался, — с солидным видом сказал Витька. — Она была какая-то странная.

— Чем именно?

— Редко смеялась, почти никогда. Вечно думала о чем-то.

— Симпатичная?

— Не очень.

— С Модераторами дружила, как Даша?

— Вроде нет.

— Ударно работала?

— Ну...

Я выпятил губы, потянулся всем телом с хрустом. Чуть не свалился со стула на траву. Интересненькое дельце вырисовывается. Катя, ничем не выдающаяся особа, внезапно уезжает во всеми желанный город-мечту. Может, ее попросту отстранили от моего предшественника?

— А как старый Олесь отреагировал на ее отъезд?

— Он со мной это не обсуждал. Но я заметил, что он еще молчаливее стал. И лул собирал еще рьянее.

— За что Катю взяли в Князьград?

— Админ объявил на собрании Посада, что у нее рейтинг позволяет уехать, и она уехала в тот же вечер. Наши и отметить это дело не успели.

Да, ее просто-напросто убрали. Чем-то она мешала.

— А вы сами свой рейтинг считывать умеете?

— Не. У нас такого аппарата, как у Модераторов, нет.

То есть чип не имеет внутреннего интерфейса, догадался я.

— А если Модераторы наврали про рейтинг Кати? И она сама не врубилась, за что получила билет в Эльдорадо?

— Могли и наврать. Но их Админ проверяет.

— Админ может быть с ними заодно.

— Не знаю, Олесь. Знаю точно, что она была рада уехать.

— Оно и понятно.

Мутное дело, подумал я. Надо было провести какое-никакое расследование в Посаде, прежде чем сбегать. Но я слишком торопился домой, забил себе котелок гипотезой об экспериментальной зоне и считал Уродов выдумкой. Новые факты и соображения указывают на то, что замена мной жителя Посада не случайность.

Эй, а если Катю “убрали”, чтобы она не поняла, что ее приятели заменили? Что если только она могла выявить подмену из-за, скажем, любви к “объекту”? Но вспомнилась тетя Вера — она души в Олесе не чаёт, но ни о какой подмене не догадывается. Если сила чипа настолько велика, почему она не должна подействовать на влюбленную девушку? Нет, разгадка в чем-то ином.

Витька сказал:

— Если Князьград-2 такой же крутой, как Князьград-1, то ей сейчас хорошо. Квартиры Князьграда — это тебе не бараки, где крысы бегают в стенах и с потолка течет.

— Да-а-а... — протянул я, размышляя о другом. — Хотя квартиры в Князьграде-1 все одинаковой планировки.

Я встал и забегал туда-сюда под деревом между палаткой и мусоровозом. Солнце заходило за вершины деревьев, небо окрасилось в розовые цвета, дневной жар потихоньку спадал. До меня лишь сейчас дошло, что квартиры в мегаполисе мало чем отличаются друг от друга. В отличие от форм и архитектурных изысков зданий.

— Что? — встревоженно спросил Витька, отбрасывая соломинку и подтягивая к себе автомат.

— Дома все разные, а хаты одинаковые...

— Так не должно быть?

Витька всю жизнь обитал в бараке, откуда ему знать про квартирный дизайн? Люди обычно стремятся делать свою внешность и жилье не похожими ни на что, стремятся к индивидуальности.

— Не должно. И это странно.

Следующим вечером Витька рыбачил на берегу крупной реки, а я развалился в гамаке поблизости и читал “Историю”.

“То, что слияние технологических и биологических систем детерминировано самой эволюцией человеческого общества, чей вектор развития направлен на уменьшение энтропии окружающей среды, было известно еще в середине XX века. Согласно законам развития систем переход в надсистему характеризуется объединением гомологичных частей двух систем с образованием качественно новой структуры. Объединение таких технических устройств, как радио, телефон и карманный компьютер привело к возникновению смартфонов, и слияние уже макро- и микроскопических кибернетических устройств с собственно человеческим организмом было вопросом времени.

Для начала кибернизация человека затронула людей с ограниченными возможностями, врожденными или приобретенными дефектами, в значительной степени ухудшающими качество жизни (кардиостимуляторы, нейроимпланты плохо видящих или слепых, кибер-конечности и синтетические органы). Затем тренд на апгрейд своих возможностей неизбежно распространился и на обычное население, несмотря на сильнейшее противодействие со стороны конспирологически настроенных слоев населения, выступающих против “чипирования”.

Накопившиеся противоречия в обществе в минус 178 году вызвали череду демонстраций и протестных акций по всему миру, завершившуюся грандиозным столкновением между так называемыми “кибер-консерваторами” и “кибер-прогрессистами” в крупных городах мира. Количество погибших, пострадавших и пропавших без вести исчислялось тысячами — более точный подсчет невозможен в связи с засильем фейковой кампании и дезинформацией на всех уровнях. Тем не менее частные медицинские организации, а впоследствии и некоторые немногочисленные государственные начали проводить микрохирургические вмешательства по имплантированию первых — полупроводниковых — нейрочипов. Сначала эти манипуляции проводились за умеренную плату, позже — в рамках бесплатного социального пакета медицинского обслуживания.

Следующие поколения чипов — молекулярные и субклеточные импланты — стали использоваться несколько позже, примерно в минус 139–137 годах, когда преимущества использования личного нейрочипа стали очевидны даже ультраконсервативным слоям общества.

В числе опций нейроимплантов первого поколения были только повышение эффективности органов чувств, облачные хранилища памяти, информационный интерфейс, картирование местности и игры. Последующие поколения добавили в этот список сотовую связь (впоследствии спутниковую), просмотр новостей и фильмов, чтение электронных книг, доступ к мессенджерам и социальным сетям...”

Я отложил книгу и вытер пот, выступивший от тропического зноя и прочитанного. Надо же, несмотря на бешеное противодействие народных масс самой идее чипирования, людей все-таки чипировали! Вставить себе чип в затылок стало таким же рутинным мероприятием, как набить татуху или вставить пирсинг куда-нибудь. До чего дошел прогресс! До невиданных, мать их, чудес! И самое главное — абсолютно ясно, что прогресс не остановить никакими силами. Если очень много людей против прогресса, значит, очень много народа погибнет, вот и все. А прогресс — какой бы он ни был — продолжит торжествующее шествие по цивилизации или ее обломкам.

Мы, люди, прогрессом не управляем. И никогда не управляли.

Это прогресс управляет нами.

Я почесал короткую бородку и пригладил пальцами изрядно отросшие волосы. Скоро надо будет делать хвостик. Стричься я почему-то не хотел — с длинными густыми волосами, конечно, жарковато, зато меньше риска получить солнечный удар. А бриться тупо не было возможности — у нас не нашлось ни бритвенного станка, ни кремов после бритья, а у меня, между прочим, чувствительная кожа. Я ограничился тем, что подстригал раз в неделю усы, чтобы они не нависали надо ртом.

Витька радостно вскрикнул на берегу в тени деревьев, подтянул удочку и разочарованно что-то забормотал. Он сидел в одних трусах. На мне же были шорты и легкая майка.

Я попытался переварить прочитанное, представить, каково это — смотреть кино и

общаться через чип? Представилось без проблем — у меня самого апгрейд. Допустим, сижу я дома, почесываю яйца, а сам, закрыв глаза, чатюсь с приятелями и подружками, слушаю аудиокнигу, поигрываю в игры... Это почти телепатия.

Вот почему в Князьграде-1 мы не наткнулись ни на один смартфон или иной коммуникатор.

Как говаривал старина Артур Кларк, любая достаточно развитая технология неотличима от магии. Надо было добавить: для придурков любая фигня мнится магией.

С чипами и визуальными интерфейсами, транслирующими информацию прямо в извилины, жители Князьграда-1 не нуждались ни в вывесках и объявлениях, ни в светофорах и прочих указателях. Голографические тумбы и то устанавливались для красоты, а не из-за практической необходимости. У князьградцев гугл-карты и 2ГИС встроены прямо в башку, на кой им смартфоны?

Я долистал книгу до конца, прочитал по вертикали последние главы. Том заканчивался до появления Поганого поля и Вечной Сибири, хотя и часто упоминал о них. Увы, по этим упоминаниям не понять, откуда и при каких обстоятельствах они появились. Имелись ссылки на следующий том. Но этот том сгорел при пожаре.

— Полный пипец, — громко сказал я.

— Ага, — откликнулся ушастый Витька, выучивший некоторые сленговые словечки и испортивший свой чистый русский язык. — Полный пипец.

Ситуация изрядно запутывалась по мере того, как я узнавал все новые детали этого мира и припоминал подробности своего “попаданчества”. Мой личный субклеточный когнитивный нейромодулятор — нечто продвинутое даже по меркам двадцать второго века, но обзавелся я им в двадцать первом. Как это понимать?

Предположим, СКН — секретная разработка тайной лаборатории. Но скрывать ее течение сотни лет? Нет, трудно представить.

Тогда что — машина времени? Хронопортал, по которому Пономарев, Димон и другие им подобные шныряют из эпохи в эпоху и занимаются мутными делишками?

Если честно, машина времени многое объясняет и дарит надежду на возвращение. Но верится в нее плоховато. Это не многосерийный советский фильм “Гостя из будущего”, хотя я — самый настоящий гость из прошлого. Да я старше всех здесь живущих, они все мне в праправнуки годятся! Ха-ха!

Смущали слова Димона про “супер-экселлент во имя нашей расы”. Приснились мне эти слова или нет, я уже не разберусь. Но если не приснились, то ситуация еще жестче, чем я думал. Вокруг меня ведут хороводы не только путешественники во времени, но и инопланетяне!

О’кей, забей на эти бесполезные домыслы, Олеська. Сконцентрируйся на СКНе. В горячей библиотеке он полностью инсталлировался. Раньше, выходит, он был по каким-то причинам инсталлирован не полностью.

Вот и ладненько. Что показал интерфейс?

“АБИЛ: СКН ИНИЦИИРОВАН ПОЛНОСТЬЮ”.

Абил — это абилити? Ability? Способность или навык персонажа в игре?

Ну да, все логично, инсталлированный по полной программе чип — это наикрутейший абил!

— Перечислить опции СКН! — негромко, но внушительно произнес я.

Терзала мыслишка, что по моему хотенью апгрейд себя не проявит. Но она мгновенно испарилась, когда перед глазами на фоне стенки палатки, в которой я засел, вспыхнули буквы:

УСКОРЕНИЕ

АРХИВНАЯ ПАМЯТЬ

АВТОПИЛОТ ПРИ УРОВНЕ ТРЕВОЖНОСТИ КРАСНОМ

МОНИТОРИНГ ВНУТРЕННЕЙ СРЕДЫ ЗДОРОВЬЕ И ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ФОН

МОНИТОРИНГ ВНЕШНЕЙ СРЕДЫ НА ПРЕДМЕТ ОПАСНЫХ ФАКТОРОВ

ДОПАРТ

Я потер мгновенно вспотевшие ладони.

— Включить архивную память до пробуждения в квест-камере, — почти шепотом сказал я.

УТОЧНИТЕ ЗАДАНИЕ

— День знакомства с Витькой.

СКН послушно и скрупулезно выполнил задание. Перед глазами замелькали сцены того дня с самого пробуждения в квест-камере. Причем я прекрасно видел и реальный мир — одно другому не мешало, просто фокус внимания временами отвлекался, скакал куда не надо, как если б я смотрел кино на полупрозрачном экране и слушал звуковую дорожку через неплотно втиснутые в уши наушники. Я велел ускорить события — в два, три, десять раз. Кадры замелькали калейдоскопом. Смешно и страшновато было наблюдать за моими собственными поступками.

“Кино” воспринималось не так, как бывает, когда кто-нибудь прикрепляет камеру на шлем и снимает все подряд. Картинка мигала, пропадала, когда я моргал, прыгала туда-сюда вслед за движениями глазных яблок — а глаза у меня, оказывается, бегают без остановки. В ушах звучали не только голоса людей и природы, но и стук сердца, шумное дыхание, ворчание желудка — те вещи, на которые обычно не обращаешь внимания.

Короче, “кино” было так себе.

Все-таки я дотерпел до того момента, когда мы с Анькой пососались поздним вечером, я зашел в барак, и из соседских дверей выглянул пацан — тогда еще незнакомый Витька.

“Стоп! — мысленно велел я. СКН подчинился. Оказывается, необязательно говорить вслух, привлекая внимание потенциальных санитаров, достаточно “громко” (или акцентировано) подумать. — День встречи с Димоном”.

АРХИВНАЯ ПАМЯТЬ НЕДОСТУПНА

Я попробовал запустить другие записи до пробуждения в квест-камере — безуспешно. Неудивительно, ведь нейрочип мне вставили после визита в лабораторию. По каким-то причинам СКН запустился не сразу, поэтому записей моего дебоширства в лаборатории и странного поведения Димона и Пономарева также не нашлось.

Но все, что происходило позже, СКН старательно записывал. А также он содержал в себе разные сведения — вроде инфы о радиации, которую он мне выдал у батареи Решетникова. Я решил посмотреть кое-какие моменты через персональный видеорегистратор позже, а пока продолжил исследовать функции нейрочипа.

Автопилот при уровне тревожности красном меня позабавил. Если бы я злоупотреблял “Тишь-да-гладью”, он бы пригодился!

Именно он помог на равных драться с Кирой — без него я бы разлагался сейчас на белоснежной террасе пустого города. И с помощью автопилота я управлял мусоровозом,

когда впервые в панике валил от Уродов. Насколько я понял, автопилот запускается, когда в крови зашкаливает уровень гормонов стресса.

Мониторинг внешней среды включал в себя определение уровня радиации и, возможно, ряда других “опасных” факторов, таких, как ядовитые вещества и прочее в том же духе. В горящей библиотеке чип, по идее, должен был уведомить об уровне угарного газа, но тогда он не был инсталлирован полностью.

Единственная функция, которую я не понял, это допарт. Что за допарт такой?

“Архивная память!”

АРХИВНАЯ ПАМЯТЬ ПОДКЛЮЧЕНА

“Что такое допарт?”

ДОПАРТЫ НЕ ОБНАРУЖЕНЫ

— Что это такое? — вслух сказал я. — Определение, дефиниция?

Но СКН то ли не понимал вопроса, то ли скрывал инфу согласно “заводским” настройкам.

Прикольнo было бы поковыряться в настройках, но я не знал, как это провернуть. Да и страшно было. Если нейрочип начнет лагать, то мне не поздоровится. Это ведь не просто какая-то программа на компе, а часть меня.

Ладно, хрен с ним, потом потихоньку разберусь — времени выше крыши, никаких дедлайнов.

Я выбрался из палатки, где сидел, пока экспериментировал. Края палатки были приподняты, чтобы немного продувало, иначе жара неопиcуемая. Усевшись на поваленное дерево, я принялся точить мачете, мечтая о более достойном оружии — ятагане или шашке. В мачете центр тяжести смещен к концу лезвия — такой штукой удобно рубить дровишки, но из-за инерции им затруднительно манипулировать быстро. Я это чувствовал во время дуэли с Кирой Огнепоклонницей. Если бы не автопилот...

Нелишне поучиться фехтованию; в этом мире оно, по ходу, востребовано. Не стоит постоянно надеяться на СКН.

Дорога ухудшалась с каждым километром, хотя, казалось, куда дальше. Колея вилась между лесистыми холмами, проходила по дну бурных холодных речушек, тянулась по краю обрывов и ущелий. Холмы выросли выше и превращались в горы. Я не пытался представить, где именно мы находимся. Нейрочип по этому поводу уведомил лишь, что двигаться нужно в южном направлении, что мы и делали, но уточнений от архивной памяти не последовало. Месторасположение Отщепенцев в памяти СКН отсутствовало — как и любые карты.

Лес менялся — темнел и густел, состоял сплошь из экзотических патриархов, опутанных лианами. Древесные гиганты падали под тяжестью веса и времени прямо на так называемую дорогу, и нам с Витькой приходилось корячиться, чтобы сдвигать препятствия.

Мусоровоз надрывно гудел и со все возрастающим трудом преодолевал подъемы и спуски. Это тревожило — если местность станет совсем непроходимой, придется возвращаться или идти пешком.

Во второй половине одного из дней — не представляю, какого именно, но луна ночами светила полная, как серебряная тарелка, — я остановил машину и выключил двигатели, не забыв про ручной тормоз. Впереди дорогу перекрывало сразу несколько замшелых стволов, между которыми проросли папоротники. Чтобы избавиться от такой преграды, понадобился

бы экскаватор или кран.

Слева от дороги висился каменистый склон высотой в пятиэтажное здание. В нем чернели прямоугольные дыры — вероятно, входы в каменоломни. Они были полуобрушены. Справа земля понижалась, утопая в буйной растительности. Лес прямо по курсу напоминал джунгли.

— Приехали! — недовольно сказал я.

Витька тут же отреагировал:

— Просил же утром ехать западнее, а ты поехал прямо на юг!

— Просил, — согласился я. — Но как-то не уверенно и не отстоял свое мнение. А мой нейрочип указывает прямо на юг. Другого путеводителя у нас нет. Поэтому не умничай.

Мы вылезли из машины (я предусмотрительно прихватил перфокарту) и зашагали по каменисто-глинистой земле, во многих местах изрезанной дождевыми стоками. В некоторые промоины я бы поместился целиком, и место для Витьки осталось бы. В лесу звенели цикады и голосили пичуги.

Сделав десяток шагов, мы замерли и судорожно сняли предохранители с автоматов. Витька громко щелкнул затвором, загнав патрон в ствол. Я приподнял черные очки на лоб.

Слева, у склона, незамеченная сразу из-за зарослей акации и дикого винограда, притулилась избушка с участком в пару соток, огороженным частоколом из кривых веток, некоторые из которых проросли. На расстоянии метра друг от друга на кольях висели выбеленные солнцем черепа козлов (судя по рогам) и пучки сухой травы, перевязанной бечевкой так, что создавалось впечатление, словно это детские человеческие тела в травяных платицах с козлиными черепами вместо голов. Отдельные ветки изображали ручки и ножки. От пучков травы несло сильным терпким запахом. Приблизившись, я увидел, что пучки облиты желтоватой смолистой жидкостью.

В ограде была калитка под деревянной аркой. На арке висел позеленевший бронзовый колокольчик. С его языка свисала бечевка.

Мы с Витькой медленно подошли к ограде, стараясь перемещаться так, чтобы по нам не могли, скажем, выстрелить из избушки или каменоломни.

За оградой зеленел огородик с капустой и, вроде бы, картофелем, в стороне от избушки из родника в виде деревянной бочки вытекала вода, пересекала дорогу и исчезала в лесу под склоном, в загоне из переплетенных веток топтались и блеяли козы. На бельевой веревке между избой и загонем на легком ветерке трепыхалось старое просторное платье простого покроя. С другой стороны от избы возвышалось еще одно строение, которое я опознал как крохотную баньку. Туалет я не углядел — наверное, он за загонем. Людей нет.

— Избушка на курьих ножках? — сказал я под нос.

Дом и впрямь стоял на покатам каменистом склоне, и его переднюю часть поддерживали два столба-сваи. Но на таких “ножках” не побегаешь и к лесу задом не повернешься.

Хотя в Поганом поле возможно всякое.

— Чего? — удивился Витька.

— Баба Яга здесь живет.

— А, сказочное существо? Зайдем?

— А если это реально ведьма?

— Что за глупые суеверия? Ведьм не бывает!

Я отмахнулся от мухи, кружившей возле лица, и бросил на пацана хмурый взгляд.

— Уверен? Я раньше думал, что и мутантов с ходячими железками не существует. А теперь верю вообще во все. Но ты прав: надо быть готовым ко всему. Обрати внимание: территория никак не защищена, оружия не видать, живет один человек, судя по размеру бани и избышки, и этот человек — женщина.

Витька указал пальцем на платье и добавил:

— Не худая женщина.

— Вот именно! Это-то и пугает больше всего. Живет одна в лесу и не худая. Чем питается?

— Козлятиной и дарами лесными, — раздался позади резкий старушечий голос. — И путниками глупыми!

Мы взвились в воздух, как испуганные коты. Развернулись и уставились на бабушку лет семидесяти, невысокую, но упитанную, в мешковатом платье неопределенного цвета, кожаных самодельных говнодавах, в платке, из-под которого выбивались седые пряди, с клюкой из обычной палки, отшлифованной ладонями. За спиной корзина наподобие рюкзака, в ней — пучки трав, грибы и ягоды. Бабушка недовольно глядела на нас выцветшими голубыми глазками.

— Здравствуйте! — брякнул я первое, что пришло на ум.

— И вам не хворать! — тем же резким командным голосом ответила бабушка. — Кто такие, чего надо?

— Мы с Вечной Сибири, ищем Отщепенцев, — не стал я юлить. — Меня зовут Олесь это Витька. То есть Виктор.

— А на кой вам Отщепенцы? — спросила наглая старуха.

— Хотим к ним присоединиться.

— А зачем вам присоединиться? И зачем вы им сдались?

Я глубоко вздохнул, а Витька засвистел мелодию и как бы невзначай приподнял автомат. Сверля его глазами, я вежливо сказал бабушке:

— В Вечной Сибири свободы нет. А мы мечтаем жить в свободном обществе. Чтобы без рейтинга и прочих штучек, от которых тошно. Надеемся, нас примут.

Старуха с ухмылкой улыбнулась — улыбка получилась язвительная.

— Такие, как вы, нигде не уживутся. Мигранты! Вам лишь бы мотаться по свету и халяву искать! А как понаедете, сразу свои правила начинаете диктовать!

Я сжал зубы и не ответил. Зато вмешался Витька:

— Верно. Мы — такие люди, которые остро чувствуют социальную несправедливость.

Я поднял брови. Это он тоже в школе вызубрил?

Бабушка пожевала губами, раздумывая. Сказала:

— Заходите. Меня баба Марина звать. По закону гостеприимства зову, без дурной мысли. И вы ведите себя прилично.

И первая вошла через калитку. Идя следом, я прикидывал, прилично ли ходить в гости с заряженными автоматами? У Решетникова мы сидели за столом с оружием, но то был мужик, а с мужиками проще. Баба Марина, по всему видать, стерва еще та, палец в рот не клади. Но с оружием расставаться не дело.

Мы прошли под деревянной аркой, от крепкого и терпкого запаха чучел на изгороди у меня на секунду закружилась голова.

Меня в бок пихнул Витька.

— Где лампы? — прошипел он.

Я сразу врубился, о чем он говорит. Ночью Поганое поле опасно, и единственный способ защититься — освещать территорию. Вокруг избушки я не заметил никаких фонарей или иных осветительных приборов.

— Чего? — обернулась бабка, у которой оказался острый слух, несмотря на возраст.

— Где у вас лампы? — прямо спросил я. — Как ночью защищаетесь от обитателей Поганого поля?

Бабка секунду помолчала, переводя взгляд с меня на Витьку и обратно, затем зловеще рассмеялась, продемонстрировав редкие желтые зубы:

— Я сама — часть Поганого поля! От кого мне защищаться?

Переглянувшись, мы с Витькой отступили на шаг. Заходить в избушку как-то вдруг расхотелось — внутри мы окажемся в ловушке.

Баба Марина снова рассмеялась — на сей раз весело и искренне.

— Не бойтесь! Я в травах толк знаю и земной волшебкой немного балуюсь. От земли моя сила — в растениях, деревьях, камнях, костях старых... Мои чучелки от Бледняков защищают. И ламп не надо.

— Бледняков? — переспросил Витька.

— Уродов, — догадался я.

Очевидно, Уродов и прочую погань отпугивает не только свет, но и определенный запах, как пахучие репелленты отпугивают комаров.

Или же — при мысли об этом меня передернуло — у бабки в запасе есть какое-то сильное колдунство...

Глава 10. Ведьмина чащоба

Вслед за старухой мы вошли в дом, каждую секунду ожидая нападения или другого подвоха. Но бабка ковыляла впереди, не оглядываясь; под нашими ногами не распахивались провалы-ловушки; из-за угла не выскакивали враги с топорами; а мы не слышали ни малейшего подозрительного звука и понемногу расслабились.

Вошли в узкие и тесные сени, забытые стоптанной средневековой обувью, метлами и вязанками мелких дров. Внутренняя дверь между сенями и “гостиной” напрочь отсутствовала, только проем. Да и зачем вторая дверь? Холодных зим здесь не бывает. Основное помещение избы относительно светлое и относительно просторное, из него два проема без собственно дверей ведут в чулан и спальню с узкой кроватью.

Из мебели в гостиной древнее плетеное кресло-качалка, стол под тряпичной скатертью, три стула из неокрашенного дерева и шкафчик. На столе и низких скамьях у стен выстроились кувшины, чашки и тарелки — все из темно-красной глины с причудливым геометрическим орнаментом. Печка крохотная и низкая, сложенная из камней. На такой печи можно готовить, но не запекать или лежать сверху, как на русской печке. С потолка свисают связки сухих пахучих трав и спиленных рогов. В темных углах закрытые бочонки.

Я подивился: как старуха выживает в одиночестве? Живет она определенно одна. Но кто-то ей приносит посуду и бочонки. Не сама же она их делает?

— Садитесь, — не то пригласила, не то приказала бабка Марина.

Мы с Витькой сели за стол напротив друг друга. Ситцевая шторка прикрывала окно практически без рамы с одинарным стеклом, засиженным мухами. Я подозревал, что стекло вынули из окна совсем другого дома или здания.

Я сел так, чтобы держать в поле зрения оба дверных проема. Спальню полностью не видел. Там мог кто-нибудь прятаться. Витька уставился в окно на мусоровоз, беспокоился, как бы его кто-нибудь не увел или обокрал. Это было невозможно — перфокарта, без которой ни отпереть, ни завести машину, лежала у меня в кармане.

Пока мы сидели, шныряя глазами туда-сюда в поисках опасности, бабка поставила корзину в угол на бочонок, засуетилась, забежала по комнате, вытаскивая из шкафчика пряники и тарелки с мелкими ягодами, которые я не опознал.

Мы взяли по прянику. На ощупь они были твердые, как камень. Есть мы не спешили.

— Как вы тут живете? — завел я светскую беседу.

— А что такого? — спросила бабка, с кряхтением усаживаясь поодаль от нас на третий стул у бочонка с корзиной.

— Ну, вы ведь одна.

— Судьба у меня такая. Я уж примирилась. Могла бы мужа иметь и ребенка, да судьба отобрала и то, и другое.

Она привстала, взяла со стола ягодку и положила в рот. После того, как она проглотила ягоду, Витька осмелился попробовать одну штуку. Скривился — кисло.

— Сочувствуем, — сказал я.

Бабка усмехнулась.

— Сочувствуете? Вы ни меня не знаете, ни моей жизни, ни того, правду ли я говорю или брещу прямо в глаза. И не доверяете вы мне. Чего сочувствовать-то незнакомому

человеку?

— Так положено говорить, — нагло сказал я. С такими, как эта бабка, иначе нельзя. Посмеется над культурным поведением, и все.

— Кем положено? Лицемерами? Жалеть меня не надо, я приноровилась, жаловаться не на что. Я тут заместо сторожа. Путников привечаю, новости узнаю, путь показываю.

— Путь показываете? Куда? Вы знаете, где живут Отщепенцы?

— А как же? — не стала ломаться бабка. — В лесу. День пути по тропинке. На вашей самоходной телеге не пробраться.

— А как пробраться?

Бабка подтянула к себе корзину, вынула откуда-то кривой ножик и взялась за чистку грибов.

— На своих двоих, как же иначе? Выходить надо рано поутру, едва светать начнет. Чтобы дотемна успеть.

— Понятно...

— Что тебе ясно? — пробрюзжала вредная бабка. — Лес этот темный и опасный, много злого в нем.

— Чего именно?

— Волшбы злой, черной, не из нашего мира.

Витька, который взял пряник, но не отважился его куснуть, оживился:

— Вы про волшбу серьезно?

Баба Марина глянула на него так насмешливо, что Витька съежился.

— Просто раньше я никогда ведьм не встречал, — вежливо пояснил он.

Старуха поперхнулась очередной ягодой.

— Я тебе не ведьма, шельмец! Я знахарка! Моя волшба земная, от кореньев, растений лечебных, костей мертвых животных, амулетов да оберегов.

— А еще есть волшба небесная? — уточнил я, заинтересовавшись.

— Догадливый! Небесная волшба в опоре на земные штучки не нуждается. Волхв одной силой на мир влияет. А есть и чужая волшба, не из нашего мира — вовсе непонятная.

Я задумался. Откуда эта взяла эту классификацию? Выдумала? Во сне увидела?

— Значит, — заговорил я о другом, — выходить надо пешком и рано поутру. Ладно, мы поняли. Спасибо.

Мы встали и вышли из дома. Бабка Марина не задерживала. В сенях вокруг нас закружились мухи — результат близости загона для скота. Мы отмахнулись от них и вышли во двор.

Забравшись в машину, стали держать совет.

— Бросать машину с нашим добром нельзя! — заявил Витька.

Я не спорил.

— Сам понимаю. Но другого выхода нет.

— Как это нет? Возвращаемся и ищем другую дорогу.

Я кое-что прикинул в уме.

— Вот что, Витька, давай так. Сделаем пробную вылазку. Просто прогуляемся с минимумом обвеса в лес, посмотрим, что да как. Если Отщепенцы живут в дне пути, должны быть признаки, так сказать, цивилизации. Увидим эти признаки — пойдем дальше, если лес нежилой — возвращаемся, материм старуху и едем назад, до развилки.

— Договорились.

Мы вернулись на полтора километра назад по горам и заночевали в маленькой долине с ручьем. Долина — сплошное загляденье: живописные кусты и старые мощные деревья, свежий ветерок, прозрачный ручей. На склонах долины зловеще шумел густой непролазный лес.

До наступления темноты мы зарядили фонари под завязку, проверили автоматы, зарядили магазины, взяли запасные, прихватили еду на два дня, воду в баклажках и фляжках. Все это добро уместилось в два рюкзака.

Среди ночи я проснулся ни с того, ни с сего. Такое бывало. В палатке было очень темно и душно. Как по заказу, спустя мгновение после моего пробуждения сработали датчики движения, и гирлянда ожила — вспыхнул свет, стены палатки осветились. Такое тоже бывало и не раз. Иногда чувствительные датчики реагировали на пробежавшего ежика или белку, на пролетающую сову или нетопыря, иногда гирлянда включалась из-за движущейся от ветра ветки. Не слишком встревоженный, я привычным движением подхватил автомат и тихо, стараясь не разбудить мирно сопящего Витьку, выбрался через клапан наружу.

Снаружи было тепло, но гораздо свежее и приятнее, чем в душной палатке. Заливались сверчки, квакали лягушки в стоячей воде у ручья, в небе висела огромная луна, заливая серебром черный массив гор и леса.

Гирлянда светила вовне, и кусты на ближайшем склоне были видны до последнего листочка. Вдали, на границе света за кустами, мелькнула белая фигура, и я вцепился в автомат. Но это был не Урод и не Лего, это была голая девушка с гривой темных волос!

— Кира? — вырвалось у меня.

Почему-то подумалось, что это она. Я сдержал порыв схватить фонарь и побежать за ней.

В палатке заворочался и заворчал Витька. Но не проснулся.

Я смотрел туда, где продефилировала неведомая нимфа, пока гирлянда не погасла. Датчики больше не включались. Я постоял минут пять или дольше, потом вернулся в палатку.

Кто это был? Датчики среагировали на нее, мне не привиделось. Она не шарахнулась от света, как Погань. Выходит, это что-то другое. Но при этом она не заинтересовалась нашим лагерем, даже головы не повернула. Я прокрутил увиденное заново с помощью нейрочипа. Да, она не шарахнулась, однако быстро растворилась в темноте.

Возможно, это порождение Поганого поля... Не баба Марина ведь, превращенная ночью в прекрасную деву!

Я лежал на спальнике, прислушивался к звукам снаружи и еще раз три прокрутил “ролик”. Удобная штука этот СКН! Нимфа прошла за кустами далековато, нормально не разглядишь. Приблизить картинку не удалось — у апгрейда нет такой функции. Дева молодая, стройная, почти тонкая, волосы до талии.

Зачем обычному человеку гулять ночью в темноте по Поганому полю? Да еще и голой?

Я все ждал, что к нам явятся гости, но датчики не срабатывали, сверчки пели усыпляющие заунывные песни, и я вскоре уснул. Ко всему привыкаешь — даже к сну среди бугименов.

Едва рассвело, мы поднялись, наскоро перекусили. Я переобулся в нелюбимые берцы, которые чуть не выбросил. В сандалиях или туфлях по лесу не ходишь. Переоделись в плотную одежду, загнали машину в буйные заросли, и Витька, ворча под нос, повесил на

кузов висячий замок с рычажком в лабиринте. Аналогичный висел на дверях замаскированной мастерской. Пацану не нравилась идея оставлять все наше добро, он то и дело озирался по сторонам, выясняя, не следит ли за нами клятая ведьма или кто-то другой. Мы забросали машину ветвями так, что и с двух метров ничего не различишь.

Утерев пот, нацепили рюкзаки. Самыми тяжелыми были аккумуляторы и патроны, но в целом рюкзаки оказались вполне транспортабельными.

Ослепительный край солнца приподнялся над лесом, когда мы выступили в пешее странствие. Настроение у меня было не ахти, мучили тревога и неуверенность. Раньше мы не отправлялись в путешествие пешком по джунглям, и вчерашнее ночное приключение навевало беспокойство. Я не рассказал Витьке о ночной нимфе, так и представлял его ехидную усмешку и вопрос, не слишком ли часто я вспоминаю Киру, а то, мол, мерещится всякое.

Мы поднялись по плохо различимой колее навверх из долины и молча, экономя дыхание, зашагали то вверх, то вниз по горам. Под ногами встречались куски старого-престарого асфальта, зарастающего почвой, на которой росла трава. Оглушительно звенели насекомые, над головой вились мошки, в кустах перепархивали с ветки на ветку птицы. Жизнь в горах была ключом.

Когда добрались до избушки, баба Марина копалась в огороде, задрав кверху увесистый зад. Она слышала наши шаги и махнула рукой. Лица я не разглядел, но показалось, будто старая ведьма язвительно щерится.

На границе с джунглями перебрались через завал поваленных деревьев, цепляясь за ветки одеждой и рюкзаками. За завалом взору открылась тенистая, закрытая зарослями со всех сторон тропа шириной в три-четыре шага. Машина по этому тоннелю ни за что не проехала бы. Через пятьдесят метров путь перегородил новый завал.

Дорога была не просто хреновая, она была ужасная. Постоянно приходилось идти гуськом, наклоняться, отодвигать надоедливые ветви и паутину, вьющиеся сорняки, протискиваться, пролезать и ползти чуть ли не по-пластунски. Я активно использовал мачете по прямому назначению. Тропа заросла, ее покрывали груды веток и гнилой листвы, разрезали промоины, усеивали острые камни. Один неверный шаг — и улетишь либо под откос, либо вывихнешь ногу.

— Будто специально дорогу испортили, — отдуваясь, пробормотал Витька спустя час страданий.

— Не исключено, что специально... — прорычал я, разрубая очередную тонкую, но прочную лиану.

Солнце почти не проникало под свод тропы, и мы перемещались в темно-зеленоватом сумраке. Временами справа и слева от тропы вырастали гигантские вздутые сферы — ядовитые грибы. Те, что сидели в дерне близко от тропы, удалось рассмотреть: бледно-синюшные, с красноватыми прожилками, похожими на вены. Чувствовалась пульсация в глубине этих отвратительных существ, словно в них билось странное, ни на что не похожее сердце. Наверное, грибница пронизывает весь лес...

В какой-то момент забежавший вперед Витька напрягся, глядя куда-то налево.

— Что такое? — прошипел я.

— Не пойму... Словно смотрит кто-то...

Спустя минуту я тоже почувствовал. Стоит скосить глаза, боковым зрением улавливаешь, как на дереве появляется лицо. Переводишь взгляд — нет, просто случайный

рисунки на коре старого дерева. Шизофреническая парейдолия.

Остановившись, мы постояли, вращая головами и прислушиваясь изо всех сил. В лесу было тихо, если не считать шорох ветвей и треск сучьев вдали (зверек крадется?), и темно, между деревьями колыхались полотнища белой паутины.

Сбоку, на краю поля зрения, метнулась легкая тень. Я развернулся, поднимая ствол автомата и сдвигая большим пальцем правой руки рычаг предохранителя в позицию одиночных выстрелов.

Никого.

Я отмотал с помощью СКН свое видение на несколько секунд назад — никаких теней, просто шевельнулись ветки. Витька пялился в противоположную сторону.

“Экселлент во имя нашей расы!”

Резкий и гулкий, не совсем человеческий голос рубанул по ушам, я вздрогнул, развернулся и снова ничего подозрительного не увидел. “Откатил” время назад, но никакого голоса в записи не было. Что это? Глюки? Надышались грибными испарениями?

“Состав воздуха на предмет вредных и опасных веществ!”

НЕ ОБНАРУЖЕНО

И не факт, что вредных и опасных веществ нет в воздухе, ведь нейрочип наверняка выявляет ограниченное количество разных субстанций, а не все на свете. И чувствительность “дозиметра” не бесконечна...

— Витька, ты слышал?

— Как отец ругается? — отреагировал он. В полумраке его лицо казалось бледнее обычного. На лбу блестели капли пота.

Я изумился:

— Димон — твой отец?

— Какой Димон? — не понял Витька, и я понял, что нам мерещилось разное.

— У нас глюки!

“Иные вредные, отравляющие и опасные факторы?”

ФИКСИРУЕТСЯ СЛАБОЕ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ НЕИЗВЕСТНОЙ ПРИРОДЫ

“Что за поле?”

ИНФОРМАЦИЯ ОТСУТСТВУЕТ

НЕОБХОДИМ ДОПАРТ

Я шипяще выругался сквозь зубы. Так и думал, что этот долбаный неведомый допарт понадобится в самое неподходящее время! Закон подлости во всей красе!

Во всяком случае, испарения грибов ни при чем. Если, конечно, энергетическое поле неизвестной природы излучают не грибы.

Донесся далекий голос Витьки, который звал меня. Я удивленно обернулся — пацан ведь стоял рядом!

Но он действительно стоял рядом. Смотрел на меня и улыбался.

— Чего тебе? — буркнул я. — Чего лыбишься?

Вместо ответа он принялся глупо и раздражающе хихикать.

Я забеспокоился:

— Витька? Что с тобой?

Закончив, наконец, хихикать, Витька осведомился голосом, звучащим как бы издалека:

— Олеська, ты хоть представляешь, куда залез? Отсюда нет выхода! Ты пребудешь в Поганом поле вечно... во имя нашей расы!

Я отступил от него на шаг, сжимая автомат.

— Ты че?

Витька исчез. Только что был прямо передо мной, а вдруг — раз! — и исчез без всяких спецэффектов.

Паника не успела мной овладеть, когда послышался знакомый голос:

— Олесь!

Я обернулся. Ноги немного тряслись. Из-за поворота тропинки выглянул Витька.

— Ну ты идешь?

— А ты... ты разве не рядом был? — заикаясь, спросил я.

Он нахмурился, подошел ближе. Реальный, как и всегда. Усталый. Потер глаза.

— Сам не пойму, где я был... В сон тянет...

Разве это не он говорил про “расу”? Или прямо сейчас это тоже не он, а кто-то другой? Что-то другое?

Я “отмотал запись” на несколько минут назад и замедлил сцену с Витькой. Вот я напротив Витьки — он смотрит на меня, а, может быть, мимо, улыбка во весь рот (Витька никогда так дебильно не лыбился), глаза пустые. Я замедлил “проигрывание”. Голос Витьки, звучавший как бы издалека, понизился, приобрел басовитые нотки. “Ты-ы-ы хооть представляяеешь, кудааа залееез...” Губы двигаются, но есть подозрение, что говорит не он — говорят за него. А передо мной кукла, шевелящая губами.

“Полный мониторинг окружающей среды!”

ОПАСНЫХ ФАКТОРОВ НЕ ОБНАРУЖЕНО

ДЛЯ БОЛЕЕ ПОЛНОГО АНАЛИЗА НЕОБХОДИМ ДОПАРТ

Я злобно произнес:

— Когда-нибудь я тебя выковырну и расколочу молотком!..

— Зачем меня выковыривать? — не понял Витька.

— Я не тебе, а нейрочипу. Пользы от него, как козла молока.

Насупившись, Витька прошептал:

— Мне кажется, нас ведьма заколдовывает.

— Ты же не верил в ведьм!

Он пожал плечами.

— Взрослею.

Мы двинулись дальше. Рюкзаки ощутимо потяжелели, усталость и жажда давали о себе знать все настойчивее, хотя прошло от силы часа три с той минуты, как мы вошли в джунгли. Сумрак сгустился.

Неожиданно мы вышли на продолговатую прогалину, поросшую невысокой жесткой травой. Длиной метров шестьдесят-семьдесят, шириной — не более тридцати. На дальнем от нас конце на возвышении громоздились исполинские серые камни: два торчали ребром, третий лежал поверх них. Это был П-образный дольмен высотой метра три. Вокруг дольмена валуны размером с человеческую голову образовывали круг диаметром метров двадцать.

“Наша” сторона прогалины ничем особенным не выделялась. Напротив продолжалась тропа. Недалеко в лесу торчал очередной гигантский гриб. Вдали, над лесом, вздымался покрытый лесом курган.

Я обратил внимание, что небо вечернее, фиолетовое, а солнце светит откуда-то сбоку, его лучи приобрели золотистый оттенок, как это бывает перед закатом.

В желудке заурчало, я зачмокал губами, во рту пересохло напрочь. Достав флягу из

бокового кармашка рюкзака, я жадно присосался к горлышку. Витька последовал примеру.

— Не понял. Уже вечер, что ли? — сказал он, подавив отрыжку.

Я не ответил, растерянно глядя на него. Получалось, что да, наступил вечер. Спустя лишь несколько часов после восхода.

Как мы прозевали целый день?

Тело у меня ломило, я готов был упасть прямо на траву и лежать сутки. Невыносимо хотелось есть. Нет, не время ускорилося, а мы прошляпили целый день, как бы странно это не звучало.

На бешеной скорости я промотал в виртуальном пространстве интерфейса день с самого утра. Все правильно, я ничего не упустил, день никак не мог завершиться вне моего осознания. Или же апгрейд тоже заморочен волшебной силой. В сущности, он записывает то, что воспринимают мои органы чувств и сообщают мозгу. Я мог тащиться весь день, все видеть и слышать, однако из мозга и апгрейда это стерлось.

Но как?

— Нас заколдовали... — начал я, и Витька подхватил:

— Ведьма.

— Может, и она, тварь старая. Мне не хватает департов для нейрочипа, чтобы выявить, чем на нас воздействуют. Знаешь, что такое департ?

— Нет... Ты уже спрашивал. Что будем делать?

— Назад возвращаться поздно. Если мы не заметили, как тащились сквозь лес весь день...

— Или день сократился.

— Вряд ли. Ты жрать хочешь?

— Ага.

— Словно целый день не ел и не пил?

— Точно.

— То-то. И усталость такая, будто весь день перлись под гипнозом. День не сокращался, это мы забыли о том, что идем долго. Так что назад идти поздно, ночь на носу. Устроимся на ночлег, а завтра идем назад.

— И материм старуху! — недобро сверкнул глазами Витька.

— Обязательно.

Ночлег устроили прямо на прогалине — удобное открытое пространство, ночью его осветит луна, трава невысокая, дергать не надо.

Скинув рюкзаки, подошли к дольмену рассмотреть его поближе. Камни гладкие, точно отполированными, покрытые желто-зелеными пятнами мха, очень древними на вид.

— Как такую тяжесть поднимали? — поразился Витька. — И как сюда притащили?

— Это дольмен, — объяснил я. — В далеком прошлом люди зачем-то возводили эти сооружения по всему миру.

— В далеком прошлом? В твои времена, что ли?

— Раньше, — буркнул я. — Во времена мегалитической культуры. Самое известное сооружение — Стоунхендж. Слышал о таком?

Нет, Витька не слышал.

— Я о ведьминых кругах знаю, — сказал он. — Только они не из камней, а из поганок.

Я прикоснулся к камню. Он был холодный и как бы липкий. Под черепом

проклюнулось слабое, но назойливое чувство зуда или вибрации.

Апгрейд сообщил:

ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ НЕИЗВЕСТНОЙ ПРИРОДЫ УСИЛИЛОСЬ

ПОДКЛЮЧИТЕ ДОПАРТ

Я отошел от дольмена и увел Витьку.

— Разобьем лагерь на другой стороне. Подальше от этого ведьминога круга.

Развесили гирлянду на воткнутых в землю палках, благо их было полно в округе. Мне было страшно и не по себе в этом колдовском лесу. Витька помалкивал, бросая затравленные взоры на безмолвную стену леса вокруг. Никто из нас вслух так и не озвучил, что мы, судя по всему, попали в западню, и просто так из нее не выскользнуть. Чертова баба Марина специально отправила нас сюда, прекрасно понимая, на что обрекает.

Мы в темпе поели, сидя прямо на разложенных на траве спальниках, сняв автоматы с предохранителя. Меня грызло опасение, что никакой автомат не поможет, если я просто перестану воспринимать окружающую действительность или появится какой-нибудь морок.

Когда я заканчивал жадно поглощать сухари с консервами, то внезапно заметил на большущем стволе дерева на границе прогалины человеческое лицо. Сам не понял, как вскочил. В тот же миг иллюзия рассеялась — узоры на коре действительно издали и под определенным углом представлялись человеческим лицом, немного искаженным, будто бы изображенным дохристианскими язычниками.

Мы с Витькой подошли к дереву. Вблизи стало очевидно, что когда-то давно кто-то вырезал на стволе в двух метрах от земли изображение огромного лица. Из глаз “лица” и рта вытекала смола. Дерево старалось заживить порезы, но барельеф остался.

Пока мы зачарованно таращились на “картину”, из-за ствола беззвучно шмыгнула прочь легкая тень. Мы выстрелили одновременно — грохот одиночных выстрелов разнесся по округе и заглох в густых дебрях.

Отбежав в круг светящейся гирлянды, мы опустились на одно колено, чтобы сильно не отсвечивать. Вдруг по нам начнут палить?

— Это не Погань, — заявил я вполголоса.

— Что?

— Погань боится света. Сейчас светло. Это что-то другое.

— Ведьма.

— Скорее всего. Ночью будем спать по-очереди. Нужно всегда быть рядом и всегда с оружием. По нужде не отходить. Первый дежурю я.

Кивнув, Витька взял лопату-мотыгу и вырыл узкую яму — наш временный туалет.

Стемнело. На небе проклюнулись первые звезды, луна еще не взошла. Деревья вокруг слились в одну черную стену, откуда за нами следил кто-то чужой и недоброжелательный. Витька улегся на спальник, не раздеваясь, а я уселся по-турецки и напряг слух. В траве щелкали насекомые, трещали сучья в лесу, еле слышно шумели кроны деревьев, их шевелил ночной ветерок. До нас он не доходил.

Поскольку ничто не двигалось, лампы на гирлянде выключились. В темноте светились только звезды над головой. Вскоре из-за черных вершин поднялась блистательная луна, в ее лучах трава поседела, дольмен блестел, будто покрытый росой, а тени под деревьями сгустились и как бы затвердели.

Я прикинул, что буду дежурить, пока луна не доплывет до вершин деревьев на противоположной стороне прогалины, потом разбужу Витьку и немного покемарю. На

пацана надеяться глупо, может и заснуть сидя. Впрочем, Витька — человек ответственный. Раньше нам не приходилось дежурить по ночам, и неизвестно, какой из него сторож. Во всяком случае, я взрослый и должен взять на себя ответственность. И в то же время должен отдохнуть, иначе польза от моей ответственности нулевая.

Время тянулось. Я прислушивался к тишине, смотрел, как луну покрывает вуаль облаков, а усталость после целого дня хождения в бессознательном состоянии усиливалась. Сонливость пропитала мозг и все мускулы, глаза слипались, хоть спички вставляй. Полить голову водой? Нет, воду надо беречь, ручьев поблизости нет.

Иногда кожи касались нежные бархатные пальчики. Я вздрагивал и отмахивался. Думал, что это нетопыри. Но это были обычные ночные бабочки. Мы установили датчики так, чтобы они реагировали и на движение сверху. Правда, если вампир спикирует вертикально вниз, датчики его не засекут. Я время от времени менял позу, отмахивался от воображаемых вампиров, — короче, вел себя как шиза. На самом деле это было полезно: меньше риска заснуть или быть высосанным вампиром.

Я и не подозревал, что ночевка под открытым небом настолько подействует на нервы. Мы много ночей спали посреди Поганого поля в палатке, прекрасно понимая, что вокруг шляются Уроды и прочая Погань. Привыкли. Тонкие брезентовые стены палатки внушают ощущение безопасности, хотя никакой безопасности нет в помине.

Комаров вроде бы не было — и то хорошо.

“Мониторинг окружающей среды!”

ПРЯМОЙ ОПАСНОСТИ НЕ ОБНАРУЖЕНО

УРОВЕНЬ ТРЕВОГИ ЖЕЛТЫЙ

Я немного расслабился и почти сразу провалился в сон. Вздрогнув, проснулся и потер лицо. Витька дышал тихо — не поймешь, спит или просто лежит.

“Ты можешь будить меня?”

УТОЧНИТЕ ЗАДАНИЕ

ВКЛЮЧИТЬ БОЕВОЙ РЕЖИМ

ДА/НЕТ

“Нет”.

Драться-то не с кем. А боевой режим вытянет из меня последние силы.

Я по-разному приказывал апгрейду будить меня, если засну, но он упрямо меня не понимал. Ладно. Функция будильника в него не встроена, но мониторинг окружающей и внутренней среды работает, кажется, постоянно. Если что, он должен предупредить. Или нет?

Пока размышлял, снова закемарил. Начал заваливаться вбок и от этого движения проснулся, подхватился, заозирался.

И увидел бледную фигуру на краю леса. В животе сжались кишки, моментально взмокли ладони, сжимающие автомат. Неизвестно, заметило ли существо, что я его вижу. Наверное, да, ведь я только что дернулся оттого, что заснул. Тварь двигалась очень медленно и плавно, поэтому датчики на гирлянде не срабатывали.

В лесу закрипело и лязгнуло. В чаще ворочалась, как гигантский тролль, прямоугольная тень, похожая на вставший на дыбы трактор. Лего?! Лунные лучи, просачивающиеся сквозь плотную крону, отразились на блестящих металлических поверхностях.

Они подкрадывались к нам — Урод и Лего, стараясь быть максимально незаметными.

Витька разом сел на спальнике. Оказывается, спал вполуха, по-собачьи. Посмотрел на меня, но ни о чем не спросил.

Я потянулся к фонарю и включил его. Яркий луч ударил в тьму. Бледная фигура, с треском ломая ветки, рванулась в заросли. Луч пронзил лес на несколько десятков метров и осветил немыслимое трехметровое сооружение в виде поставленных друг на друга ящиков из металла и пластика. Снизу конструкция держалась на круглой бочке с двумя колесами. С верхнего ящика свисали гофрированные шланги. Лего взмахнуло щупальцами, с шумом и лязгом укатилось в лес.

— Окружают? — неестественно спокойным голосом проговорил Витька.

Встал, защелкал выключателями. Гирлянда осветила прогалину.

— Врубил на постоянное свечение, — пояснил он. — Заряда должно хватить надолго...

Наступила тишина. Некоторое время мы неподвижно сидели в круге сияющей гирлянды, затем Витька прошептал:

— Смотри!

Я оглянулся.

Направленные наружу лампы не слепили. И в лунном сиянии я отчетливо увидел на вершине кургана над лесом колоссальный шевелящийся крест. Он двигался, изгибался и вертикальной толстой перекладиной и поперечной, чуть потоньше, и не было сомнений, что это живое существо. Высотой с восьмизэтажный дом, не меньше. Верхушка креста разделялась на пучок змеевидных отростков.

У меня зашевелились волосы на всем теле. Я моргал и не мог поверить, что это не сон.

Или сон? Очередной морок?

— Это что за Ктулху? — вырвалось у меня.

На луну набежало плотное облако, и крестообразная тень на секунду-другую исчезла из виду. В этот момент почудилось, что над дольменом поднялось фиолетовое сияние, которое тут же погасло.

Я стучал зубами, Витька дрожал. Облако снова открыло диск луны, но курган был пуст. Исполинская тварь пропала без единого звука.

И тут я понял, что проблема сонливости решена. До утра я не усну при всем желании.

И верно: до утра мы оба не сомкнули глаз. Сидели, ждали невесть чего, не разговаривали. Когда восточный край неба, видного с прогалины, осветился зарей, я и не поверил, что ночные страсти закончились.

Я наконец разжал онемевшие челюсти и хрипло спросил:

— Ты видал ту херню?

Конечно, Витька видал. Он-то и обратил мое внимание на нее. Но мне надо было убедиться.

— Крестовину с щупальцами? Еще бы не видал! Она огромная!

— Куда он мог спрятаться?

— Он просто исчез! Даже то здоровенное Лего, и Урод вместе с ним, свалили с шумом, а это... чудовище...

После паузы я сказал:

— Коллективная галлюцинация?

— Коллективный глюк? Это как?

— Кто-то или что-то на нас как-то воздействует, а мой нейрочип требует долбаные

допарты. Я бы грешил на дольмен, но нас начали морочить до того, как мы сюда притопали. Короче, валим отсюда...

О том, что мы можем вообще никогда не выйти из леса, я умолчал.

— Куда валить? — спросил Витька. — Назад?

Что-то в его тоне заставило меня внимательно поглядеть на него.

— А ты хочешь идти дальше?

— Не зря же мы столько шли!

— Заметь, Витька, мы не встретили следов цивилизации. Старуха нас надула,

Отщепенцев тут нет.

Витька почесал затылок и потер покрасневшие после бессонной ночи глаза.

— Эту ночь мы пережили. Те, кто нас морочит, убивать не хотят. Назад тоже не развернули, а то бы мы очухались, когда пришли бы обратно к избушке. А тропа продолжается...

Я задумался. Вчера мы шли весь день, с учетом пересеченной местности преодолели около тридцати километров. Вероятно, меньше, но по любому немало. Прделанной работы жалко, а аргументы Витьки звучат небеспочвенно. Если нас морочит ведьма, то она нацелена нас куда-то пригнать. И если мы повернем назад, она будет против.

В то же время идти невесть куда глупо.

Меня одолели ослиное упрямство и злоба. Полночи нас пугали, днем гипнотизировали — не пора ли поставить ведьму, или кого там вместо нее, на место? У меня есть апгрейд с ускоренным режимом и автопилотом. Морду набить я как-нибудь сумею...

— Выдержишь? — спросил я.

Витька скривил губы. Он выносливый, я знал это.

— Если потеряю силы, ты меня донесешь, — съязвил он.

Я усмехнулся.

— А если воды не хватит?

— Ручей найдем.

— А если не найдем?

— Ручьи должны быть, — сказал Витька нравоучительно. — Видишь, какой лес влажный? Горы опять-таки. В крайнем случае листики пожую, в них сока много.

Смелый шельмец, подумал я. В его возрасте я таким не был. Но в его возрасте я не жил в бараке с придурочными родителями, не работал добровольно на мусоровозе, не разгуливал по Поганому полю...

Мы уложили шмотки в рюкзаки. От недосыпа и напряжения в голове плыл туман, окружающее воспринималось нечетко. Взвалив рюкзаки, мы пересекли прогалину и пошли в густую тень тропы. Мышцы ныли.

Там, где ночью ворочалось Лего, лес был раскурочен: кусты вырваны с корнем, земля перепахана, с деревьев содрана кора. След вел вглубь чащобы, под уклон, в темный овраг. Мы туда не сунулись.

Через тридцать метров миновали гриб возле самой тропы. Его засыпало щепками и листвой, и он слабо-слабо пульсировал.

Какая между ним и Уродами связь? У меня было бессознательное подозрение, что все они — одного поля ягоды.

Поганого поля ягоды...

Снова возникло ощущение, что за нами следят. И снова мы не замечали никакой

слежки, было только неприятное чувство потока внимания. На нас давили на уровне психогенных полей, в которые не верила наука моего времени. Да и я до недавнего времени не верил.

Через пятьсот-шестьсот метров мы уткнулись в тупик — непроницаемый бурелом, перетянутый лианами и вьюнами. Никакое мачете не прорубится. По бокам сплошные колючие кусты и те же поваленные стволы, покрытые мохнатым одеялом мха и лишайника.

— Приехали, — сказал я.

— На той стороне тропа должна продолжиться, — отозвался Витька.

— Уверен? Это сущие джунгли. Если когда-то и была тропа, то она заросла. Здесь сто лет никто не ходил. Если поблизости живут Отщепенцы, то они ходят другими дорогами...

Витька промолчал. Все указывало на то, что этот нелегкий путь мы проделали зря. Нет тут никаких Отщепенцев.

Кто-то поблизости рассмеялся басом. Мы отскочили, озираясь. Никого и ничего, один глухой лес.

— Отступились-таки! — протянул гнусавый мужской голос. — Долго шли! Смелые!.. Упрямые!.. Погибель искали!..

Я определился с источником звука. Человек говорил прямо за буреломом. А что если всадить в заросли автоматную очередь? Нет, ничего не выйдет, пули застрянут в стволах... А вот мы как на ладони.

— Кто это?

Я не ждал ответа, но он последовал:

— Мы — дети Морока, — более спокойным тоном сообщил гнусавый. — Кто такие? Зачем идете к нам незваные?

— Мы ищем Отщепенцев!

— Зачем вам Отщепенцы?

Этот вопрос напомнил бабу Марину. Той тоже приспичило выяснять, зачем нам нужны Отщепенцы. Всех волнует этот нюанс...

Витька подергал меня за рукав и одними губами прошептал:

— Это и есть Отщепенцы! Нет?

“А зачем представляться детьми Морока?” — хотел я спросить, но воздержался. Позже обсудим.

— Ищем свободных людей, чтобы с ними жить, — сказал я.

— У Отщепенцев нет свободы, только Воля вольная.

Я не был расположен вступать в отвлеченные споры, но все же уточнил:

— А какая разница между свободой и волей?

— Какая разница между дождем и наводнением? Костром и пожаром? Свобода неумеренная есть хаос. Это и есть воля.

Ну, о'кей, у каждого свое мнение. Раз мой гнусавый невидимый собеседник не прочь поболтать, то можно и немного почесать языком, заодно выяснив кое-какие детали.

— Где же есть свобода?

За буреломом помолчали. Затем ответили:

— Мы, дети Морока, живем свободно, ни от кого не зависим, ни перед кем не отчитываемся. Не хотите присоединиться к нам?

Я переглянулся с Витькой. Не ожидали такого предложения.

— Мы ведь не знаем, кто вы такие, — крикнул я, подумав, что мы не знаем и

Отщепенцев, если на то пошло. — Вас-то не видим.

Сплошная стена плотно переплетенных стволов, ветвей, сучьев, лиан, лохмотьев мха зашевелилась, закрипела, зашуршала, легко раздвинулась, как на хорошо смазанных шарнирах. Конструкция, судя по всему, двигалась за счет противовесов и рычагов. В просвете открылся проход, за которым тянулась тропа — она и вправду продолжалась, как и предполагал Витька.

На тропе маячили две фигуры, одна повыше, вторая пониже. Одеты в нечто лохматое, бесцветное, похожее одновременно на куст, траву и лишайник. Присядешь в таком наряде на обочине тропы, и никто в упор не разглядит. В таких прикидах прячутся снайперы в лесу, если верить фильмам, которые я смотрел. Лица детей Морока скрывались под грубо вырезанными масками из древесной коры, в которой зияли три дыры — две для глаз, одна для рта. Маски были цилиндрические и надевались на голову, как шлем, закрывая ее со всех сторон. Сверху торчал сноп сухой травы, смахивающий на гриву волос лешего. Кисти рук у неведомых масочников были белые, но измазанные чем-то темным.

У большого аборигена на поясе висела шпага в ножнах, с красивой корзинчатой гардой, у маленького — кинжал. Эти предметы как-то выбивались из общей картины. Огнестрельного оружия или нет, или спрятано под маскировочной одеждой.

Не эти ли двое следили за нами со вчерашнего дня?

До моего слуха долетел слабый шепот. Он исходил не от этих двух, а из кустов вдоль тропы позади них. Они не одни. Остальные скрываются...

— Почему вы прячете лица? — спросил Витька.

— Потому что у Морока нет лица, — ответил высокий гнусавый. — Идемте за нами. С вами поговорит наш Отец и рассудит, брать ли вас к себе.

У Витьки разгорелись глаза.

— А если он рассудит, что надо брать, нам тоже дадут такие деревянные маски и камуфляж?

Меня больше интересовало, что нам сделают, если неведомый Отец рассудит нас не брать.

После паузы гнусавый ответил:

— Посмотрим на ваше поведение. Идите вперед, пока не упретесь в забор. Вам откроют.

С этими словами большой шагнул направо и сразу растворился в кустах. Маленький точно так же испарился слева. Снова зашептали невидимые люди и затихли.

Поколебавшись, мы прошли через проход, который с шуршанием сомкнулся позади. В кустах вдоль тропы никого не было.

— Целое племя ведьм... — проворчал я.

— Круто ведь, — отозвался Витька.

— Словно опять идем в ловушку, — прошептал я Витьке.

Тот отмахнулся.

— Хотели бы убить, убили бы давно. Они хотят с нами говорить.

Не знаю, всегда ли он такой смелый или изменился за последние дни. Раньше Витька упрекал, что я не свернул с дороги до того, как упереться в этот лес, а сейчас держите его семеро — так и рвется вперед.

— А чего ты так несешься? — спросил я. — Недавно от машины далеко не отходил.

— Потраченных сил и времени жалко, — не задумываясь, ответил пацан. — Мне всегда жалко что-то просто так тратить и на ветер выбрасывать, понимаешь? Что вещи, что время. Мы сюда заперлись, так что теперь, назад вылезать? Время и силы, получается, зря потрачены?

Я открыл рот, чтобы возразить, что, мол, с такой экономией можно влипнуть в большие проблемы, но Витька продолжил объяснять:

— Люди появились. Странные, конечно, но люди, а не чудища. Мы ведь не Отщепенцев на самом деле ищем, а чтобы жить где-то... не как в Вечной Сибири. Глядишь, и эти дети Морока сгодятся в товарищи.

— Маленький ты у меня мудрец, — хмыкнул я. — Однако признайся: тебе нравятся их маски и маскировочные костюмы. И эти секретные лесные двери.

Витька кивнул.

— А еще я хочу научиться у них волшебю, — шепнул он мне.

Будь я на его месте, меня бы тоже впечатлила вся эта робингудовская атрибутика. Какого пацана не впечатлила бы? Но я был уже неисправимо стар для таких игр, и меня мучили тревожные ожидания.

По древесному тоннелю прошли примерно полкилометра и уткнулись, как и было обещано, в трехметровый частокол из целых бревен, сверху заостренных. Некоторые бревна выпустили свежие зеленые ростки и все без исключения внизу покрылись толстым слоем мха.

Где-то за частоколом шумела речка, до нас доносился запах речной воды и тины.

При нашем приближении часть забора легко поднялась вверх (вероятно, с помощью тех же противовесов), открывая проем в полтора метра высотой. Если мы зайдем внутрь, то полностью отдадим себя в руки неведомых детей Морока, но как поступить иначе? Приходилось рисковать. Не шарахаться же всю жизнь от людей, хватаясь за автоматы!

За открывшемся проходом тянулся узкий, но высокий коридор из бревен, с земляным, плотно утопанным полом. В отличие от внешней стены, бревна, образующие коридор, отстояли друг от друга сантиметров на пять-десять. В эти вертикальные щели заглядывали маски из коры, в глазных щелях поблескивали человеческие глаза. Некоторые масочники держали в руках копья, но никто в нас не целился. Среди аборигенов было несколько детишек.

Пока мы шли по коридору, я уловил запах жарящегося мяса. На отдалении кудахтали куры, вскрикивал петух. А вот люди помалкивали.

Мы с Витькой остановились в конце коридора, где дорогу преградила запертая дверь. Слева открытый ход вел на деревянную лестницу. Она тянулась по спирали наверх.

— Налево идите, по лестнице, — проговорил гнусавый голос позади.

Я оглянулся. Проход сзади перегораживали знакомые фигуры, большая и маленькая. По лестнице мы поднялись на галерею. Она нависла над двориком размером метров тридцать на пятьдесят, устланный потемневшими от въевшейся грязи и времени досками. По периферии дворика жались один к другому деревянные домики с соломенными крышами, навесы, курятник и мастерские с гончарными кругами. По двору бродили люди, все в лохматых камуфляжах и масках. Дальний конец двора спускался к пирсу на реке.

Вдоль сложенной из бревен стены мы направились по галерее в другой ее конец. Там была арка, занавешенная тонкой зеленой тканью.

Никто не требует оставить оружие, подумал я. Схватившись, глянул вниз: автомат

исчез! У Витьки тоже кто-то спер оружие так, что никто из нас и не почесался.

Я обомлел. Нас заморочили, а мы ничего и не заподозрили! Прокручивать запись назад смысла нет — апгрейд записывает то, что осознает в той или иной мере мой мозг, но мозг ничего особенного не осознавал. Мы в полной власти этих колдунов-гипнотизеров...

— Эй, а где наши автоматы? — проснулся Витька.

Ему ответил новый голос, тонкий, девчачий:

— В надежном месте. Ступай.

Витька оглянулся, приподняв брови. Кажется, заговорила маленькая фигура.

Зеленые занавеси, закрывающие арку, распахнулись. В темной нише стояли еще два камуфлированных масочника с копьями в руках. Синхронными движениями они потянули створки широкой двери в глубине ниши, молча приглашая войти.

Мы и вошли — жалко, что ли? Тем более, выделяться уже поздно. За двустворчатой дверью располагался просторный круглый зал со сводчатым потолком, освещенный колеблющимся красноватым светом пламени в чугунных чашах у стен.

Стены до высоты человеческого роста были оштукатурены; их покрывала красноватая глина, разрисованная геометрическим узором из ромбов, треугольников и овалов, переплетенных так, что не поймешь, где заканчивается одно и начинается другое. Стены драпировала светлая ткань, но не везде, а полосами. Наверное, это что-то символизировало. Чаще всего на ткани и стенах встречался знак в виде ромба, чья верхне-левая сторона вылезала за пределы ромба вверх, а нижне-правая — вниз. В углах, образованных этими длинными линиями с ромбом, пририсовались полукруги.

Вдоль стен тянулись скамейки, а прямо напротив входной двери высился величавый трон, выдолбленный из гигантского пня. На нем никто не сидел.

Маленькая и большая фигуры, следующие за нами по пятам, одновременно рухнули на колени, уткнулись масками в устланный войлоком пол.

— Поклонитесь перед Отцом! — глухо прогнусавил мужик.

— А где он? — спросил я, озираясь. — Кому кланяться-то?

— Я всегда здесь.

Я поднял глаза. На троне восседал человек в маске из коры, посверкивающей, словно ее припудрили косметическим блеском, и зеленоватой хламиде, открывающей крепкие босые ступни и кисти рук. На каждом пальце рук красовалось по увесистому перстню. За ту долю мгновения, на которую я отвел взгляд, нормальный человек не смог бы выскочить из укрытия и без звука усесться на троне, не всколыхнув воздух. Но магическое появление в стиле Дэвида Копперфильда меня уже не удивляло. Нас гипнотизируют — или старинными словами, морочат, — так чего удивляться?

Изумляться стоило мой наглости, с которой я спросил:

— Ты — Морок? Чего тебе от нас надо? Мы шли к Отщепенцам, а не к вам.

Вероятно, от всех этих чудес у меня тупо закипел мозг, и мне стало все по барабану.

— Верно, я — Отец Морок, — мягко ответило существо на троне из цельного пня. — У Отщепенцев нет для вас ничего. Зато я дам вам новую цель. Я поведу вас на войну с Отщепенцами.

Глава 11. Дети Морока

— Чего? На какую войну?

Сознание мутилось, плыло, проваливалось в беспмятство на краткие мгновения. И со зрением были проблемы: то виделось плохо, то картинка становилась неестественно четкой, острой; казалось, я пронизываю взглядом окружающие предметы чуть ли не насквозь.

Я заморгал. Зрение в очередной раз выкинуло фортель — приблизило Отца Морока, как под увеличительным стеклом. Опустив глаза, я разглядел выгравированные ромбовидные Знаки на перстнях на пальцах Отца.

Да что же это такое?

Мысль погасла, едва зародившись. Все в порядке, так должно и быть, нечего беспокоиться без толку.

Сочный баритон Морока окутывал, проникал под череп, вживлялся в серое вещество мозга:

— Отщепенцы обитают на равнине за этим лесом, на юге. В нескольких днях перехода, на берегах Великой Реки. Поколение назад они явились из бесплодных пустынь юга, изможденные и умирающие. Мы приняли их, накормили и напоили. В те времена многие наши племена обитали на берегах Реки. Но Отщепенцы, набрав силу, восстали против нас, своих спасителей, ударили в спину...

Голос набирал силу, заполнял все пространство. Огни в чашах погасли, полутемный “тронный зал” растворился в сером сумраке, и я увидел с высоты птичьего полета деревянные домишки на берегах красивой и широкой реки. До меня, парящего в лазурной вышине, доносились крики боли и ярости, и внизу, на зеленых лугах между домов одни человечки убивали других. Отщепенцы истребляли предков Детей Морока.

— Их не зря называют Отщепенцами... Это выродки, которые нигде и ни с кем не умеют жить в мире...

“Такие, как вы, нигде не уживутся. Мигранты! Вам лишь бы мотаться по свету и халяву искать! А как понаедете, сразу свои правила начинаете диктовать!”

— Отщепенцы не желают жить честным трудом, сеять, пасти, работать в мастерских. Они живут грабежом и насилием. Про них ходит молва, будто бы они живут свободно, и это правда. Они не обременены никакими законами и принципами. Единственный закон для них — закон силы, хаоса и анархии.

“Их много, но государства у них нет. Полная анархия, воля вольная”, — проговорил в голове голос Решетникова.

“У Отщепенцев нет свободы, только Воля вольная... Свобода неумеренная есть хаос. Это и есть воля”, — говорил воевода Влад за буреломом.

Меня наполнял тяжелый гнев, настолько тяжелый, что я сверзился с сияющих высот вниз, в полутемный тронный зал с дрожащими тенями в углах и Знаками на стенах.

— Они изгнали нас в глухие северные леса, — продолжал Морок, — и здесь наши праотцы обучились искусству Морока. Первый Отец передал знания второму, и так далее, до меня. Придет время, и я передам свою силу и трон достойному преемнику. У нас есть шанс восстановить справедливость. Для этого мы должны собрать армию невидимок, владеющих умением замутнять рассудок. Нас будет немного, но нас будет достаточно.

Где-то на далекой окраине разума затаилось крохотное сомнение. Что-то не так! Но

сомнение не оформилось в полноценную мысль. Поэтому я жадно слушал Отца Морока. Витька так же внимательно внимал рассказу.

— Отщепенцы — народ бродяг, убийц и грабителей. Они давно истощили ресурсы равнины, ограбили все соседние племена, и идут на нас. Когда-то давно они довели свою древнюю землю до состояния пустыни. Жизнь их ничему не научила. Наша святая обязанность — ударить первыми, пока они не захватили и не разграбили наши леса.

— Да! — выкрикнул кто-то, и я не сразу догадался, что это я и крикнул.

Отец Морок кивнул. Несмотря на маску, я понял, что он довольно улыбается.

— Вы обучитесь искусству затуманивать рассудок врагов, отводить глаза, сливаться с природой. Не против такого плана?

— Не против! — отозвался Витька. Он был в восторге от перспективы научиться магическим штучкам.

Его восхищенный голос прозвучал как бы издали, потому что со слухом у меня творились те же странности, что и со зрением. Все это вкуче меня слабо волновало. Однако припомнилась сцена на лесной тропе, когда мне привиделся ненастоящий Витька.

— Отец Морок, — обратился я к человеку в древесной маске, — скажи, зачем ты нас пугал? Это ведь ты был? Счел нас за шпионов Отщепенцев?

Последнее предположение возникло само собой, словно я всю жизнь боролся с нашествием Отщепенцев и в каждом пне подозревал шпиона.

— Нет, это испытание, — мягко ответил Морок. — Трусы и недостойные повернули бы назад. Вы же остановились лишь тогда, когда дорога зашла в тупик. Вас не отвратили ни ужасы ночи, ни наше искусство... Такие храбрецы нужны для восстановления справедливости.

— Мы видели чудовище в виде креста, — сказал я, помолчав. — Что это такое?

Отец Морок откинулся на троне.

Я окончательно вернулся с горних вершин над Великой Рекой, а голос Отца Морока больше не заполнял разум.

— У вас могли быть разные иллюзии, — сказал Морок, — это неважно... Важно другое. Ритуал надевания маски и принятия вас в наше братство состоится завтра. После этого вас обучат нашему искусству. Учить буду в том числе и я.

В душе установилось удивительное спокойствие. В последний раз такой настрой был, когда я набухался на выпускном. Спиртное гладко пошло, так сказать. Весь мир вызывал симпатию, и ничто не парило.

Гнусавый, который ждал позади тихо, как тень, сердечно обнял меня. Я ощутил мягкость его маскировки.

— Теперь вы наши братья, — заявил он.

Девочка в маске и костюме, в свою очередь, обняла блаженно ослабившегося Витьку.

— И сестры! — добавила она звонко.

Я оглянулся. Трон опустел.

А сидел ли на нем Отец Морок? Или это очередная галлюцинация?

Неважно. Сейчас ничто не важно, кроме того, что мы нашли тех, кто называет нас братьями. Они дружелюбны, и у них есть цель — то, чего не хватало нам. Мы искали Отщепенцев, про которых не слышали ни единого доброго слова, начиная с Вечной Сибири,

и свободу, которую тоже не вполне представляем. Недальновидная, глупая цель.

Но все изменилось.

— Меня зовут Влад, — представился гнусавый. — Я здешний воевода.

Он снял маску. У него оказались длинные каштановые с проседью волосы, глубокие залысины, бледное лицо и бесцветные глаза, щетина на щеках, сломанный нос и в целом брутальный вид.

Мы с Витькой представились.

Девочка тоже сняла маску, и мы увидели юную блондинку с тонким бледным личиком, огромными глазами, пшеничными волосами, заплетенными в косу. Ей не хватало острых ушей — была бы вылитая эльфийка. На вид лет тринадцать-четырнадцать, как Витьке.

Витька восхищенно выпучил на нее глаза и зарделся, что стало заметно даже в трепещущем свете горящих чаш.

— Это моя падчерица, Настя, — сказал воевода Влад. — Идемте в гостевой домик. Там поживете до обряда надевания маски.

Сами они с падчерицей снова нацепили маски и провели нас обратно по галерее, вниз по лестнице и через дверь во внутренний двор, где сновали люди в масках и маскировке.

— Вы никогда не снимаете маски? — полюбопытствовал Витька.

Ему ответила Настя на правах ровесницы:

— На рассвете до полного восхода солнца и ночью снимаем. Когда едим и умываемся. И когда знакомимся с новыми братьями и сестрами. Ближе к ночи носить маски обязательно, чтобы Погань нас не потревожила. А ночью нас защищает сила Отца.

— Зачем они нужны, эти маски?

— Они дарят нам волшбу. И защиту от Погани.

Витька задал бы новый вопрос, но Влад громко обратился ко всем, кто находился поблизости:

— У нас сегодня появились два брата. Олесь и Виктор. Покажем им свои лица.

Люди поблизости, человек пятнадцать, остановились и сняли маски. Во внешности ничего особенного — люди как люди, только бледноватые. И неудивительно, учитывая, что они целыми днями ходят с закрытыми лицами.

От толпы отделился и подошел к нам высокий жилистый парень моего возраста, белобрысый, длинноносый, взгляд настойчивый, требовательный.

Бывают, знаете ли, такие особи — вечно смотрят на тебя так, будто ты им что-то должен.

— Ну что, друг, будешь бить Отщепенцев? — спросил он меня, схватив за плечи.

— Буду, — ответил я.

— То-то! Этих тварей истребить надобно! Они целое поколение нас убивали, грабители и убийцы!

Он отпустил меня и повернулся к остальным, и те одобрительно загудели.

Я шепотом спросил Влада:

— Не маловато людей для войны? Одна деревушка.

Белобрысый парень, услышав вопрос, быстро повернулся ко мне:

— А ты испугался?

— Угомонись, Игорь, — прогнусавил воевода и повернулся ко мне: — У нас еще несколько деревень в лесу. Мы не живем большой кучей, в лесу неудобно. И опасно. Шпионы Отщепенцев бродят по лесу, ищут нас.

— А вы их волшбой, волшбой! — встрял Витька.

Настя наставительно сказала:

— У Отщепенцев своя волшба есть, черная, злая, дикая.

— Ух ты!

Белобрысый и агрессивный Игорь, фыркнув, ушел развалистой походкой. Народ снова надел маски. Влад проводил нас с Витькой в гостевой домик — крохотную хижину с двумя комнатами и навесом, под которым находились очаг с дымоходом, уходящим сквозь крышу, и длинный, грубо сколоченный стол со стульями.

Нас обслуживала молчаливая женщина; я определил то, что она женщина, по грудастой фигуре. Мы ели мясо, рыбу, ягоды и что-то по вкусу напоминающее жареный лук. Пили сладковатую ягодную настойку с “градусом”. Эта настойка ударила в голову.

Приятное и расслабленное состояние усилилось. Давненько я так не кайфовал. Витька что-то болтал о волшбе, а я рассеянно и благодушно окидывал взглядом хижину поблизости, устланный деревянными досками двор, частокол без фонарей и чучелок. Интересно, что их защищает от Поганого поля? Маски? Но как?

Да какая разница? Что-то защищает. Маски, Отец Морок — неважно. Разберемся с временем.

После плотного обеда и настойки клонило в сон, и вскоре мы с Витькой завалились в приготовленные для нас постели в гостевом домике. Дрыхли без задних ног и проснулись в сумерках.

Горели сальные свечи, разгоняя темноту, в открытые двери вливались синие сумерки, в воздухе стоял пряный запах. Я ощупал кровать — твердая, сколоченная из досок, сверху постелен тонкий матрас, набитый соломой, одеяло из шерсти с крепким овечьим запахом. Когда засыпал, и не заметил все эти нюансы.

Я свесился с кровати, пошарил рукой; пальцы наткнулись на пучки высушенных трав. Они-то и источали пряный запах.

— Витька! — позвал я.

Сначала он не отзывался, потом хриплым со сна голосом сказал:

— А?

— Как дела?

Собственно, я не сомневался, что дела у него идут отлично. Отныне у нас всегда дела будут идти отлично.

— Че-то меня прям срубило...

Потирая лицо, я вышел из комнаты и столкнулся с заспанным Витькой под навесом. В очаге краснели уголья, со стола убрали, за частоколом шумела река. Пусто двор заливала полная луна, в некоторых хижинах горел свет свечей.

Я глянул на пустую галерею наверху.

— Думаешь, нас усыпили? — спросил Витька.

— Зачем?

— Ну, мы могли проспать несколько дней или недель... — Он воодушевился. — Или лет.

Я усмехнулся.

— Как Рип ван Винкль?

Витька сморщил обгоревший на солнце нос.

— Кто это? Не знаю такого... Как Олесь Панов.

Да, он прав, Олесь Панов сам в своем роде Рип ван Винкль, пролежал больше ста лет в квест-камере, которая на самом деле — камера криогенной заморозки, то есть анабиоза.

И все эти сто лет камера стояла в деревянном бараке с протекающей крышей?..

Нет, вряд ли.

— Хватит с меня путешествий по времени...

Витька осмотрелся в полутьме, которую рассеивали догорающие свечи и луна.

— Без электричества живут. Совсем дикие...

И приуныл. В Вечной Сибири, по крайней мере, было электричество. Он задумался снова просветлел лицом.

— Зато у них есть волшебство!

Я кивнул. Магия — это кое-что поинтереснее квест-камер и рейтинга в чипах. Я подошел к частоколу за навесом, прихватив жестяное блюдо с оплывшей свечой. Слабое колеблющееся пламя осветило неструганные бревна. На уровне лица на них кто-то вырезал знакомый ромбовидный Знак.

Почему Дети Морока не боятся вторжения Погани?

А почему не боятся жители Вечной Сибири? По периметру ограды вокруг Посадов не горят фонари. Как простой сетчатый забор сдерживает чудовищ вроде того, что разворотило лес? Гигантское Лего снесло бы забор, как носорог паутину. Погань сдерживается чем-то другим, не освещением, и это что-то сдвинулось на север, раз жителям Посадов пришлось отступить.

Я не додумался уточнить этот вопрос, а нынче поздно. Витька ответит что-нибудь по книжке, и толку от этого никакого.

Сквозь узкие щели между бревнами частокола в лунном сиянии вырисовывались деревянный причал, пирс, привязанные рыболовные лодки, сушащиеся сети и маленькие сараюшки. Среди построек — клетка из толстых прутьев, под соломенной крышей, установленная на сваях над рекой. Лунные блики играли на спокойной поверхности реки.

— Витька! — не оборачиваясь, спросил я. — Верят ли в Вечной Сибири в магию и волшебство?

— Не-е. Нам говорили, что это суеверия.

— Но вы ведь делаете вот так, — я протянул вверх руку и хлопнул себя по лбу, — каждый раз, когда видите Знак Вечной Сибири?

— Это другое. Это вера в вечность и незыблемость ВС, которая гарантирует нам достойную жизнь.

— Достойную жизнь?.. Ну, допустим. Смотри с чем сравнивать. Ты слышал когда-нибудь, что ваш Знак защищает от Поганого поля?

— Слышал. Но это не волшебство.

— А что?

— Справедливость мирового устройства на основе принципов существования Вечной Сибири...

— Да блин! Хорошо говорить по методичке! У тебя свои мозги есть?

— Тогда не знаю, как ответить.

Я провел пальцем по вырезанному Знаку ромба. Апгрейд молчал.

“Архивная память? Что это за символ?”

ИНФОРМАЦИИ НЕТ

— Думаешь, Вечная Сибиря владеет волшебством? — спросил позади Витька. — Только

мы не понимаем этого?

— Все может быть, все может статься... — пробормотал я, вспомнив стих, начинающийся с этих строк. — Кстати, убойное у них зелье. И башка не болит. И сушняка нет.

— Чего нет?

— Жажды.

— Так бы и сказал.

Я закатил глаза. Витька не видел эту ужимку, но я все равно не удержался. Не понимает дитя Вечной Сибири всей прелести жаргонизмов!

“Внутренний мониторинг”.

НАРУШЕНИЙ НЕ ВЫЯВЛЕНО

Так, настойка безопасна в тех количествах, которые мы употребили.

Витька спросил:

— Ну что, Олесь, будем Отщепенцев убивать?

Я почувствовал слабенькое сожаление по поводу этой перспективы. И отмахнулся от него. Отщепенцев не жалко. Твари они конченные, как оказалось.

— Придется. Сам видишь, какие они нелюди.

— Если мы вернем себе равнину с рекой, — размышлял вслух Витька, говоря о нас так, точно мы всю жизнь прожили с Детями Морока, — то не придется жить в этом темном лесу.

В сущности, он прав. Отныне дела Детей Морока касаются и нас. Завтра мы станем одними из них. Мы дома. Бежать больше некуда.

— Знаешь, Витька, — признался я, — еще никто так ясно и четко мне не объяснял ситуацию, как Отец Морок. Ему веришь. Он очень простой и ясный. Истина всегда ясна.

— И проста! — поддакнул, засмеявшись, Витька.

Я повернулся к нему, и мы, не сговариваясь, сделали “дай пять”. Поболтав еще немного, вернулись в свои апартаменты — поваляться до рассвета.

Днем мы выспались и полночи разговаривали через перегородку о разных разностях в темноте, лежа на кроватях. Свечи давно догорели, в селении установилось полное безмолвие, все спали.

Всю прошлую ночь мы дрожали от страха, но этой ночью не могли этот ужас толком припомнить. Отматывать “видео” через СКН не было никакого настроения. Впервые за много времени ночь не внушала бессознательного напряжения.

Под утро, когда заорали петухи (они и ночью орали, но не так оглушительно и без передышки), мы заснули.

Проснулись от человеческих голосов, топота, пения птиц, детских криков. Деревня ожила.

Было еще достаточно рано, солнце не выбралось из-за леса, воздух хранил ночную свежесть. Мы с Витькой вышли из домика, посетили деревенский туалет, умылись из ведра возле очага и выглянули во двор. Жители селения разгуливали сплошь без масок и маскировки, мужчины — в рубахах навывпуск и просторных штанах, женщины — в простого покроя платьях. Некоторые дамы носили бусы из разноцветных камушков.

Явилась вчерашняя хозяйка, что потчевала нас обедом, зашуровала в печи, разогрела еду, накрыла стол. Мы уселись.

— Нас постоянно будут кормить? — с полным ртом спросил Витька.

— Пока мы гости, будут, — предположил я. — А после посвящения придется готовить самим. Или жениться.

— Вот досада! Ты женишься и бросишь меня?

Он осекся. Мимо навеса прошла Настя, без маски и маскировки, в длинном светлом сарафане, с гривой пшеничных, тщательно расчесанных волос. Юная Арвен, да и только. Витька порозовел, расплылся в улыбке, махнул ей рукой, чуть не выронив ложку. Настя помахала в ответ и свернула куда-то, пропав из виду. Она тоже была смущена. И, возможно, специально прогулялась возле гостевого домика в этом сарафане.

— Еще неизвестно, кто из нас раньше женится... — осклабился я.

После завтрака тушеными грибами в сливочном соусе (наливку не подавали), мы вышли на площадь, сытые, безмятежные и всем довольные. Нам улыбались. Люди перестали спешить по своим делам, выстроились на площади под галереей, на которую вышел Отец Морок в своей зеленоватой хламиде и деревянной маске.

Витька шипящим шепотом спросил Настю:

— Как он выглядит?

— Никто не видел его без маски, — прошептала Настя. — Говорят, у него нет лица.

— Дети мои! — заговорил Отец Морок. — Сегодня нас стало больше. Скоро мы и прочие деревни в Великом лесу объединятся в единую армию, и мы изгоним Отщепенцев с наших исконных земель!

— Морок! — басом заревел воевода Влад, который был в маскировке, но без маски.

— Морок! — вторили ему остальные. — Славься, Морок!

От шума в лесу за частоколом вспорхнула стайка птиц.

Из толпы вышел белобрысый жилистый Игорь, неся две цилиндрические древесные маски. Влад перехватил одну маску, вместе они встали напротив нас с Витькой. В торжественной тишине Игорь водрузил маску на мою голову, а Влад — на голову Витьки. Прежде чем маска опустилась мне до самых плеч, я успел разглядеть тщательно вырезанный орнамент в виде переплетенных ромбов на внутренней стороне.

На долю секунды опустилась темнота, и я увидел мир сквозь прорези. Мир немного изменился: его заливал нежнейший туман, звуки зазвучали резче и громче.

Кто-то накинул на меня через голову маскировку, сшитую из тонкой ткани и высушенной травы, от которой приятно пахло. В маскировке не было жарко или душно, и она почти ничего не весила.

ОБНАРУЖЕНО ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ НЕИЗВЕСТНОЙ ПРИРОДЫ

Я мысленно отмахнулся от ожившего некстати нейрочипа. И без неведомых допартов знаю, что это за энергетическое поле. Это волшебство Детей Морока. Сейчас меня мало что волновало, было так спокойно, словно я выпил стакан валерьянки.

Сквозь прорези я увидел, как народ вокруг надевает маски. Витька уже красовался в новом прикиде. Как и Настя. Понятия не имею, откуда все они достали маскировку. Внешне Витька и Настя теперь не отличались, но я мог без затруднений определить, кто из них кто. Шестое чувство подключилось, не иначе.

Местные заплодировали новым братьям, то есть нам с Витькой. Кто-то несколько раз похлопал меня по спине.

— Снимать маски вы можете только во время приема пищи, рано утром и ночью, — уведомил воевода. — Остальное время должны быть в этих масках.

Я покивал. Эти требования беспокоили мало. Подумаешь: большую часть дня надо ходить в маске! Правила есть правила.

Ритуал инициации закончился быстро, и народ начал расходиться.

— Сегодня отдыхайте, погуляйте, — сказал Влад. — Только далеко не отходите от частокола. Жить пока будете в гостевом доме. Завтра приступим к тренировкам.

Я не уточнял, к каким именно тренировкам мы приступим. К каким надо, к таким и приступим. А еще меня не волновало, что в деревянной маске и маскировке из балахона с вплетенной в него сухой травой мы выглядим как пугала. Все так выглядят. А в обществе, где все фрики, а ты — нет, настоящий фрик — это как раз таки ты.

Влад подмигнул:

— Вечером устроим пир горой! Сегодня многие мужчины отправятся на охоту. Гонцы уйдут в другие селения с новостью о вас, новых братьях. Глядишь, подругу тебе отыщем, Олесь! Ха-ха! Кстати, совет: одежду под маскировкой носить необязательно — упаритесь! Я вот не ношу!

Он задрал полу маскировки, продемонстрировав голые волосатые ноги.

Вскоре селение опустело, остались одни женщины — и то лишь те, кто ухаживал за детьми. Мужчины и подростки испарились: кто-то ушел рыбачить, кто-то растворился в лесу.

Мы вернулись в гостевой домик и сняли одежду под хламидой, оставив лишь труселя. Я снял берцы и нацепил тапочки из мягкой сыромятной кожи — кусок кожи обматывался вокруг ступни и зашнуровывался. В этих тапочках ногам было удобно, но я понимал, что далеко в них не уйдешь из-за тонкой подошвы и отсутствия подъема.

Пока раздевался, откуда-то из штанов выпала тонкая дощечка, практически кусок картона, с нацарапанным Знаком Морока.

— Эй, а как это сюда попало?

В “мою” комнату заглянул Витька.

— У меня тоже... — сказал он, когда я рассказал о находке. И показал свою дощечку.

Мы озадаченно посмотрели друг на друга, почесали затылки — и выбросили дощечки вместе с мыслями о них. Какая разница, как они к нам попали и зачем? Быть одними из Детей Морока — вот что важно!

В селении нашлась библиотека. Вот на что я не ожидал здесь наткнуться! Вход в нее вел с галереи над двориком. Библиотека занимала просторное помещение на втором этаже “дворца” и состояла примерно из сотни томиков. Никакого сравнения с библиотекой Киры, конечно, но для деревни в лесной глуши это нечто феноменальное. Оказалось, все жители деревни не только умеют читать и писать, но и любят это дело.

Книги, кстати, хоть и ничем не отличались от обычных бумажных, таковыми не являлись — страницы не горели и почти не рвались. Они были сделаны из какого-то невероятно крепкого пластика.

— И почему все книги нельзя было сделать из этого вещества? — удивился я. — Тогда библиотека Киры не сгорела бы.

— Наверное, из-за запаха, — предположил Витька.

Я понюхал корешок. Действительно, запах неприятный, синтетический, совсем не тот, что исходит от настоящих книг. Библиофилы, поклонники вещественной книги, не потерпели бы неправильного запаха. Тем не менее, пластмассовые книги в прошлом выпускались и пользовались спросом, пусть и ограниченным.

Авторы книг все сплошь попадались незнакомые, а о жанрах вроде “квестпанка”, “хаосизма”, “спидридеринга” и “пестрого псинейризма” я вовсе не слыхивал.

Вечером охотники и рыбаки собрались на причале, похвалялись добычей и уловом, детишки вертелись под ногами, устраивали свалки. На нас с Витькой никто не обращал особого внимания. В прикиде, как у всех, и с закрытыми лицами чувствуешь себя неотличимым от массы. Правда, не покидало подозрение, что любой из жителей прекрасно каким-то образом отличает нас от остальных.

Кто-то на берегу возле складов громко крикнул тонким голосом. Одна невысокая фигурка упала, маска скатилась с головы, открыв светлые волосы и бледное личико Насти. Витька моментально выдвинулся вперед и отпихнул ту фигуру, что толкнула Настю. Фигура свалилась на задницу.

— Эй, ты че, оборзел? — осведомился у нее Витька.

Невесть откуда нарисовался Игорь, я узнал его по росту и голосу.

— А? — рывкнул он, дернув Витьку за плечо и игнорируя меня. — Что ты сказал?

Витька, надо отдать ему должное, не растерялся. Твердо повторил:

— Я сказал: “Ты че, оборзел?”

— Ты еще новичок, а уже делаешь замечания старшему брату. Дерешься! За такой проступок полагается ночь в клетке!

Он мотнул головой в сторону клетки на сваях над рекой.

Так вот она для чего!

— Как это ночь в клетке? — вмешался я. — Мы же братья! Равные во всем! Подумаешь, дети поссорились...

— Старшие братья должны воспитывать младших, — перебил Игорь.

Он обвел рукой присутствующих. Все молчали.

Как измеряется “возраст” брата или сестры? По трудовому стажу или реальному возрасту?

Не по возрасту — Игорь вряд ли старше меня.

Получается, по стажу.

На меня накатила злость. Давненько меня не посещало это чувство. Общество одного Витьки — человека хоть и ехидного, но добродушного — на протяжении долгого времени сыграло свою роль, конфликтовать было не с кем.

— А кто тебя назначил старшим братом? — осведомился я.

— Отец Морок! — отчеканил Игорь.

— Вот как? Сегодня, во время церемонии посвящения, он не произнес слов “Ты — младший брат и должен слушаться Игоря”! Что-то я такого не припоминаю!

Игорь напрягся, глаза в прорезях заблестели.

— И что ты хочешь этим сказать?

— Что ты переиначиваешь слова Отца Морока! Ты — самозванец и самовыдвиженец! Выскочка!

Последнее слово я выкрикнул ему в лицо, нарываясь на драку. Меня, как говорится, понесло по кочкам.

Игорь поддался на провокацию. Размахнувшись, попытался нанести мне “колхозный” удар — правый боковой. На занятиях у тренера Виталия Михайловича Фольца мы разбирали этот удар по косточкам. Это совершенно непрофессиональный удар, с замахом и приподниманием локтя — его видно за километр. И работает он только с

непрофессионалами. Я уклонился и врезал хуком по корпусу, но маскировка смягчила удар.

Игорь шустро отскочил, наклонился, расставив руки. Решил перевести битву в партер. Когда он ринулся на меня, как регбист, я встретил его выставленным коленом. Деревянная маска треснула напополам, Игорь откинулся, — глаза мутные, губы разбиты, — и повалился навзничь.

Я разочарованно уставился на него. У меня кулаки чесались хорошенько подрасться, а этот агрессивный выскочка “заснул” в начале первого раунда. Даже не довелось включить боевой режим!

— А ну успокоились! — прорычал гнусавый голос воеводы.

Влад выдвинулся из окружавшей меня толпы. Рука на эфесе шпаги, грудь колесом.

— А я и спокоен, — сказал я. — И Игорь вон тоже успокоился, прилег отдохнуть.

Воевода сделал знак левой рукой, и меня крепко схватили под локти.

Игорь, вращая глазами, привстал, вытер подбородок, посмотрел на окровавленную ладонь. Промычал:

— Ах ты, сука!

Влад оттолкнул его от меня.

— Поостынь, Игорь! Кто первый ударил?

Я выразительно посмотрел на Игоря.

— Ну я! — вызывающе сказал он и скривился от боли в челюсти.

— А кто спровоцировал?

— Он Настю толкнул! — крикнул Витька, указывая пальцем на молчащего подростка, из-за которого разгорелся весь сыр-бор.

— Толкнул или ударил? Настя!

— Толкнул... — пробурчала та.

— За что?

— Мы с Ромой поспорили. И он меня толкнул.

— Этот пацан влез, куда не просили, — встрял Игорь, имея в виду Витьку. — Я сделал ему замечание, а Олесь принялся меня оскорблять...

“Вот, блин, — подумал я, — школьная разборка в присутствии физрука и завуча!”

“Завуч” Влад думал недолго. Вынес вердикт:

— Понял. В клетку новеньких на ночь. А ты, Игорек, в ночной дозор будешь ходить! Неделю!

Игорь обвел нас с Витькой презрительным взглядом.

— Лучше уж в дозор, чем в клетку!

Поднял с земли расколотую маску и ушел.

Воевода проводил его взглядом, затем повернулся к нам.

— Не обессудьте, но правила есть правила. Без правил будет бардак, как у Отщепенцев. Надеюсь, что эта ночь в клетке заставит обдумать свое поведение. Никакого пира для вас, само собой. Ночью к вам в гости обязательно явится Погань. Сила нашего Отца защитит вас, но страху натерпитесь, это я вам обещаю.

Вечерело. Берег опустел, на нем остались двое в клетке — я и Витька.

Клетка была “оборудована” лавкой и кувшином с питьевой водой. Справлять нужду можно прямо сквозь прутья в реку. На этом удобства заканчивались.

Мы были не то чтобы подавлены, но определенная доля ошарашенности и неверия в произошедшее имела место. Вот нас принимают в братство, поздравляют, хлопают по плечам, а через несколько часов ведут под локотки и запирают в клетке, за пределами деревни, как животных! И грозят, что к нам заявятся Поганцы...

Алый закат медленно растворялся в густой синеве неба над западным лесом, подул и затих свежий ветерок. Замолкли крики птиц, зато в камышах загорланили лягушки. Витька, в нарушении правил сняв маску и положив на колени, молча сидел на лавке, я стоял возле двери и бездумно теребил в руках навесной замок. Подступало чувство голода, мы пропустили ужин, и настроение портилось.

Когда берег полностью опустел, я снял маску и почесал голову. Волосы сильно отросли, доставая до плеч. Пора их подстричь или собрать в хвост.

Было ощущение, что все идет не так, как должно; что что-то абсолютно неправильно. Но что именно? Я словно напрочь забыл о чем-то важном. Но ощущение пропало без следа, и я не успел ухватить проскользнувшую мысль.

Раздались шаги, к нам топала плотная широкоплечая фигура. Воевода, приблизившись, снял маску. Сегодня многие нарушили правило ношения маски. Влад был смущен.

— Такое иногда бывает... — невразумительно начал он. — Споры, разборки... Ночь в клетке — наше наказание за мелкое хулиганство... С кем не бывает? Жаль, что так вышло...

— Ну так выпусти нас, — не без насмешливости предложил я.

Влад переложил маску из одной руки в другую, при этом звякнула связка ключей. Он сунул ее под маскировку.

— Не могу. Правила есть правила. Они для всех писаны.

— Ты тоже здесь ночевал?

— Ночевал несколько раз. Очень давно.

Помолчали. Я смягчился.

— Что значит: Погань к вам придет, но сила Отца защитит?

Воевода показал на частокол вокруг деревни в десяти шагах от нас. На бревнах темнели Знаки.

— Деревню защищает Знак Морока. Но чем дальше от ограды, тем слабее его защитная сила. Погань здесь хаживает, но настоящей опасности от нее нет.

— А в лесу есть?

— Нет, если мы в масках.

Он постучал по коре, из которой изготовлена маска. Я знал, что с внутренней стороны вырезаны Знаки.

Я задумчиво проговорил:

— Если потерять ночью маску в лесу, то Погань убьет такого растяпу?

— Не обязательно убьет. Может чего похуже натворить.

— Например?

Воевода закричал, помялся. Прикидывал, откровенничать ли дальше. Медленно заговорил:

— Лет пятьдесят тому... старики рассказывают... одна девушка из деревни в лесу заблудилась и до сумерек вернуться не успела... Масок тогда не носили. Через несколько дней ее нашли — грязную, голодную, еле живую. Не в себе была девка. А спустя некоторое время обнаружилось, что понесла она...

— Кого понесла? — спросил Витька.

— Забеременела, — пояснил я. — И что дальше?

— Мы так и не дознались, кто ее обрюхатил ночью в лесу... Старики решили, что Уроды. Народ от нее шарахался, и в конце концов рассудили люди из деревни ее изгнать. Мой отец был среди тех, кто увел ее в катакомбы в горах.

Катакомбы?.. Совсем недавно я видел вход в каменоломни. Рядом с избушкой...

— Эй, а это не баба Марина? — сказал Витька.

И я вспомнил бабу Марину. Как-то совсем она забылась... не говоря уже о том, что случилось до встречи с ней.

— Она говорила, что у нее был ребенок и муж, — сказал я, — но судьба отобрала и то, и другое.

Влад рассмеялся.

— Баб Марина обретается на подступах к Великому лесу давно, но она пришла с севера. У нее был муж, но погиб. Про дите не слышал.

— Почему она живет одна? Не в деревне?

— Не приняла наш образ жизни. И Отщепенцы ей не по душе. Вот и живет одна, так ей больше по душе. В Поганом поле одиночек немало.

Он огляделся. Становилось совсем темно, за частоколом слышались веселые голоса и звон сковородок, вспыхивало пламя. Все же пир состоится, пусть и без виновников торжества... В почерневшем небе загорались звезды.

— Ладно, пойду...

И, не оборачиваясь, поспешно удалился к воротам в частоколе.

Я нервно хихикнул и, невольно понизив голос, сказал Витьке:

— Надеюсь, нас с тобой Уроды не обрюхатят... я не готов стать мамой!

Витька никак не отреагировал, смотрел в сторону леса. Оттуда к нам приближалась фигура в маскировке. В паре шагах от нас человек снял маску. Настя. Похоже, она пряталась в лесу, пока мы беседовали с воеводой.

Внезапно я понял, что узнал ее еще до того, как она показала лицо. И не по фигуре, а каким-то шестым чувством.

— Спасибо, что заступились... — пробормотала она. Посмотрела прямо на Витьку: — Больше так не делай.

— Как не делать? — удивился Витька.

— Не заступайся.

— Почему?

— Хочешь каждую ночь сидеть в клетке?

— Да не проблема! — с залихватским видом выкрикнул Витька. Сейчас, рядом с благодарной и восхищенной Настей, он и впрямь был готов каждую ночь проводить в клетке над рекой.

Настя что-то протянула Витьке сквозь прутья, Витька взял. Я наклонился — перстень-печатка.

— Что это? — спросил Витька. — Откуда взяла? Зачем мне?

— Красиво, правда? Подарок. Мне он великоват даже на большом пальце. А тебе будет в самый раз. Я нашла его на скелете в каменном круге.

От этих слов Витька чуть не выронил презент. Подхватил в последний миг.

Я отнял перстень и поднес к самым глазам. Орнамент интересный, знакомый: ромбы, но так переплетенные, что не разобрать, те ли это ромбы, со Знака Морока, или другие.

— В ведьмином круге? Где большие камни лежат друг на друге?

— Да. Шесть лун назад нашла.

— Там был скелет?

— Иногда там появляются скелеты.

— В смысле, появляются?

— Появляются и исчезают сами по себе. Сильная волшба. Я успела снять кольцо и спрятала у себя. Никто не знает...

Она понизила голос и нервно оглянулась.

— Даже Отец Морок не знает... Вы ведь не расскажете? Не говорите никому, откуда это кольцо у вас.

— Договорились... — растерянно произнес Витька.

Повернувшись, Настя без единого звука убежала к частоколу, унеслась, как бесплотная тень.

Я вернул печатку Витьке, тот надел на большой палец правой руки. Кольцо все равно болталось. Пока он увлеченно крутил неожиданный подарок на фаланге пальца, я уселся (все равно заняться было нечем) на лавку, оторвал от тканевой основы маскировки длинную и толстую нить и перевязал надоевшие волосы, соорудив хвостик.

...В голове на секунду воцарилось странное щекочущее ощущение.

А затем:

ДОПАРТ ПОДКЛЮЧЕН

До меня не сразу дошло, что случилось.

— Какой допарт? — вслух сказал я.

И подскочил так резко, что нитка порвалась, а невымытые лохмы снова рассыпались по плечам.

ДОПАРТ ОТКЛЮЧЕН

И тут я сообразил. Целиком и полностью.

Тяжело дыша от возбуждения, я нарвал еще ниток, скрутил из них веревочку потолще и снова перевязал волосы.

ДОПАРТ ПОДКЛЮЧЕН

ЗАЩИТА ОТ ПСИХОГЕННЫХ ПОЛЕЙ

Я судорожно перевел дыхание. Итак, допарт — это мои волосы? Точнее, хвостик из них? И этот обычный хвостик отныне защищает меня от психогенных полей? То есть магического воздействия?

Сознание, с некоторых пор замутненное, наполнили воспоминания.

...Вот мы оставляем мусоровоз, потому что бабка уверяет, что в лесу живут Отщепенцы... Вот Морок вербует нас за считанные секунды, промыв мозги, а мы развесили уши... Радостно позволяем нацепить на себя идиотские маски и хламиды из сушеной травы и готовимся идти войной против Отщепенцев.

Мусоровоз с нашими вещами... Я совсем забыл о нем! Я обо всем забыл, кроме восторга по поводу того, что меня приняли в лесное братство. Нас с Витькой тупо заморочили...

Как и всех жителей деревни или нескольких деревень, подчиненных Отцу Мороку. Они не Дети Морока, они Замороженные бедолаги.

От кольца Витьки тянуло энергией. Я не смог бы описать ее при всем желании — это не тепло и не свет, но я ее воспринимал.

— Ну-ка, дай перстень!

Взяв протянутое кольцо, я надел его на указательный палец левой руки. Он был мне впору.

ДОПАРТ ПОДКЛЮЧЕН
УПРАВЛЕНИЕ ЗНАКОМ МОРОКА

— Что такое? — прошептал Витька, когда я издал невнятный звук.

— Суки вокруг нас, вот что такое!

Изумление во мне сменилось потрясением, возмущением, гневом. Значит, головы нам заморочили? В клетку посадили? На войну собрались отправить? Ну ладно...

Я снова уловил (непонятно, каким органом чувств, потому что это был не свет, не звук и не запах; скорее, ощущение) потоки энергии, окутывающие деревню Детей Морока.

Под пристальным взглядом недоумевающего Витьки я протянул к частоколу руку с перстнем и сказал:

— Воевода Влад! Приди!

Получилось пафосно, но выбирать выражения не было ни времени, ни желания.

— Олесь, ты рехнулся? — осторожно спросил Витька.

Секунду я думал, что ничего не выйдет. Но затем открылась дверь в частоколе, появилась коренастая фигура с факелом. По коже у меня пробежала электрическая дрожь, когда воевода подошел к клетке вплотную и молча остановился.

Я кашлянул и приказал:

— Открой клетку.

Зазвенела связка, Влад выбрал нужный ключ и отпер замок. Дверь распахнулась.

— Что стряслось? — зашептал Витька. — Это из-за кольца? Волшба?

Я выпрыгнул из клетки на гальку берега. Когда подошвы ног через тонкую кожу обуви почувствовали твердые окатыши, я поверил в реальность происходящего. Будто в бреду я ответил:

— Из-за кольца, Витька! И из-за волос! Я — волшебник!

Глава 12. Клятва в ночи

— Волшебник... Волшебник... — бормотал я, не в силах переварить эту информацию.

Меня терзала Витька, обеспокоенный и не понимающий, что творится. Я повернулся и, направив на него перстень, гаркнул:

— Освободись от силы Знака!

В мерцающем свете факела в руке воеводы глаза Витьки разбежались в стороны и снова собрались в кучу.

— Э-э-э... — сказал он.

Я испугался, что мои неумелые пассы повредили ему мозг.

— Витька, — проговорил я потише и проникновеннее. — Доверяй мне, хорошо? И слушайся.

— Хорошо, Олесь, — покладисто ответил пацан. Непонятно было, подействовала ли волшебство или Витька сам по себе такой послушный.

— Выброси маску! — велел я.

Не раздумывая, Витька швырнул маску под ноги. Я с хрустом растоптал ее, и Витька не моргнув при виде этого святотатства. Магия все же работает... Знак соединяет кольцо и маску, колдуна и жертву, субъект и объект магического воздействия. Как это объясняется с научной точки зрения?

Воевода Влад застыл соляным столбом, держал факел, который трещал и плевался искрами. В камышах надрывались лягушки.

— Витька, нас обманули! — сказал я. — Загипнотизировали. Дети Морока — наши враги. Надо срочно уходить.

Последовала пауза. Затем Витька уточнил:

— На ночь глядя?

Я перевел дух. Хозяйственность пацана никуда не делась; прекрасный признак, что извилины у него не спеклись.

С некоторым запозданием я задумался о том, как мы пойдем по лесной тропе ночью без источников света. Знак Морока отгоняет Погань, но маску Витьки я только что растоптал вдребезги. Может, поторопился?

Нет, не поторопился. В этих масках до нас доберется Отец Морок.

А в ночном лесу доберутся Лего, Уроды или гигантская крестовина. Но и ждать утра в деревне не вариант. Мы ведь должны сидеть в клетке!

Остается одно: сразиться с Мороком. Он здесь главный кукловод.

Так и не ответив Витьке, я спросил у воеводы:

— Где ночует Отец Морок?

— У себя в апартаментах...

— Веди туда.

Влад грузно развернулся и затопал к частоколу, как гибрид робота и зомби. Ножны шпаги бились о хламиду.

Почему мне удастся им управлять? Потому что он близко? А что будет, если мы приблизимся к Отцу? У Отца больше перстней, он победит, и воевода насадит меня на свой шампур.

— Стой! — сказал я.

Оба — Витька и Влад — остановились.

— Отдай шпагу! С ножнами.

Повозившись с ремнями, Влад вручил мне шпагу в ножнах и с ремнем.

Я нацепил это оборудование на себя, вынул клинок, сделал пару взмахов, со свистом разрезая ночной воздух. Удобная корзинчатая гарда защищает кисть рабочей руки, вес смещен ближе к рукояти, и лезвием двигать удобно. Можно заколоть кого-нибудь, при этом не особо напрягаясь.

Я надеялся, что убивать Отца Морока или кого-то еще не придется. Снимем с жулика кольца, свяжем, и пусть полежит до утра. А утром мы с Витькой свалим.

Отличный план!

Мы прошли во двор деревни.

Под навесом возле гостевого домика ярко горели огни, мельтешили тени. За столом сидели аборигены, пели песни, говорили тосты. Ели и пили не снимая масок: приподнимали чуток край намордника, когда нужно, и этого вполне хватало. Настойка лилась рекой.

Все же это свинство, подумал я, праздновать обретение новых братьев, пока братья сидят в кутузке. Нельзя было отложить до завтрашнего дня? Пока мой разум пребывал под гипнозом, меня это не особо задевало. Но сейчас я четко осознал, что местным на нас с Витькой просто наплевать. Для пира им нужен повод, вот и все.

Если б не гипноз Морока эти людишки давно разбрелись бы кто куда...

— Иди быстрее, — шикнул я на воеводу.

Влад ускорился, мы пошли к лестнице, ведущей на галерею. Во дворе темно, глядишь, никто нас не спалит...

— Эй!

Мы обернулись.

Игорь. Он был в маске, но мое недавно зародившееся шестое чувство работало на полную катушку. Я бы узнал этого агрессивного молодого человека, даже если б он молчал.

— Ты куда это их повел? — спросил он у Влада.

Довольно дерзкое обращение с воеводой. Но откуда мне знать, какие права и обязанности у местных воевод? Может, он равен со всеми и имеет право командовать только в случае объявления войны?

Я наклонился к Владу и прошептал:

— Скажи, что это приказ Отца Морока!

— Это приказ Отца Морока! — отчеканил тот.

Игорь неспешно приближался к нам. Я почувствовал, что он немного пьян. Сняв маску, он сунул ее подмышку и осведомился:

— С чего ему отдавать такой приказ?

Ну что ж. Этот козел не отстанет.

Я направил на него перстень. Приказал:

— Иди и пей настойку! Забудь о нас!

Игорь будто споткнулся о воздух. Повернулся и зашагал под навес.

Я почти расслабился. Но Игорь на полпути остановился.

Я понял, что потерял Влада из поля зрения, когда он схватил меня за горло сзади, заворачивая одну руку за спину. Тем временем Игорь медленно повернулся обратно к нам. Лицо пропадало в темноте; освещенный навес находился позади него, и свет свечей и факелов подсвечивал волосы и оттопыренные уши.

Крики и песни разом смолкли. Люди под навесом вышли во двор и начали собираться за Игорем.

Что происходит?

От неожиданности я не сопротивлялся захвату Влада. Было тихо, лишь в костре трещали сучья.

И тут все эти люди, все до единого, хором, будто тренировались не один месяц, проговорили:

— Хочешь заглянуть в лицо Отцу Мороку?!!

Я ощутил его присутствие. Поднял голову. Он стоял на галерее, опираясь руками о перила. На пальцах в отсвете факелов поблескивали кольца. От них исходила ощутимая энергия.

— Взять его! — сказал он.

Игорь и сельчане качнулись, шагнули к нам.

Я пришел в себя, свободным локтем врезал назад, не глядя. Вроде попал во что-то мягкое. Хватка Влада ослабла, и я выставил вперед кольцо, целясь на основную толпу.

— Стоять!

Толпа замерла.

Мой трюк шокировал Морока, я догадался об этом по заминке.

— Взять его! — заорал он. — Убейте его! Игорь! Влад!

— Стойте! — повторил я.

Битва воль — вот что это было. Я со своим новоприобретенным допартом в виде отросших волос, собранных в хвост, не чувствовал энергетических ударов по психике, но остальным доставалось по самое “не балуйся”. Витька упал на колени, зажимая уши ладонями. Толпа остановилась в очередной раз, людей буквально корежило. Они стонали и изгибались, точно их что-то сжигало изнутри.

Я не был уверен в своих силах. У меня одно кольцо, у Морока — десять. Но он далековато стоит, на галерке. Если спустится, перевес будет на его стороне, и я не справлюсь с этой ордой. Надо что-то срочно делать.

“Включить боевой режим!”

БОЕВОЙ РЕЖИМ ВКЛЮЧЕН

СИНАПС-РЕФЛЕКСЫ УСКОРЕННЫ

Течение времени замедлилось, растянулось, потоки энергии стали видны почти невооруженным глазом. Эти потоки простирались от колец Морока к людям в масках и без. Белые трепещущие нити в темноте.

Я подпрыгнул на полтора метра, уцепился за перила, невообразимым образом перекинул тело через перила, как персонаж “у-ся”, восточного фэнтези с боевыми искусствами и домами летающих кинжалов. Этот фокус дался мне без особого труда, как во сне. Правда, заболели мускулы и суставы от внезапного сильного рывка. Я выхватил шпагу и подскочил к Мороку, который медленно поворачивался ко мне.

Смогу ли я убить человека?

Прежде у меня такого опыта не было.

Морок не дожидался, пока я проткну его. Ловко перемахнул через перила и спрыгнул на деревянный настил двора. Толпа ожила, зашевелилась, раздался голоса. Человек в маске и зеленой хламиде схватил фигурку поменьше. Мне не пришлось присматриваться, обострившиеся чувства подсказали, что это Настя.

— Стой или убью! — высоким от напряжения голосом вскричал Морок.

Перепугался, бедняга.

Стоя на галерее, я сразу ощутил, что управлять толпой стало сложнее. Она дальше от меня и ближе к Мороку. Потoki энергии растворились в потемках, но я продолжал воспринимать их на бессознательном уровне.

Витька храбро бросился на помощь даме своего сердца, но его отшвырнул Игорь.

На пару секунд я окаменел. Не знал, как поступить.

— Отдай перстень! — велел Морок. В его руке возник кинжал, который он ткнул в горло Насте. Маска свалилась с ее головы. Она молчала, неестественно выгнув шею и вращая глазами. — Не знаю, где ты его взял, но — отдай! Это мое!

Я заколебался. Мысли с бешеной скоростью сменяли друг друга. Идти на поводу у этого психа, привыкшего к власти и ни во что не ставящего жизнь подчиненных? Ни за что. Это не решит проблему, а усложнит ее. Плохо соображая, что делаю, я перехватил шпагу поудобнее и швырнул ее как дротик, усилившись с помощью апгрейда.

Шпага полетела прямо в Морока и с глухим шлепком вонзилась в хламиду на уровне груди. Морок шумно выдохнул и отступил на шаг, не выпуская из рук Настю. Толпа снова обмерла. Послышались хрип и клокотание — они исходили из глотки Морока. Клокотание перешло в нечеловеческий рев. Морок взмахнул рукой с кинжалом, и Настя повалилась на доски двора, схватившись за горло.

Морок упал навзничь, энергия вокруг его тела ослабла и начала гаснуть, как огонь догоревшей свечи. Маска слетела, но в полутьме я не разглядел его лица.

Влад ожил. Заорав не хуже Морока, выхватил у бывшего господина кинжал и несколько раз вбил его в его тело.

Гипнотическое влияние полностью растворилось.

Я спрыгнул с галереи, снова подстраховавшись апгрейдом, чтобы не переломать себе ноги.

“Выйти из боевого режима!”

БОЕВОЙ РЕЖИМ ОТКЛЮЧЕН

СИНАПС-РЕФЛЕКСЫ В НОРМЕ

Тотчас нахлынула слабость. Терпимая, не болезненная, как после укуса вампира. Словно я только что пробежал несколько километров по пустыне. Для молодого организма без вредных привычек не такой уж и перебор.

Я подбежал к Мороку. Люди расступались передо мной, и магия была ни при чем. Они растерялись. Лишь сейчас их бедных разум начал выходить из-под воздействия волшбы.

Возле Насти забегали, закричали. Она немного шевелилась, будто ее било током; слышались неприятные булькающие звуки — она захлебывалась собственной кровью из разрезанного горла. Никогда на моих глазах человеку не перерезали горло. Я считал, что умирают от такого мгновенно, как в кино. Вжик — и готово! Ан нет, человек — чертовски живучее существо, пусть это маленькая девочка.

Витька таращился на нее и делал какие-то бессмысленные движения руками.

Я не хотел на это смотреть. Вырвал из рук ближайшего сельчанина факел и подошел к лежащему Мороку. Пламя осветило лысую белую голову, с безбровым и искаженным лицом. Перекошенный рот с кривыми острыми зубами, широкий нос с вывернутыми ноздрями, вылезшие из орбит тусклые глаза с вертикальным зрачком — все это мало напоминало человека. Эта тварь еще не сдохла.

Морок посмотрел на меня. Слабым голосом выдавил:

— Только... моя волшба... защищала эти деревни... от... Поганого поля!

Я ухватился за шпагу и без труда выдернул клинок из его тела. В этот миг тело Морока расслабилось, глаза остановились.

— Урод! — крикнул кто-то.

Да, я только что убил Урода.

Забрезжила заря, а в деревне никто и не думал ложиться отдыхать. Поднявшийся ажиотаж не прекращался. Причем причиной возбуждения послужил вовсе не ночной магический поединок, из которого я вышел победителем неожиданно в первую очередь для самого себя, а то, что “выключилась” магия Морока. Обитатели Замороченной деревеньки бродили по двору, хватались за головы, бормотали что-то под нос, как полные психи. До меня долетали фразы: “Войной на Отщепенцев — да зачем нам это надо-то?” “Мы их сроду не встречали, и наши предки на равнине не жили”, “И я в этот бред верил, надо же!” Под чарами эти бедолаги жили много лет, а тут вдруг чары закончились. Эффект получился почище синдрома отмены для наркомана.

Глубокой ночью народ обуяло натуральное умопомешательство. Многие орали в голос, выли, царапали лица, рвали волосы. Наблюдать за этой массовой ломкой было неприятно. Я бы ушел, но в Поганом поле ночью не погуляешь... Кто-то прыгнул в реку, но его вытащили те, у кого нервы крепче. К рассвету вакханалия сбавила темпы, буйное умопомешательство сменилось тихим.

На берегу ниже по течению поднимался столб черного дыма. То сжигали тело Морока. Ни один Замороченный не пожелал, чтобы тело Урода пребывало в деревне хоть на секунду дольше, чем это было необходимо. Закапывать в землю тоже не захотели. А если вылезет? С чудовищами и не такое бывает. Лучше перестраховаться и сжечь.

Прежде чем его тело унесли, я снял с него все кольца. Постарался провернуть это дельце незаметно, чтобы не подумали лишнего. Я здраво рассудил, что разбрасываться магическими артефактами, которым умею пользоваться, не следует.

Когда заря озарила небо и факелы затушили, я вышел из гостевого домика и сел на скамейке. Перевести дух. Скоро мы с Витькой уйдем из этого места навсегда. Надо посидеть на дорожку, припомнить, не забыли ли чего.

Рядом сел Игорь. Его словно подменили. Присмирел, и разговаривать с ним стало не в пример приятнее.

Некоторым людям нужны животворящие пистоны вставить, чтобы они вели себя как люди...

— Это сын той девушки, которую выгнали в каменоломни, — сказал Игорь. — Мне Влад рассказывал. Сын человеческой женщины и Урода.

Сказал и замолк, глядя куда-то прямо перед собой. Надо было ему выговориться, осмыслить, переварить.

Я его понимал. В маске ты будто вечно пьян и всем доволен. Сидишь под кайфом и балдеешь. Критическое мышление подавлено напрочь, слова Морока воспринимаешь как истину в последней инстанции. Все, что не вписывается в легенду, отбрасываешь, как мусор.

Мы с Витькой выбросили те дощечки со Знаком, когда нашли их среди своей одежды, и не стали париться по этому поводу. Ни ни миг не озадачились: а почему они, собственно, очутились среди шмоток? Кто их подбросил?

Конечно, их подбросили нам в лесу. В маскировке Зачарованных Детей Морока можно просто сидеть возле тропинки, и путник не разглядит притаившегося человека в упор. Сунуть пластинку в складки одежды путнику — левое дело.

— Баба Марина все-таки и есть его мать, — сказал я.

— Морок... тьфу! Урод внушил нам, что баба Марина — пришлый человек. А она-то все знает, ведьма старая, странников встречает и направляет к нам, чтобы мы их в свое воинство брали... Помогает сыночку, чем может. Вас бы с пацаном на днях в другие деревни отправили — учить в лесу прятаться и Знаки подбрасывать. Силу Морока увеличивать... Ох, как жить-то теперь?

Как хотите, так и живите, подумал я, мне начихать. За вас никто ответственности нести не будет.

— Урод сказал, что до него был другой Отец Морок, — припомнил я.

— Брехал. Он у нас единственный. Он нам придумал другую историю, будто бы у нас всегда, с тех пор, как нас с равнины изгнали, был Отец Морок. Кто-то вроде жреца или местного знахаря-колдуна. До него мы жили своим умом. Он в наши ботинки дырявые вбил, что мы должны постоянно маски носить. Чтоб управлять! И чтобы самому свою морду свету белому не казать. Урод! Тварь!

— Как вы защищались от Поганого поля до Урода?

Лицо Игоря скривилось. Он напряг память.

— Травами...

Я кивнул сам себе:

— Чучелками! Как баба Марина!

От Погани вполне реально защищаться запахом натуральных репеллентов. Это прекрасно. Впредь у нас с Витькой будет выбор в плане ночной защиты.

— Морок сказал, что он один защищал деревню от Погани своей волшебной силой. Откуда у него эта магия, не знаешь?

Но у Игоря пропало желание беседовать дальше. Встал и ушел, пошатываясь, как пьяный.

Кстати, кое-кто в деревне уже напился настойки и горланил дикие песни.

Я тоже поднялся и пошел к хижине воеводы Влада. Внутри дома женщины обмывали тело бедной Насти, готовя его к погребению. Снаружи прямо на деревянном настиле сидел Витька, обняв колени. Он был в состоянии фрустрации, покачивался, как кататоник. Смерть девочки меня тоже покорила, но подействовала не так сильно. Наверное, потому что я гораздо более черствый человек...

Я сел рядом. После боевого режима чувствовалась слабость. Я погладил Витьку по плечу. Собирался сказать что-нибудь утешающее, но ничего не придумал. В итоге произнес:

— Нам пора уходить отсюда...

После паузы Витька кивнул, лицо оставалось ошарашенным, потерянным.

Во “дворце” Морока мы отыскивали родные автоматы. В гостевом домике взяли рюкзаки и кое-какую жрачку. При мысли, что придется топтать целый день по жарким и душным джунглям, становилось дурно. Слабость у меня не спадала, требовалось как следует поспать, но я не готов был рисковать и оставаться среди абстинентных наркоманов еще сутки. Силы придавало ожидание того, что скоро мы увидим любимый мусоровоз...

Вынутую из Морока шпагу я носил с собой. Убитый горем воевода отмахнулся от меня, когда я попытался ее вернуть.

До бурелома с тайной дверцей нас проводил Игорь.

— Удачной дороги, — пробормотал он.

Кажется, он немного пришел в себя. Щеки порозовели, в глазах появился недобрый блеск. Он о чем-то усиленно размышлял. В деревнях Зачарованных больше нет лидера, воевода раздавлен трагедией, людям нужен новый управленец. Почему им не может стать активный и молодой Игорь, не лишенный амбиций? Я был уверен, что ему есть о чем думать и чем заняться в ближайшее время.

Проскользнув через дверцу, мы зашагали по тропе назад. Лес оставался густым и темным, но его больше не наполняли мистические тени и шорохи. Лес как лес.

Точнее, джунгли как джунгли.

— Олесь, ты веришь в загробную жизнь? — заговорил через некоторое время Витька. Голос был ровный, хриплый. На меня Витька не смотрел, вцепившись большими пальцами рук в лямки рюкзака.

— Не знаю... Хочется верить.

— Не может же быть, чтобы человеческое сознание просто так исчезало! — с ожесточением сказал Витька. — Все в мире просто так не исчезает, все во что-то превращается! Сознание... или душа... это ведь не хлам, чтобы его просто так выбрасывать! Неужели природа этого не понимает?

Будь моя воля, я бы этого разговора постарался избежать. Витька столкнулся со смертью дорогого человека нос к носу, со смертью бессмысленной и жестокой. И теперь пытается подыскать ей хоть какой-нибудь смысл.

Эх, парень, любая смерть в молодом возрасте бессмысленна, если только человек сознательно не пожертвовал собой ради чего-то с его точки зрения великого и достойного этой жертвы! Так я это понимаю.

— Закон сохранения материи и энергии, — поддакнул я. — Вопрос в том, есть ли закон сохранения ума? Или души?

Когда подводишь под что-либо научную основу, всегда становится как-то легче...

Витька с надеждой глянул на меня.

— У нас в Вечной Сибири ни во что не верят. И в волшбу. А она ведь есть! Вот ты научился колдовать! Научился же?

— Это все нейрочип, — сказал я под нос. — И кольцо... Но в целом — да. Научился.

Спохватившись, снял с пальца перстень. У меня было еще восемь магических колец — пять в кармане, три на пальцах левой руки. Правую я оставил свободной, чтобы кольца не мешали держать шпагу или орудовать автоматом.

— Вот, возьми, кстати. Это ведь... Настин подарок.

Витька бережно взял кольцо и понес его в кулаке, не надевая на палец.

Я посмотрел на три кольца на указательном, среднем и указательном пальцах левой руки. Откуда эти артефакты у Отца Морока? Из Ведьминого Круга?

— Нас в Вечной Сибири учили неправильно, — говорил Витька. — Твердили: и Поганом поле только Уроды, бандиты да Отщепенцы живут. Но мы-то видели, что не только! И волшба есть! И жизнь после смерти, наверное, тоже должна быть!

Эй, да он не о бессмысленности смерти! Он о бессмертии! Ишь ты!

— Витька, — кашлянув, сказал я. — Настя погибла не зря...

Он сразу перебил, будто ждал этих слов:

— Да зря она погибла! Ты ведь уже убил эту тварь! Воткнул в него клинок! А тварь

просто из злобы ее зарезала!

Замолчал, засопев. Я не знал, что ответить.

А Витька запальчиво заявил:

— Если бы я точно знал, что после смерти что-то есть, я бы ее нашел!

Я изумился.

— Кого? Настю? На том свете?

Пацан кивнул и закусил губу.

Я с ним не спорил. Человек в горе, зачем его переубеждать? Постепенно это пройдет, и Витька смирится с необратимостью смерти. То, что волшебство существует, сбили его с толку, он сейчас верит вообще во все. И в то, что можно вернуть умершего.

Брр, звучит-то как?

Впрочем, в Поганом поле возможно многое, чего не снилось мудрецам из моего мира... Но чтобы кто-то воскрес — это чересчур.

Шествие по тропе прошло без каких-либо приключений. Остаток пути мы предпочитали помалкивать. Во-первых, говорить больше не было настроения, во-вторых, давала знать о себе усталость. Скорости мы не сбавляли, упорно маршировали со скоростью километров пять-шесть в час. Иногда одолевало паранойяльное подозрение, что нам снова морочат головы и мы ходим по кругу, но это было не так. Мои волосы-то не расплетались!

Пообедали на той же тропе, но долго не отдыхали. Вот выберемся из джунглей, тогда и отдохнем вволю. Однако за те полчаса, что мы сидели на корнях мощного дерева, оплетенного лианами, я просканировал пространство на предмет магических энергий. Допарты работали как следует.

Интересно, что будет, когда я отращу волосы и заплету из них косичку? Смогу ли улавливать сигналы с космоса?

Слово “допарт” я про себя расшифровал как “дополнительный артефакт”. Не об артах ведь — рисунках всяких — идет речь? Волосы, конечно, никакой не артефакт, ибо сделаны не руками, но веревка, их собирающая в антенну, вполне себе артефакт... Причем очень простой. Кольцо — вещь посложнее.

К вечеру бесконечная тропа закончилась, и мы с невероятным облегчением вышли на открытое пространство перед избой бабы Марины. Я сразу увидел двух коней, привязанных к изгороди, и попятился, делая жесты Витьке, чтобы не отвечивал. Мы спрятались в кустах.

Не хватало нам еще Огнепоклонников или дружков Морока!

Ждать пришлось недолго. Вскоре из избы вышла баба Марина собственной персоной и женщина в багровом плаще. Кира!

А ведь верно: одна из лошадей рыжая, незнакомая, а другая — гнедая, которую мы видели под спутником Бориса, которого самолично завалила Кира. Стало быть, рыжая кобыла — Киры, а другую она взяла с собой, потому что добром не разбрасываются.

Мы вышли из-за кустов навстречу Кире. Старуху я не боялся. Я и сам ведьмак, если на то пошло. И потоков энергии вокруг избы не было. Бабка — просто хитрая бестия, опытная травница и не более. И ее классификацией магии — небесная да земная — можно подтереться.

При виде нас с Витькой Кира застыла на тропинке между избушкой и калиткой. Поправила очки на загоревшем носу и улыбнулась.

— Подавиться мне пеплом! — сказала она. — Вот уж не думала, что нагоню вас сегодня! Баба Марина рассказала, что вы ушли в лес несколько дней назад!

— Привет, Кира! — сказал я. Тоже был рад ее видеть. Еще как!

Марина вылупилась на нас злобным и подозрительно-настороженным взглядом. Дескать, а как вы, засранцы, выжили и выбрались из пут моего дражайшего сынули?

— Здравствуйте, Олесь и Виктор! — более спокойным тоном проговорила Кира. — Я ехала за вами.

Это и так ясно, подумал я. Она волнуется, поэтому говорит очевидные вещи. От осознания этой мысли по моему телу прокатилась жаркая волна. Чтобы не выдать собственного волнения, я перевел взор на лошадей. На обеих висели перекидные сумки, весьма объемные, забитые вещами под завязку. У одной из сумок примостился привязанный скейт — смотрелся он в этом месте удивительно неуместно.

— С тобой еще кто-то?

— Вторая лошадь — заводная. Раньше на ней ездил воевода Вячеслав.

При слове “воевода” Витька вздрогнул, оно навело его на неприятные ассоциации. У воевод Влада и Вячеслава даже имена похожие...

Кира смерила меня взглядом.

— Ты, я вижу, обзавелся рапирой вместо мачете?

Я расплылся в довольной улыбке.

Встряла бабка Марина:

— А вы что ж, назад пошли? Не дошли до Отщепенцев?

Я пристально посмотрел на нее магическим зрением. Иллюзий нет, волшбы тоже. В ее доме и на территории поблизости не “работал” ни один Знак, который уловил бы мой апгрейд вкупе с допартами. Посуда старухи украшена орнаментом в виде Знака Морока, но он в эту минуту не функционировал.

Кстати, посуду ей передал сыночек. Сделана она в деревне Замороченных.

От моего пристального взгляда бабке стало не по себе, хотя она скрыла эмоции, продолжая мрачно пялиться на меня.

— Почему не дошли? — улыбнулся я ей. — Дошли!

Старуха не справилась с чувствами, ее морщинистая физиономия вытянулась.

— До... Отщепенцев?

— До них, родимых... Только не Отщепенцы это. А Дети Морока. То есть Замороченные этим Мороком. Он и нас попытался заморочить, да кишка тонка.

У бабки Марины дернулся глаз.

— Что с ним? — бросив придуриваться, прямо спросила она.

Я не мог отказать себе в удовольствии помучить ее долгой многозначительной паузой. Киру наш диалог явно удивил, но она пока не вмешивалась. Витька первым не выдержал, процедил с ненавистью:

— Сдох, Урод! Это мы его убили!

Бабка отшатнулась. Лицо ее изменилось, нижняя губа отвисла, обнажив редкие коричневые зубы. Глаза ввинтились сначала в Витьку, затем в меня. Она будто хотела нас сплзнить насмерть. Но я не ощущал потоков волшбы, так что зря она старалась. Тем не менее я демонстративно положил ладонь на эфес шпаги — на случай, если ведьма возжелает наброситься.

Но она не сделала ни единого агрессивного движения. Развернувшись, потопала в дом и с грохотом захлопнула за собой входную дверь.

— Что случилось? — спросила Кира.

Я перевел дух. Сцена вышла неприятная. Наверное, не так надо объявлять матери о смерти единственного сына. Но и Витьку понять можно. Как-то все неправильно получилось...

— Позже расскажу...

Баба Марина сознательно отправила нас в ловушку, после которой мы превратились бы в замороженных рабов, и поступала так, судя по всему, не раз. Но делала это ради сына. Она не виновата, что ее обрюхатили Уроды... А вот люди виноваты, что ее изгнали.

“А почему она в лесу на ночь застряла? — спросил ехидный голосок. — Никто не застрял, а она застряла! Не специально ли, чтобы с Уродами побаловаться? Никто ведь не в курсе, что там стряслось на самом деле”.

Нет, вряд ли молодая Марина захотела побаловаться с Уродами. Здешние жители все, как один, относятся к Уродам с отвращением.

Хотя...

Я мысленно отбросил неуместные размышления на тему межвидового скрещивания, в результате которого, оказываются, получают дети с магическими способностями и непривлекательной внешностью. Отец Морок, вероятно, уже был стерилен, то есть не мог дать потомство, как и мул — гибрид осла и кобылы, — или лигр — продукт любви льва и тигрицы.

Да, неправильно поступили люди, когда изгнали беременную Марину.

Надо было прикончить младенца сразу после рождения. Не было бы столько страданий.

Поколебавшись, я пошел к избе. Ноги ныли, требовали немедленно прилечь и отдохнуть часиков десять. Сил на боевой режим не хватит, разве что на пять секунд... Если бабка начнет драться, как бешеная волчица, мне не поздоровится... Я буду вынужден бить на поражение.

Бабка сидела в плетеном кресле, грузное тело обмякло, одна рука свисала до пола, и возле пальцев лежал окровавленный ножик для чистки овощей и грибов. Я обошел ее. Горло матери Морока было разрезано. Совсем как у бедной Насти.

С севера небо затягивали тяжелые сизые тучи, громыхал гром. Подул ветер, пахнувший дождем. Я закончил закапывать неглубокую могилу на последнем издыхании, сил больше не оставалось. Воткнул лопату в рыхлую землю посреди огорода и опустился на бревно.

В Поганом поле законов нет, можно было бы и оставить бабку в кресле, но мы с Кирой засовестились и наспех погребли эту женщину.

Витька не помогал, даже посмотреть на мертвую старуху и ее похороны не пожелал. Он нашел в избе тележку, нагрузил ее харчами из дома и вывозил их за изгородь. Кира выпустила коз на свободу, но глупая скотина принялась топтаться поблизости, радостно поедая ботву картофеля. Эту ночь она, скорее всего, не переживет.

Кира, которая помогла мне выволочь грузную старуху из дома, встала у изгороди, разглядывая чучелки.

Я встал и, охая, подошел к ней. Наклонился над чучелками, втянул воздух носом.

“Запомнить растения, как выглядит, запах, все детали”, — велел я апгрейду.

ВЫПОЛНЕНО

В будущем я смогу при необходимости собрать нужные травы и самостоятельно смастерить чучелки. Плюс у меня есть волшебство Знака Морока. Если нарисовать на дощечках Знак, разложить по периферии нашей ночевки, то Погань не проберется. Но как работает

сила Знака?

Разберемся позже.

— Что это? — спросила Кира.

— Чучелки. Отгоняют Погань.

— Я, кажется, читала о таком способе защиты от порождений Поганого поля. Но считала это художественным вымыслом.

— Возьмем их с собой, — сказал я. — Пригодятся.

Кира с сомнением уточнила:

— Они отгоняют Уродов одним запахом? Без огня и света?

— Ну да. Эта старуха ведь как-то жила под защитой свой чучел.

— Она колдунья! — мотнула неровно подстриженной челкой Кира.

— Мы тоже, — усмехнулся я.

— Что?

Я закашлялся. Пока рано раскрывать все карты внезапному спутнику, который, между прочим, раньше не собирался быть спутником. Отчего она передумала? Я хотел ее спросить раньше, но приключилась небольшая трагедия.

— Кира, ты ехала за нами? Хочешь к... Отщепенцам?

— Библиотеки нет. Домой возвращаться не хочу. Буду искать другие библиотеки. Вы — путешественники, других я не знаю. Вместе будет веселее.

Коротко и ясно. Простая и незамысловатая Кира Огнепоклонница. В моем старом мире таких почти и нет.

— Да у нас будет целое пати! — сказал я.

— Что? — повторила Кира.

Она тоже не понимает жаргонизмов и англицизмов. Да что же это такое? С кем мне душу облегчить, болтая с применением старых добрых жаргонных словечек?

— Большая и веселая компания, — объяснил я.

Кира мимолетно улыбнулась.

У Замороженных есть библиотека, но упоминать о ней я не счел нужным, а то еще Кира поедет в лес.

Хочу ли я, чтобы она путешествовала с нами? Однозначно да. Представляю ли, как будет выглядеть наше путешествие теперь, когда у нас новый участник пати женского пола? Нет.

— Где ваша машина?

Я показал рукой в сторону дороги.

— В надежном месте. Мы сейчас идем туда. Места в кабине хватит на троих.

— Я не поеду в кабине, — внезапно заявила Кира.

— Почему? А где ты поедешь? В кузове?

— На лошади.

Я прикинул в уме: успеет ли лошадь за нашим электрическим скакуном? Учитывая черепашую скорость на разбитых дорогах, успеет, а то и обгонять будет.

— Как хочешь.

Кира повернулась к сплошной стене туч, закрывшей полнеба, втянула воздух и сказала:

— Нам надо поторопиться найти укрытие. Скоро сильная гроза.

Будто в подтверждении ее слов вдали глухо заворчали громовые раскаты.

Я взвалил связанные рюкзаки на заводную лошадь. Лошадь Киры тоже нагрузили

харчами из дома Марины вдобавок к вещам самой Кира — бабке все равно не пригодится. Сами пошли налегке, ведя скакунов под уздцы.

Мусоровоз пребывал на старом месте в целости и сохранности, скрытый ветками и кустами. Пока мы с Витькой убрали маскировку и забрасывали наши вещи в кузов, Кира привязала лошадей к дереву с плотной кроной. Гром рокотал почти непрерывно, вспыхивали ослепительные молнии. Грозы в Поганом поле — вещь нешуточная, поэтому с установкой палатки мы не тянули.

Стемнело, в траве зашуршали первые капли дождя. Мы с Витькой залезли в палатку и расположились на спальниках. Кира, накинув капюшон на голову, заколебалась снаружи.

— Идем к нам, — сказал я. — Места хватит.

Кира забралась к нам, и сразу стало непривычно тесно. Я бы с удовольствием растянулся на спальнике и захрапел без задних ног, но присутствие дамы спутало холостяцкие планы. Мы все трое уселись по-турецки, причем Кире, судя по расслабленному виду, не впервой пребывать в такой позе. Она достала из-под плаща знакомую книгу — “Жизнь выдающихся людей”.

Я бы продемонстрировал ей “Историю”, но книга лежала где-то в кабине.

Эх, надо было прихватить книжонку из деревни Замороченных из жанра хаосизма... Но кто ж знал, что она ищет нас? Если б не отросли мои допартовские волосы, а Настя не подарила Витьке кольцо за проявленную доблесть, Кира сейчас щеголяла бы в деревянной маске и принимала поздравления от других Детей Морока.

Разговор в первые несколько минут не клеился. Я чуть было не спросил ее, не гуляла ли она ночью голая возле нашего лагеря. Сдержался. Ясное дело, нет. В ней нет волшебства, она не Погань и не чокнутая, чтобы заниматься экстремальным нудизмом.

Разговор начала сама Кира, спокойно спросив:

— Так что с вами случилось?

У меня была возможность восхититься ее терпением. Помогая мне хоронить бабу, Кира не задала ни одного вопроса. Ее вообще мало шокировала эта смерть. Будь на ее месте девушка из моего мира, канувшего в Лету... Ну да хватит сравнивать, бесполезное это занятие.

Я покосился на Витьку, который задумчиво вертел кольцо-печатку на пальце. Снаружи дождь усилился, струи колотили по стенкам палатки, приходилось повышать голос. Наклонившись к Кире, я наспех, не вдаваясь в детали, пересказал события последних трех дней.

— И ты победил этого Морока с помощью колец? — удивилась Кира. Протянула руку к моей руке с нанизанными на пальцы кольцами. — Можно?

Я снял одно колечко, самое узкое, для мизинца, и протянул ей. Кира сразу же нацепила его на безымянный палец. Зажмурилась.

Витька ожил, выжидательно посмотрел на нее. Я напрягся — впрочем, несильно.

Кира выдохнула:

— Ничего не чувствую. Наверное, для этого надо быть волшебником... Или полууродом...

Я крикнул, но Кира, похоже, не осознала двусмысленности фразы. Она отдала кольцо, и я вернул его на место.

— Как ты защищаешься ночью от Погани? — спросил я.

— В городе ночевала в помещении, за крепкими дверями. Раньше разводила кольцевой

костер. Так у Огнепоклонников положено.

— Кольцевой костер? Что это такое? — любопытствовал я и подумал: не многовато ли в моей жизни колец?

Кира огляделась в поисках того, что помогло бы объяснить концепцию кольцевого костра. Но в палатке были только спальники, мы и автоматы.

— Дрова ложишь... м-м-м... кучками по кругу. Когда догорает одна кучка, загорается другая. Такой костер горит полночи и дает яркий свет.

Я обратил внимание, что безучастный ранее Витька начал прислушиваться к разговору.

— Бывает еще перевернутый костер, — сказала Кира, — когда снизу ложатся большие ветки, а мелкие — сверху. Огонь идет сверху вниз. Горит полночи...

— А потом?

— Потом просыпаешься и поджигаешь второй костер.

— А если не просыпаешься?

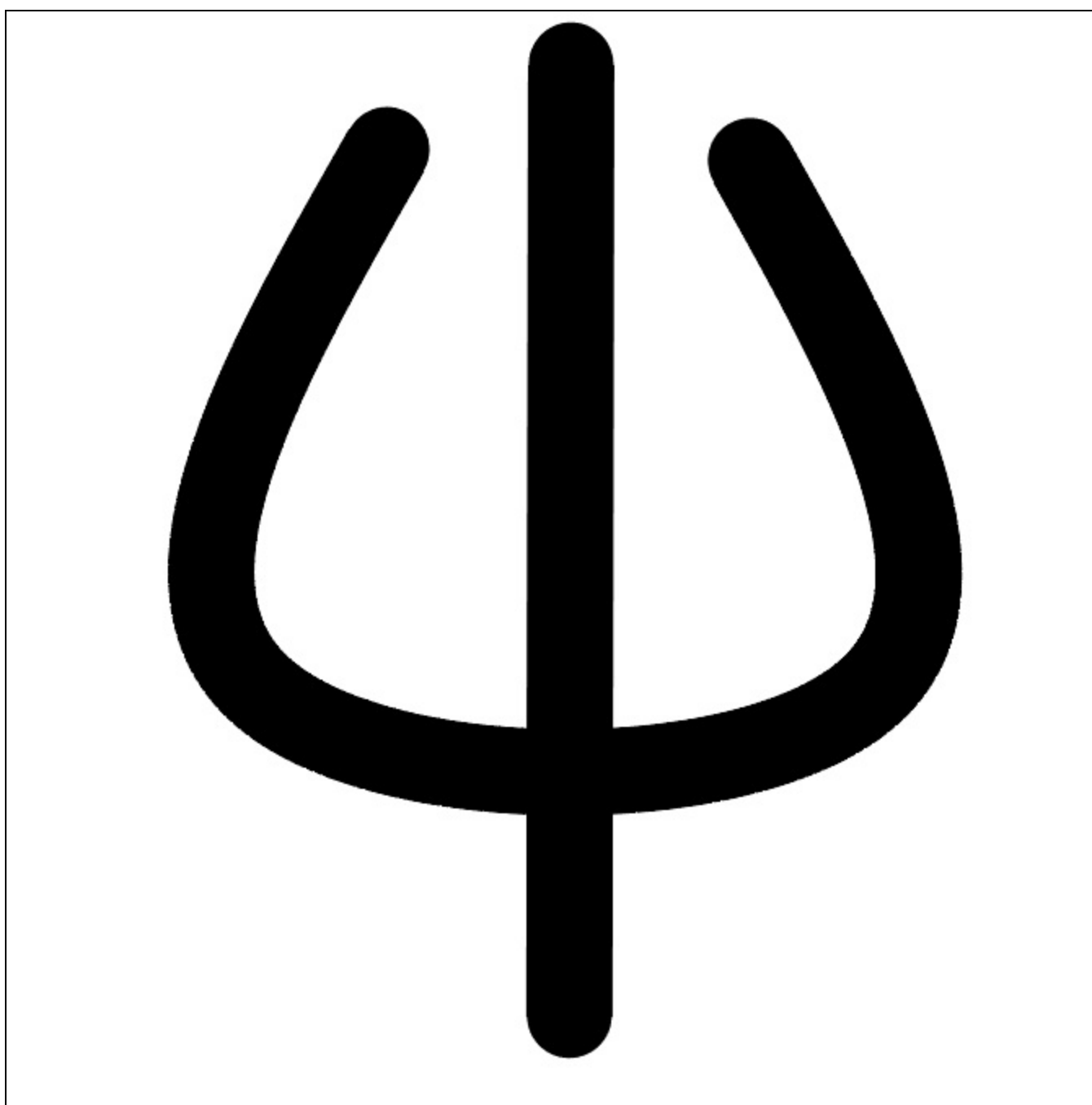
— Тогда Погань доберется до тебя. Разве ты не просыпаешься, когда становится темно?

— У нас электрические фонари.

Кира вздохнула:

— У меня тоже. Нашла два фонаря. В городе. Заряжаются от складной солнечной панели. Для Огнепоклонника это ужасная ересь... Только огонь защитит нас от ужасов ночи. Мы умеем жечь такие костры, которые горят и в дождь, и в ветер, долго или быстро затухают. Это целое искусство. Но по сути оно уже не нужно. Это традиция, в которой нет нужды. Просто наши люди цепляются за старое.

Она сняла плащ и постелила рядом. На его внутренней стороне я увидел вышитый на багряном фоне нитками более насыщенного красного цвета Знак в виде трезубца: жирная линия, пересекающая другую линию, согнутую подковой.



— Что это за Знак? — медленно спросил я.

— Знак Огнепоклонников. Наш символ.

Витька открыл рот и подтянул к себе автомат.

— Вы владеете магией? Волшбой?

— Да нет же! — усмехнулась Кира. — Жрецы чем-то таким занимаются, но у них не сильно получается.

— Что умеют Жрецы? — не отставал я.

— Зажигать огонь.

— Это и я могу.

Кира удивилась:

— Взглядом?

— Лучше! Спичками. Шучу. У всех племен в Поганом поле есть Знак?

— Не знаю. Я как-то не думала об этом. Думала, это обычный символ, что-то вроде родового герба.

— Нет, — протянул я. — Это не простой герб, это что-то намного более крутое!

Забавно: чем дальше мы от Вечной Сибири, тем больше волшбы вокруг!

Витька не выдержал и вступил в разговор:

— В Вечной Сибири есть Знак! А значит, и волшба тоже! Мы ее не замечали, вот и все но она есть!

Оглушительно загрохотал гром, вспышки молний проникали сквозь плотную ткань палатки, ливень шипел и колотил по нашему укрытию, прибивал к земле траву. Сквозь полуоткрытый клапан сочился влажный озонированный воздух. Лошади как ни в чем не бывало пощипывали травку под деревом. Под плотной кроной они почти не промокли.

Я незаметно для остальных потрогал хвостик на голове. Что будет, когда волосы отрастут еще сильнее и я заплету косу? Усилится ли мощь допарт?

Наверное, да.

Недаром мифы и легенды донесли до нас архетипы волшебников с длинными бородами и шевелюрами. Образы всех этих вымышленных Гэндальфов, Дамблдоров, Мерлинов и прочих друидов основаны на чем-то большем, чем досужие фантазии. У них был допарт! Смешно думать о том, что в головах этих магов был нейрочип, но определенные аналогии прослеживаются.

В Библии рассказывается о Самсоне, чья сила заключалась в его волосах. Когда его глупая жена сбрила эту его растительность, он разом ослаб и попал в руки врагов.

А монахи? Почему они бреют головы? Не потому ли, что отказываются не только от мирских удовольствий, но и от магических возможностей, которые потенциально заложены во всех людях?

Нет. Так можно додуматься до абсолютной чуши. Если волосы — это волшебный допарт, то все хиппи, хипстеры и прочие волосатики в моем старом мире должны были уметь колдовать.

Кроме волос, надо иметь еще кое-что. К примеру, нейрочип.

Гроза неистовствовала долго. В этом мире грозы всегда длинные и впечатляющие. По словам Витьки, зимой гроз нет, зато ливни идут неделями.

К вечеру стало понятно, что ливень не намерен заканчиваться и будет идти всю ночь, а то и на следующий день продолжится, и надо будет заночевать в этой уютной долине.

После ужина дождь ненадолго утих, хотя небо затягивали сплошные черные тучи и рокотание грома надолго не прекращалось. Я надел непромокаемый легкий плащ и ушел в рощу, чтобы покопаться в интерфейсе нейрочипа, усиленного допартами.

Выяснил немного: во-первых, на деревьях и неживых предметах повернуть что-либо с помощью волшбы Знаков не получается, то есть с мечтами о телепортации и левитации придется расстаться; во-вторых, Знак Морока (возможно, и все другие Знаки) работает лишь тогда, когда объекте нарисован этот самый Знак. Или к объекту прилеплена бумажка со Знаком.

Нам с Витькой подкинули дощечки со Знаком, Замороженные носили маски со Знаком. Знак — это и передатчик (на печатках), и приемник (на масках и дощечках).

Чтобы повелевать людьми, мне предварительно понадобится потихоньку подкинуть листок со Знаком или нарисовать Знак на одежде или прямо на коже.

У Знака есть особенность: он действует некоторое время после того, как исчез. Витька был без маски, когда я ментально на него подействовал. Его сознание было, так сказать, “размягчено” ношением маски и легко поддавалось волшбе.

Что же, необходимость подкладывать дощечки или бумажки усложняет использование магии, но это не слишком значительная проблема. Если понадобится, подложим, стикер прилепим...

На этом месте ход моих рассуждений переключился на Киру. Сексуально озабоченный гомункул внутри меня возбужденно предложил подбросить ей Знак и загнипотизировать, чтобы у нас состоялся дикий секс, от которого даже Уроды офигеют. А Витьке внушить идею погулять пару часиков на природе...

Предложение гомункула было непристойным, безнравственным и неприемлемым в любом мало-мальски приличном обществе. А потому очень и очень соблазнительным. С гомункулом в жесточайшей схватке сошелся мой внутренний Воспитанный Мальчик. Вышла ничья, но гомункул все же уломал незаметно подействовать на Киру с помощью Знака; просто попробовать, получится ли. Если Кира по каким-то причинам начнет представлять опасность, у меня будет козырь в рукаве.

Аргумент про опасность был высосанным из пальца фуфлом, конечно. С чего это Кире нападать на нас? У нас автоматы, а у нее — ятаган... Правда, управляется она этим оружием в высшей степени профессионально.

Я все же отковырял от дерева кору, старательно нарисовал ножом с внутренней стороны Знак Морока и вернулся в палатку. К тому времени усилились и дождь, и мои угрызения совести.

В итоге я пришел к компромиссу. Прямо предложил Кире поучаствовать в эксперименте и вручил ей кусок коры. Она, наверное, вовсе не поняла, чем рискует, и согласилась. Или, наоборот, поняла, но пошла на это осознанно... Витька заинтересовался экспериментом, но тоже, судя по виду, не обдумал всех возможностей. Его личный гомункул еще не вырос, что с него взять?

Я направил на Киру печатку и приказал встать и попрыгать на одной ноге. Кира нахмурилась и встала. В моей груди заколотилось сердце, но она, вместо того, чтобы бездумно подчиниться, спросила:

— А зачем это нужно? Ты уже колдуешь?

Это был феерический облом. Я еще несколько раз попытался “заколдовать” ее, но безрезультатно. Подправив на дощечке Знак, снова попробовал — без толку.

Следовало проверить качество нарисованного Знака на Витьке, но я воздержался. Пацан и так слишком много перенес. Позже.

Результаты эксперимента удручали, заставляя задуматься о том, насколько я криворукий художник или неумелый Мерлин. А если при изображении Знака нужно совершать ритуальные танцы с бубном, о которых я не знаю? И спросить некого, потому как Отец Морок отправился морочить чертей в преисподней. Будет невесело, если вся моя волшба обязана “остаточным эффектам” магии Морока и со временем никакого волшебства я родить не смогу, как бы ни пыжился.

Хотя нет — нейрочип на месте, так же как и допарты, которые так настырно требовал мой апгрейд. Это было еще до встречи с Мороком. Маловероятно, чтобы допарты работали только в присутствии “настоящего” волшебника...

Заночевали в двух палатках, Кира раскинула свой крохотный шатер рядом с нашим временным обиталищем, и вопрос совместной ночевки, некоторое время терзавший меня, был снят с повестки. Ее шатер был куда живописнее нашей стандартно выглядящей палатки: восьмиугольный, чем-то смахивающий на цирк в миниатюре, сделанный из красноватой

ткани (красный — любимый цвет Огнепоклонников), очень быстро и удобно разворачивающийся. Витька развесил световую гирлянду вокруг обеих палаток. В ее свете алмазными всполохами мерцали капли дождя и влажно лоснилась листва окружающих деревьев. Лошади стояли под деревом тихо, иногда всхрапывая и прядая ушами. Гирлянда заливала их синеватым светом, отчего обе они казались черными.

Мы с Витькой вымотались за ночь и день, что были полны не всегда приятных событий, и без сил повалились на спальники. Я ожидал, что усну мгновенно, но сон являться не спешил. За стенкой палатки погасли фонари, но вскоре затопали, задвигались лошади, и фонари вспыхнули снова. Мы выглянули, встревоженные, — никого; просто лошадям приспичило немного пройтись, насколько позволяла веревка.

— Слушай, Витька, — сказал я, когда мы снова улеглись, — ты говорил когда-то, что не видал Уродов, но слышал, как они воют. А чегой-то они не воют? Не слышал ни разу, пока мы едем.

За стенкой палатки послышался голос Киры:

— Уроды не воют.

— Спасибо, — сказал я. — Огнепоклонники всегда подслушивают, когда кто-то разговаривает?

— У меня слух тонкий, — отозвалась, ничуть не смутившись, Кира. — А разве между нами есть какие-то секреты?

— Никаких секретов, — заверил я, и гомункул внутри меня одобрительно закричал. — Просто...

Я не договорил. И сам не знал, что меня смутило в ее поведении. Мы в Поганом поле где никто ни с кем не церемонится; этикет и прочие расшаркивания в прошлом. До недавнего времени меня все устраивало, но сейчас стало парить. Почему? А потому что в команде появилась в высшей степени начитанная девушка, и я, наверное, ждал от нее деликатного поведения.

Глупости. Кира Огнепоклонница — такая же дикарка, как и Замороженные, жители Вечной Сибири и всех прочих племен, населяющих Поганое поле. Ее начитанность и грамотная речь сбили меня с толку, но это обманчивое впечатление. Стоило бы помнить об этом. Совсем недавно она хладнокровно убила человека, хорошо ей знакомого, за то, что он сжег книжки, а после забрала его лошадь и ничуть не сокрушается по этому поводу. Смерть старухи Марины ее тоже не сильно расстроила.

— Ладно... — произнес я. — Насчет Уродов... Я Витьку спрашивал: отчего Уроды не воют?

— Откуда я знаю? — заворчал пацан. — Не в голосе, видать.

— Уроды вообще не воют, — снова встряла Кира.

Я подумал и сказал:

— Получается, тот вой, который ты слышал в Вечной Сибири, — это не Уроды. Это кто-то другой.

— Выходит, так, — пожал плечами Витька. — Может, Модераторы наших пугали, чтоб мы не высовывались. У них здорово получалось: когда завоет, мурашки по телу.

Я задумался, лежа на спине и глядя в непроглядную темноту. Возможно, Витька прав. А может быть, причина в другом...

Я не заметил, как провалился в крепкий сон. Не видел снов, не просыпался ночью — дрых как убитый. Меня разбудили утром голоса Киры и Витьки возле палатки. Дождь

прекратился, небо усеивали рваные тучи, но на севере, откуда поддувал легонький ветерок, небо было чистейшим. Ручей вылез из берегов, помутнел, нес массу веточек, листвы, бурлил и клокотал.

Мы с Витькой привычно погрузили шмотье в мусоровоз и поехали в обратном направлении, до развилки, которую я проигнорировал когда-то, несмотря на совету мудрого Витьки. Кира верхом следовала за нами, не отставая, что было делом несложным, учитывая скорость улитки.

Когда над лесистыми горами взошло солнце и мир засверкал, словно покрытый бриллиантовыми россыпями, я надел темные очки. В зеркале заднего вида на меня томно глянул заросший бородой и волосами гражданин в темных очках — личность весьма колоритная. Это еще ничего, сказал я себе. Вот отращу бородищу и патлы, как у Мерлина, тогда посмотрим на колорит!

Главное, блох и вшей не завести...

Дорога вверх-вниз по знакомому участку дороги умиротворяла. Я ловил себя на мысли, что забываю о Кире, скачущей позади. Было такое ощущение, словно мы с Витькой вдвоем, как в былые времена. Но потом вспоминал — и не только о Кире, но и Насте. Смерть этой девочки встала между нами незримой тенью, Витька отдалился, не шутил, не болтал, и я с тоской понимал, что прежнего бездумного и веселого путешествия уже не будет никогда.

Поскольку никто меня не отвлекал от дороги, я совместил приятное с полезным: снова приступил к экспериментам с допартами. На сей раз с умением считать потоки волшбы. Я мысленно продолжал использовать термин “волшба” за неимением более подходящего слова, хотя на самом деле это могли быть потоки какого-то неизвестного науке моего времени силового поля. Пусть будет волшба. Чем это слово хуже любого другого? Даже лучше многих зубодробительных научных словечек, вроде “субклеточного нейрокогнитивного модулятора”. В принципе, давать неведомому явлению названия и думать после этого, что это явление стало понятнее, — самообман и ничего больше.

Временами я улавливал шестым чувством потоки этой самой волшбы далеко вдали, почти на горизонте, но не был стопроцентно уверен, что это именно волшба, а не что-то другое. Я так и не разобрался, чем именно воспринимаю потоки. Не зрением — это точно. Не слухам и не обонянием. Больше всего было похоже на осязание, как если бы я отрастил невероятно длинные чувствительные пальцы и щупал то, что находится за много километров... или сам стал частью мира и воспринимал в виде ощущений то, что происходит внутри меня.

Достигнув развилки, я остановился, и наш небольшой отряд держал короткий совет. Кира, насколько я понял, вообще плохо представляла себе цель поездки. Отщепенцы ее интересовали мало, равно как и возможность жить в свободном обществе. Свобода, как она мне объяснила в Князьграде-1, есть только в книгах. Библиотеки — вот что занимало ее мысли. Я даже немного взревновал ее к этим книжкам. Наши с Витькой цели не изменились. Мы направлялись к Отщепенцам, хотя с некоторых пор у меня завелись сомнения касательно их свободы.

Совет постановил двигаться на юго-запад. Вообще-то, другого пути и не было: на юге мы были в гостях у Морока, на севере — в Вечной Сибири, а на запад или восток не пролегалo ни одной дороги.

Целый день мы ехали по горам, которые постепенно и незаметно становились все более приземистыми и лысыми. Несмотря на жаркий климат, растительности поубавилось, вместо

джунглей лощины и склоны укрывал ковер из кряжистых кустов с мелкими, почти колючими листьями, трава пожелтела и обзавелась шипастыми соцветиями, ручьи перестали попадаться. Дорога понижалась, о чем напоминали уши, которые то и дело закладывало, так что приходилось сглатывать. С наступлением сумерек мы с трудом отыскивали мелкий ручеек с мутной и железистой на вкус водой, текущий меж желтыми сопками.

На другой день ближе к обеду мы спустились по серпантину напрочь ушатанной дороги, что извивалась по предгорьям, а во второй половине дня впереди простиралась лишь холмистая равнина. Дул жаркий порывистый ветер, колеблющий метелки высокой травы и гонящий волны низкой, похожей на ковыль, растительности. На горизонте колебалось марево.

Я затормозил примерно через пару часов после остановки на обед — заметил кое-что необычное. Сбоку от дороги на земле тускло мерцал металлический на вид шестиугольник метра полтора в диаметре, окруженный невысокой травой и кусками глины, которые выглядели так, точно их кто-то выгреб в стороны от странного объекта. Чуть позже, уже выбираясь из машины, я увидел еще один шестиугольник метра в десяти от первого на другой стороне дороги, а потом — еще один...

— Что это такое? — сказал Витька, вылезая из кабины и вертя головой.

Кира подъехала к нам и прыгнула с лошади на землю. Ничего не спросила — и без того было видно, из-за чего остановка.

Шестиугольники шли идеально прямой линией через равные промежутки в десяток метров через всю равнину, насколько хватало глаз.

— Это люк? — спросил Витька.

Он потыкал в зеркальную, без малейшей царапины поверхность палочкой, готовый отпрыгнуть в любой миг, кинул на шестиугольник комок глины — ничего не произошло. Попытался выковырнуть его из земли, используя палку как рычаг, — бесполезно.

— Не похоже на люк, — сказал я. — Такое впечатление, что какая-то сила очищает эти штуки от земли.

— Но не сейчас, — добавила Кира, щурясь на солнце.

И верно — сейчас брошенные куски земли лежали, рассыпавшись, там, куда их забросил Витька. Пацан уже тянул к металлической пластине руку, но я сказал:

— А ну как током ударит?

Витька отдернул руку.

Я спросил Киру:

— Что-нибудь читала о таком?

Она замялась и пожала плечами.

— Не уверена, но... Кажется, это гравитационная дорога Республики Росс.

— Да ну? И что по ней возят?

— То же, что и по обыкновенной железной дороге. Груз, людей, все, что угодно. Поезд по этой дороге движется с невероятной скоростью.

Я задумался. За прошедшие дни мы были постоянно чем-то заняты, и я как-то запамятовал разузнать у Киры о Республике Росс и прочих делах недавнего бурного прошлого человечества. Я больше занимался своим департом и созданием “колдовских мешочков” — портативных аналогов чучелок бабы Марины. Мои мешочки состояли из тех же ингредиентов, что и чучелки, то есть из разных трав и костей животных, но умещались в небольшом мешочке. Агрейд помогал отыскать нужные травы в горах, не составляло и

труда найти кости. Мои мешочки источали тот же сильный запах, что и чучелки, но испытать их на Уродах не выпадало возможности.

Также я не поленился и сделал пару десятков маленьких карточек из дощечек с вырезанным Знаком Морока. Они были размером с визитку, и, когда я их сложил в наплечную сумку, на ум пришел незабвенный Димон с его визитками... Теперь и у меня будут эти не то визитки, не то карты.

Пока занимался созданием этих колдовских артефактов, немного мучила совесть. Я не заслуживал этой силы. Я не Гарри Поттер с его благородством и самоотверженностью, я думаю всегда в первую очередь о себе и не намерен спасти мир. Сначала я мечтал вернуться домой, теперь хочу найти свое место в этом мире — желательно теплое и спокойное.

— Кира, расскажи, пожалуйста, все, что знаешь о Республике Росс, — сказал я. — Покороче, самое важное.

— Это страна, — начала Кира, — где-то на западе, в которой есть только один запрет — на насилие. Все остальное разрешено, даже вещи, которые во все времена считались преступными. Если эти вещи совершаются с согласия всех сторон, они разрешены.

— Ого!

— Республика Росс не имеет одного правителя, потому что считается, что единоличный правитель рано или поздно применит насилие по отношению к народу. В Республике Росс правит Коллективный Договор, в котором участвуют все жители страны.

— Ничего себе!

— У них есть что-то вроде религии Доброй Воли. Запрет на насилие прописан в катехизисах. Разрешено только Ответное Насилие.

— Насилие в ответ на насилие? — уточнил я.

— Наверное, да. Я не знаю, в книгах это не расписывалось.

— Хорошо, продолжай.

— Еще в их религии есть много про какое-то Оружие Доброй Воли.

— Ничего не понял, но очень интересно, — заключил я. — Ладно, погнали дальше? Расскажешь во время стоянки.

Витька предложил:

— Давайте лучше подождем поезд!

Я уставился на него.

— Думаешь, он при виде нас остановится?

— Кто ж его знает? Глядишь, и остановится. Попробуем.

— Поедешь в Республику Росс?

— А че нет? Про Отщепенцев мы ничего не знаем. Вообще-то мы считали всех, кто живет в Поганом поле, Отщепенцами. Кира вот и ее племя для нас Отщепенцы. И Решетников. И Дети Морока... Может быть, мы постоянно общаемся с Отщепенцами и не понимаем, что это они и есть. А в Республике Росс делают вот такие мусоровозы и комбайны, с технологиями у них все отлично. Может, с этими россами жить лучше?

Я с трудом сдержался, чтобы не расхохотаться в голос и не показаться сумасшедшим. Цели нашего долгого путешествия размывались, и скоро может оказаться так, что мы вовсе потеряем цель и будем бессмысленно скитаться по Поганому полю до конца своих дней. С целью удивительным, волшебным образом связана надежда, и если исчезнет цель, исчезнет и надежда.

И все-таки в словах Витьки был резон. Не надо сходить с ума и заикливаться на

Отщепенцах, наша основная и незыблемая цель — найти место, где мы остановимся и пустим корни. Если Республика Росс — высокотехнологическая страна, значит, в ней есть библиотеки. Кира будет счастлива, и мы с Витькой тоже.

Я издал звук, напоминающий одновременно смешок и всхлип, и сказал:

— Подождем поезд.

Лагерь разбили возле гравитационной дороги у подножия низкой сопки с подветренной стороны. Ветер тем не менее изрядно досаждал и действовал на нервы, угощая нас жаркими и сухими оплеухами. Витька с трудом вырыл бездымный костер в твердой глинистой почве, пронизанной жесткими корнями степной травы, а я поставил палатку. Свой шатер Кира возвела сама, путаясь в хлопающей на суховее ткани, потом мы с ней вместе соорудили навес, чтобы сидеть в тенечке и наблюдать за равниной. Лошадей Кира стреножила и пустила пастись.

До сумерек по “дороге” не прокатился ни один поезд, а также не было заметно никаких признаков обитаемости равнины. Вечером опостылевший ветер поутих, мы включили гирлянду и расположились вокруг потухшего костра, разведенного из срубленных веток колючего кустарника. Ночью решили дежурить по-очереди, чтобы не пропустить поезд. Никто из нас не знал возможностей гравитационного поезда, способен ли он быстро останавливаться, но гирлянду мы включили на постоянное свечение — нас должны заметить.

Если же до утра поездов не будет, мы двинемся вдоль “железной дороги” в западном направлении, где, по словам Киры, расположена Республика Росс. Ждать дольше нереально — рядом нет источников воды.

Ночь в степи — теплая, наполненная запахами разнотравья и пением сверчков, с низкими яркими звездами на огромном небосводе — понравилась мне едва ли не больше, чем ночи в горах. В горной местности по ночам сыровато, и небо вечно заслоняют неприкаянные тучки. А здесь небо было свободно от завес, и звездные россыпи с туманностями вращались над нами в вечном и захватывающем танце.

Кира допоздна рассказывала о прочитанном в исторических книгах. В частности, о Третьей и Четвертой мировых войнах. Третья называлась Информационной, а Четвертая разразилась после поголовного “чипирования” и касалась поединков “рейтингов” среди “Изыявителей желания народа”. Нейрочипы объединили человечество в своего рода “мозговой интернет”, в котором постоянно проводились разнообразные выборы. У представителей власти был рейтинг, который определял степень их влияния в обществе, и за этот рейтинг Изъявители готовы были, как я понял, укокошить мать родную.

Власть практически во всех государствах пережила сложный и корявый процесс децентрализации, у каждой группы людей, объединенной какой-либо идеей или проблемой, был свой Изъявитель, который при поддержке электората и достаточно высоком рейтинге имел право начинать локальные войны. В итоге эти войны переросли в дурдом под названием Война Всех Против Всех.

Борьба рейтингов подстегнула научные открытия в области нейрочипов. Именно тогда появились первые “маги” — люди с необычными способностями, которые обеспечивались нейрочипами.

Разумеется, никакой реальной магией на самом деле и не пахло. Речь шла исключительно о проапгрейденных ментальных способностях и улучшенных физических

вроде запредельных силы и ловкости. Книги из библиотеки Киры ничего не могли поведать о Знаках и их волшбе.

Убывающая луна в фазе одна четверть поднялась высоко на звездный небосклон, когда Витька, уже с час как сонно клюющий носом, удалился в палатку, а Кира без смущения широко зевнула и тоже ушла спать в шатер. Я остался дежурить, сидя на раскладном стульчике на вершине сопки, откуда открывался вид на все четыре стороны.

Во время моего дежурства не случилось ничего особенного, если не считать того, что с сопки я внезапно различил в ярком лунном свете ведьмин круг, сложенный из белых валунов, но без дольмена, в трех десятках метров от нас за возвышением. Ведьмин круг не светился и никак себя не проявлял. И все же с помощью допарты я уловил легчайшие потоки энергии...

Но угрозы я не чувствовал. Не то что в лесу Морока. Но тогда мы подвергались воздействию этой сволочи в маске.

От нечего делать я сканировал окружающее пространство и пытался понять, где находятся Отщепенцы. СКН упрямо показывал на юг. Чем дальше на юг, тем жарче и суше погода. Отщепенцы что, в пекле живут?

Когда меня сменила Кира, я спросил ее о ведьминых кругах.

— Они появились одновременно с Поганым полем, — шепотом ответила она, чтобы не разбудить пацана. — Самые новые книги в моей библиотеке были напечатаны сразу после Катастрофы и появления Поганого поля. Если и проводились исследования Ведьминых кругов, то в библиотеке этого нет.

Утром Витька был в лучшем настроении, чем накануне. Вероятно, отошел после трагедии в деревне Замороженных или утреннее дежурство освежило и пошло на пользу. Когда я вылез из палатки, он стоял поодаль лицом к занимающемуся на востоке рассвету и делал зарядку.

— Поедем на запад вдоль этой шестиугольной дороги, — с воодушевлением сказал он, наклоняясь и доставая рукой до ноги, когда я подошел к нему. — Рано или поздно приедем в Республику Росс. Куда она от нас денется? Я прямо чую, что она недалеко! Уже послезавтра там будем.

— У тебя тоже подключился допарт? — удивился я.

— У меня природное чутье! А может, я тоже волшебник!

Он рассмеялся.

Глухо хлопнуло, и Витька покачнулся, озадаченно посмотрел на длинное древко стрелы с оперенным концом, торчащее из его груди. На светлой футболке стремительно набухало красное и влажное пятно. Витька перевел взгляд на меня и спросил:

— Олесь, а че это?

И повалился наземь, я еле успел подхватить его. С запозданием прислушался к ментальному фону — он кипел от ощущений угрозы и опасности. Наши лошади, пасущиеся на пригорке, подняли головы и запрядали ушами, где-то вдали заржала чужая лошадь.

— Кира! — заорал я. — Кира!

Зачем я ее звал? Чем она бы нам помогла?

Кира выскочила из шатра и крикнула:

— Ложись!

Я пригнулся, и надо мной засвистели стрелы, вонзающиеся в грунт совсем близко. Лучники были на возвышении, человек пять конных в багровых плащах, и я бы легко снял их

автоматной очередью, но автоматы мы оба — я и Витька — оставили в палатке. Расслабились.

Я растянулся на земле возле Витьки, который дышал быстро и мелко, закатив глаза и открыв рот, а кровь пропитала уже всю футболку и испачкала меня. Ее было страшно много. Как такое небольшое тело вмещает в себя столько крови?

— Держись, я сейчас... — бормотал я.

И сам не знал, что “сейчас”. Я ничего не мог поделаться. Стрела засела глубоко, не выдернешь, а операционной, которая сейчас так нужна, поблизости нет.

Несмотря на летящие стрелы, я вскочил и согнувшись помчался к палатке, врубив боевой режим. Схватил автомат, резким движением переключил режим стрельбы на очереди и выскочил из палатки.

— Борис! — завопила Кира.

И я узнал одного из всадников, хотя поднимающееся солнце светило мне в глаза. Половина головы у Бориса, обожженная и безволосая, лоснилась в желтоватых солнечных лучах.

— Предателям смерть! — сорванным голосом проревел он и снова натянул тетиву лука, целя, как я понял, в сестру.

Я нажал на спусковой крючок, автомат затрещал, задрожал в руках, выплевывая пули...

Кажется, промазал я по полной программе. Снайпер из меня говенный — или я был слишком напряжен и не прицелился как следует.

Всадники развернулись и пропали за пригорком. Гнаться следом было бессмысленно.

Я будто выпал из реальности, ничего не соображал, не улавливал ход времени. На исходе безумного дня вместе с Кирой я похоронил Витьку, моего друга и спутника, человека, ближе которого у меня не было во всем незнакомом и чужом мире. Больше часа я пытался реанимировать пацана, хотя уже было понятно, что он мертв — чудес не бывает, даже когда ты волшебник. Я весь измазался в его крови, пока вынимал стрелу, делал искусственное дыхание, непрямой массаж сердца, все, что угодно, лишь бы что-то делать, не останавливаясь, потому что тогда прояснится ужасная и окончательная правда.

Кира мне не мешала, стояла рядом молча. Ей-то, обитательнице этого дикого мира, с самого начала было ясно, что Витьку не спасти.

Наконец я отвалился от тела, скорчился на земле в тени палатки и застыл. Это были вторые похороны за короткое время. Первые — похороны Марины. Но на злобную старуху мне было наплевать.

Сколько я так пролежал — не знаю. Вспоминал, как Витька мечтал убежать из Вечной Сибири, где каждый день одно и то же и предки целыми днями лаются. Вспоминал наш первый и единственный совместный трудовой день.

“Умение рыть ямы — один из самых полезных навыков! Так мой деда покойный говорил. Удобным инструментом легко и мусор убрать, и подвал сделать, и печь, и землянку”.

Хозяйственный и запасливый Витька умер, и когда наконец эта правда дошла до меня полностью, я встал и приступил к похоронам. Я взял лопато-мотыгу Витьки и вырыл глубокую могилу посреди Ведьминого круга. Витьке нравились ведьмы и волшебба. Место это необычное, загадочное, Витька заслужил покоиться именно здесь. Перед тем, как завернуть тело в саван из тех тряпок, что мы насобирали в магазинах Князьграда-1, я надел на его

палец кольцо — подарок Насти. Если потусторонний мир существует, пусть Витьке не будет стыдно перед белокурой девочкой при их встрече, что он потерял ее дар.

Кира молча помогала, а я молчал — не мог разговаривать. Тем более с ней. Если б не она и ее полудурошный брат, мы бы с Витькой путешествовали себе дальше! С Кирой я не могу разговаривать, а ее братца я убью. Зарывая могилу, я поклялся себе в этом.

— Надо было сжечь тело, — вдруг сказала Кира.

Я окрысился:

— Зачем?

— Иначе его заберет Поганое поле. Так наши старики говорят.

Я, не стесняясь в выражениях, сообщил, куда надо пойти ее старикам и чем там заняться друг с другом, чтобы больше никогда не давать идиотских советов. Кира промолчала.

Мы выпили почти всю воду, что была у нас, в ближайшее время нужно обязательно найти реку или ручей. Поэтому мы тронулись в путь на ночь глядя, чего никогда не делали прежде. Пока ехал, я смотрел в зеркало заднего обзора, в котором убегала вдаль холмистая равнина с одной маленькой могилой. Через пять километров езды вдоль “шестиугольной дороги” нам повстречалась пересыхающая речушка, извивающаяся среди зарослей сухого рогоза и нагромождений гравия.

Разбили лагерь в низине. Я не расставался с автоматом и то и дело сканировал местность. Кира ловко разожгла небольшой костерок в ямке без поддувала, и мы разогрели еду.

— Ты, наверное, меня ненавидишь? — спросила Кира.

— С чего ты взяла? — заворчал я. Злость на нее улеглась, здравый смысл расставил все по своим местам. Она виновата в смерти Витьки не больше меня.

— Потому что это сделал Борис. А он мой брат. Не появись я, не появился бы он.

Да, эта начитанная амазонка умна. Словно мои мысли прочитала, как если б они были написаны у меня на лбу.

— То что он твой брат, ни о чем не говорит. Это нелогично — винить тебя.

— Люди не мыслят логически. Люди мыслят ассоциативно. Я вызываю нежелательные ассоциации.

— Вызываешь. И что? Что с этим делать?

— Не обязательно всегда что-то делать. Иногда важно просто понять. Если хочешь, я уйду.

У меня перехватило дыхание.

— Не уходи, — сказал я после короткой заминки. — Я останусь совсем один в этом мире. Без Витьки он стал чужим...

Вывалил ей все как на исповеди. Не в моих это правилах, но я сегодня размяк...

Кира приподняла бровь:

— Почему? У тебя нет знакомых и родных в Вечной Сибири?

— Нет. Я чужак в чужой стране.

Она не поняла. Все это время она считала меня обычным обитателем Вечной Сибири. Я коротко рассказал ей о том, кто я такой на самом деле и как попал сюда. Не старался быть убедительным, а рассказ и без того звучал как бред.

— Короче, я попал из прошлого. Или с помощью машины времени, или меня погрузили в анабиоз.

Как ни странно, Кира поверила, это было видно по выражению ее лица, по которому

скользили отблески огня.

— Ты попал из прошлого через квест-камеру? — уточнила она. — Я читала в самой современной книге по достижениям науки про квест-камеры и многое другое. Незадолго до возникновения Поганого поля было окончательно доказано, что путешествия во времени невозможны, а анабиоз сопровождается необратимыми последствиями в психике и памяти... А ты здоров.

— Что это значит?

— Я думаю, ты не попадал в будущее. Ты из этого времени, из нашего, ты — Олесь Панов из Вечной Сибири. Ты проходил квест к “буржуям”, то есть примерно в начало двадцать первого века по старому летоисчислению, и воспоминания этого квеста расцениваешь как свою прежнюю жизнь, хотя это все ненастоящее. Потом случился глюк. Тебя узнавали, как Олеся, потому что ты и есть тот самый Олесь. Другого нет. Это не им внушили, что ты — тот человек; это ты внушил себе, что ты — человек из другого времени.

Битых три минуты я пытался переварить сказанное и так и не переварил.

— Не может быть! — выкрикнул я.

Внезапно без всякого апгрейда и архивной памяти припомнился в деталях разговор с Витькой.

“А вдруг вся твоя предыдущая жизнь и есть глюк?”

“Да не может этого быть!”

“Ладно-ладно...”

Я уже отрицал очевидное, не желал заглянуть правде в глаза.

Кира проговорила:

— Это легко проверить. Что ты помнишь из своей жизни в прошлом? Кто твои родители? Твои друзья и подруги?

— Димон... — Мой голос дрожал. — Мой приятель и бывший сокурсник. Это он меня заманил...

— А другие приятели? Родители — кто они?

Я зажмурился и схватился за голову. Я не мог вспомнить! Помнил только тетю, которая растила меня... Не тетя ли это Вера? Но тетя Вера живет в Вечной Сибири!

За все время жизни в новом мире я ни разу не подумал о родителях, братьях и сестрах. Была лишь одна-единственная мысль о тете в квест-зале, когда я вылез из камеры голый и покрытый жидкой слизью, аналоге околоплодных вод. Мысль пропала и с тех пор не возвращалась.

В памяти проклюнулся голос Ани:

“Да это популярный квест. Я, правда, его не люблю. Люблю в сказочные миры, к феям, эльфам и гномам... В прошлом мир был под властью буржуев — хапуг и эксплуататоров. Ничего хорошего от них миру не перепало. Но некоторым нравится в такой квест отправиться и жить как обычный житель того времени. Или необычный. Строить свой... как его... капитал. Глупости, конечно, но занятно”.

Если бы квест не прервался, я нашел бы работу и начал строить свой капитал. Меня прошиб холодный пот, несмотря на теплый вечер.

— У тебя ложная память, — безжалостно сделала вывод Кира. — Я читала про нее.

— Ложная память? — повторил я. — И жизнь ложная? И попаданец я ложный? Я никуда не попадал, просто свихнулся, поймал глюк?

Я чуть незаорал, но сдержался, сунув левый кулак в рот и едва не обломав зубы о

печатки.

Вспомнилось кое-что другое.

“Если бы я точно знал, что после смерти что-то есть, я бы ее нашел!”

Я вскочил и подошел к гнедой лошади.

— Ты куда?

— Надо кое-что проверить. Жди здесь!

— Но Погань! Ночь близится!

Я похлопал по наплечной сумке.

— Мои колдовские мешочки защитят.

Продев ногу в стремя, я вскочил в седло и толкнул пятками бока лошади. Она послушно двинулась вперед по залитой светом ущербной луны равнине. Я сильнее толкнул лошадь стремями, и она перешла на галоп. Прежде я никогда не ездил верхом, по крайней мере, не помнил такого, но сейчас я держался в седле с удивившей меня самого уверенностью.

Я чувствовал расположение Ведьминого круга с могилой Витьки и мчался к ней безошибочно.

Минут через пятнадцать я остановился и спешил к выложенным кругом белых валунов. Вблизи было видно, что их матово-белую поверхность покрывают красные прожилки, образуя рисунок, как на Поганных грибах.

Могилка была разрыта и зияла продолговатой черной пастью. Я заглянул в нее — завернутое в саван тело пропало.

ОБНАРУЖЕНО ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ НЕИЗВЕСТНОЙ ПРИРОДЫ

Я закрыл глаза и поднял вверх лицо, вслушиваясь в себя. Над Ведьминым кругом поднимался столб энергии. Кем ты стал, Витька? Частью Поганого поля или ушел в другие миры?

— Витька! — крикнул я в ночь. — Я найду тебя! Клянусь, я найду тебя!

И я выполню клятву, потому что ты — мой единственный друг во всех мирах и родная душа. Это мы с тобой собирали лут и планировали побег к Отщепенцам; это я был мрачным и нелюдимым Олесем, это моя подруга Катя уехала в Князьград. Мне промыли мозги, и я потерял себя. Но я не потеряю тебя, мой друг. А еще я найду всех виноватых и накажу.

Больше книг на сайте - Knigoed.net